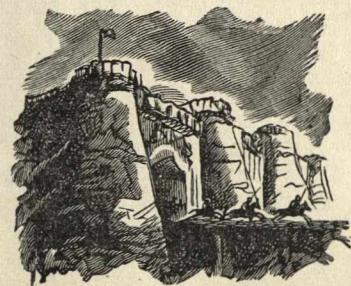

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

КЫРК КЫЗ

ЗАПИСАНА СО СЛОВ СКАЗИТЕЛЯ
КУРБАНБАЯ ТАЖИБАЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1956

СОРОК ДЕВУШЕК

252856 / 344
МЛБ / 958252
В. И. Ленин adına Bakı
Mərkəzi Kitabxanası
Bakinskiy / Centrāl'naya
Biblioteka im. V. I. Lenina

В ПЕРЕЛОЖЕНИИ
АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1956

Azərbaycan Respublikası Prezidentinin
İşlər İdarəsi
PREZİDENT KİTABXANASI

Вступительная статья
Л. КЛИМОВИЧА

Иллюстрации художника
В. КАЙДАЛОВА

Оборложение художника
Н. МУХИНА

О НАРОДНОЙ ПОЭМЕ «СОРОК ДЕВУШЕК»

Огромны поэтические богатства народов Советского Союза. В сказках, песнях, эпических сказаниях на протяжении тысячелетий народ выражает свои радости и печали, думы и мечты о лучшем будущем, уверенность в победе правды над несправедливостью.

Песни и сказания, в которых переданы мечты о человеческом счастье, создает и хранит и каракалпакский народ, трудолюбивый и мужественный, в результате Великой Октябрьской социалистической революции впервые в истории получивший государственную самостоятельность. В советской Кара-Калпакии осуществились вековые надежды народа о дружной, свободной и мирной жизни.

Одним из замечательных поэтических сокровищ каракалпакского народа, в котором нашли выражение его высокие идеалы, является эпическая поэма «Сорок девушек» («Кырк кыз»). Это произведение, повидимому, первоначально создано среди каракалпакского племени муйтенов, издавна жившего у берегов Аральского моря и на островах, занимавшегося земледелием и рыболовством. Первоначальное исполнение поэмы связывается с именем Жиена-жрау, древнейшего из прославленных каракалпакских сказителей, принадлежавшего к племени муйтенов; его деятельность относится ко второй половине XVIII века. Записана же поэма «Сорок девушек» в 1940 году в колхозе «Обком» Турткульского района Кара-Калпакской АССР со слов известного сказителя Курбанбая Тажибаева.

Курбанбай родился в 1876 году и, по его словам, происходит из каракалпакского рода Кара-Мангыт, племени Мангыт. Отец Курбанбая, бедный крестьянин, обрабатывал небольшой участок солончаковой земли,

урожаи с которого не мог прокормить семью. Это заставило Курбанбая с одиннадцати лет стать чабаном у бая, батрачить. Вскоре же, в юные годы Курбанбай начинает слагать и петь песни. Однажды бай услышал песню пастуха. Пораженный ее красочностью, он захотел узнать, где пастух этому научился. Курбанбай ответил по традиции, как это было принято у сказителей: «Во сне». Впрочем, Курбанбай, добродушно посмеиваясь, не прочь и теперь рассказать легенду о «чудесном сне», во время которого он получил поэтический дар.

Песни Курбанбая вскоре приобрели популярность, его стали приглашать как певца на празднества и пиры. Старшие, вспоминая Курбанбая, советовали ему учиться музыке и художественному слову у известного в то время каракалпакского сказителя Халмурата (умер около 1902 года), жившего в Нур-ате (Самаркандская область Узбекской ССР). Нур-атинский район, как и некоторые другие районы Самаркандской области, был знаменит и узбекскими сказителями; у них, повидимому, были связи и с шаирами (творцами-импровизаторами и исполнителями) Кара-Калпакии, продолжавшими традиции Жиена-жрау. При первой возможности, восемнадцати лет, Курбанбай уехал в Нур-ату к Халмурату; учась у него и прислуживая ему в течение шести лет, он на слух выучил одиннадцать сказаний. В числе этих сказаний-поэм (дестанов) были «Сорок девушек», «Ширин и Шекер», «Боз заман», «Ер-Косай», «Джаханче», «Илим-хан», «Алпамыс», «Коблан», ногайский эпос «Курман-бек» и др. По совету Халмурата, Курбанбай побывал затем у престарелого каракалпакского сказителя Ербая из племени Анна, жившего в Бухарском ханстве близ берегов воспетого в сказаниях озера Байсун (ныне Сурхан-Дарьинская область Узбекской ССР); у Ербая он услышал дестан «Ер-Зивар», который, как и все другие сказания, исполняет и сейчас, несмотря на свои преклонные годы. Халмурат, вспоминает Курбанбай, был палкой тех своих учеников, которые, передавая усвоенные у него дестаны, произвольно изменяли их; он требовал, чтобы в дестаны ничего не добавлялось.

Мастерской игре на кобызе — струнном музыкальном инструменте, на котором сказитель аккомпанирует себе при исполнении дестана, Курбанбай выучился у музыканта Нурабуллы (Абдрасуля Калбалы), жившего тогда в Кунграде (Кара-Калпакская АССР). После установления в Каракалпакии советской власти Курбанбай работал в национальной труппе каракалпакского драматического театра, а затем, до 1940 года, когда началась запись исполнявшихся им дестанов, в республиканском радиокомитете. В августе 1954 года Курбанбай, проживающий сейчас в Турткуле, участвовал в работе третьего съезда Союза советских писателей Кара-Калпакии, состоявшемся в Нукусе. Жизнерадостный, полный энергии и любознательности, рассказывал он на товарищеской встрече с писателями о своей жизни и творческих планах.

Курбанбай относится к прошлому, отображенному в исполняемых им эпических поэмах, не безразлично, не пассивно, а активно. Эпос — это своего рода повествование о прошлом, в котором в то же время отражены взгляды народа и на события его дней и на будущее. Эта черта объясняет особую привлекательность, которую имеет для нас и поэма «Сорок девушек».

Версия дестана, записанная от Курбанбая, с начала до конца сложена стихами. Повидимому, первоначально в нем, как и в некоторых других дестанах народов Средней Азии, стихотворный текст перемежался с прозаическим, частью ритмизованным повествованием. Это подтверждает и Курбанбай, указывающий в то же время, что, исполняя «Сорок девушек», он, увлекаясь, передает все в стихотворной форме. Последнее придает особую силу и обаяние этому жизнерадостному дестану.

С большим тактом и проникновением в жизнеутверждающее начало народной поэмы ее важнейшие особенности сохранены и в переложении поэта А. А. Тарковского.

Говори, струна, со струной,
Пой, кобыз громозвучный мой,
О родной стороне,
О седой старине,
О делах старины седой!..
Зиму побеждает весна.
Дивно преобразается степь.
Кони ржут, звенят стремяна,
Травами украшается степь.
Расселяются племена.
Умножаются города.

Содержание поэмы связано с важными событиями из жизни каракалпакского народа. В художественных образах эпоса нашли отражение нестигаемая воля народа к свободе и независимости, многовековая борьба каракалпаков за свою землю против захватчиков, против угнетателей и разорителей родной страны.

Гулаим, дочь Аллаяра, правителя каракалпакской крепости Саркоп, получила в дар от отца расположенную на острове местность, носившую название «Миуели», что значит «плодоносная» или «фруктовая». В этой местности была построена для Гулаим крепость, вокруг которой вырыт ров, возведены высокие стены, ворота же сделаны из стали и чугуна. Земля в Миуели была вспахана, удобрена и орошена, и вскоре Миуели стало подобно большому саду. Живя вместе с сорока девушками в Миуели, вдвигаясь от всех, Гулаим готовила их к тому, чтобы они стали отважными богатыршами, искусными воительницами.

Одна из девушек, Сарбиназ, раскрывает, почему Гулаим, которой пошел лишь шестнадцатый год, обучила своих подруг воинскому искус-

ству. Калмыцкий хан, — говорит Сарбиназ, — готовится ограбить наш народ, разорить наши земли. В наших сердцах ненависть к захватчику, мы должны быть готовы встретить его с оружием в руках, сделать все, чтобы победить врага.

Последующие события, развертывающиеся в поэме, подтверждают слова Сарбиназ. Нападение калмыцкого хана Суртайши на Саркоп, гибель в битве отца Гулаим — Аллаяра, разорение каракалпакских земель и увод саркопцев в плен — обо всем этом рассказывается в «Сорока девушках». Поэма передает также волнующую повесть о том, как Гулаим и ее сорок подруг, узнав о нападении калмыцкого хана на Саркоп, мстят за разорение и поругание своего народа, своих близких. Смелость, отвага и мужество, соединенные с верностью родине, приводят их к торжеству над врагами. Девушки побеждают хана Суртайшу, освобождают пленных саркопцев, обязывают разорителей возместить ущерб, нанесенный каракалпакскому народу.

Выразительно переданы переживания главных героев: Гулаим, ее возлюбленного хорезмского богатыря Арыслана, его сестры Алтынай, девушки Сарбиназ, богатыря Отбаскана и многих других. Общественные мотивы преобладают над личными и определяют конечную судьбу его положительных героев. Когда Арыслан добивается любви Гулаим еще до полной победы над ханом Суртайшой, мужественная девушка говорит ему о своем долге перед народом:

«...Я встретила влюбленного на пути,
А мне бы — друга верного обрести.
Мой сокол, раздели со мной ратный труд,
Не мучь меня, избранник мой, не когти!»

«Сорок девушек» — это поэтическое сказание о богатырях, в нем отражена борьба каракалпакского народа против внешних захватчиков. В их числе эпос называет джунгарских (калмыцких) ханов, с XV и до конца первой половины XVIII века не раз совершавших грабительские набеги, угрожавших самостоятельности и самому существованию народов Казахстана и Средней Азии. Около 1725 года вторгнувшись из Центральной Азии джунгары захватили Ташкент, Сайрам (второй раз), Туркестан и нанесли серьезный ущерб жившим в этих местах казахам, узбекам и каракалпакам. Не раз нападали на каракалпаков и калмыцкие ханы, кочевавшие в то время в степях Нижнего Поволжья, в частности, в правление Аюки-хана (умер в 1724 году), расчетливого политика и деспота, связанного с врагами России. Недаром еще в первой половине XVII века в грамотах среднеазиатских властителей к царю Михаилу Федоровичу и в ответах русского царя возбуждался вопрос о совместном военном походе против калмыков, нападавших на мирных жителей, грабивших купцов и послов как среднеазиатских, так и русских.

Борьба народов Средней Азии против джунгаро-калмыцкой угрозы нашла отражение во многих эпических произведениях о легендарных богатырях, в частности в каракалпакских, узбекских и казахских версиях эпоса «Алпамыш». К таким сказаниям о богатырях, отстаивавших свою родину от нападений иноземцев и от угнетателей народа, и относится эпическая поэма «Сорок девушек».

В образе калмыцкого хана Суртайши и в описании чинимых им зверств эпос передал воспоминания о нападениях и других завоевателей, в числе которых были и свирепые орды монголов. Не случайно и сейчас у каракалпаков есть предания о «калмаке Шингизе», то есть кровавом Чингиз-хане. О разрушении монголами в 1221 году и Тимуром в 1388 году Куны-Ургенча (Ташаузская область Туркменской ССР) Курбанбай рассказывает как о разгроме, учиненном калмыками. Он добавляет, что они же разорили Саркоп, который, по мнению сказителя, находился между современными Шаббазом и Турткулем в местности Кылышбак. На север от Саркопа, места, богатого водой и зарослями камышей, где живут каракалпаки из племени муйтенев, находилась и крепость Гулаим — Миуели.

В таких исторических смещениях нет ничего исключительного. Они во многом характерны и для эпоса других народов Средней Азии и Казахстана, также подвергавшихся неоднократно нападениям джунгарских ханов. То, что борьба против джунгаро-калмыцких нападений вытеснила из памяти ряда народов другие важные факты их истории, не раз отмечалось и русскими учеными, писателями и путешественниками. Например, передовой русский писатель В. Г. Короленко писал после посещения Илецкой степи, где ему довелось слушать сказителей-казахов: «...исторические воспоминания степи даже о сравнительно недавнем прошлом спутанны и неясны. Борьба с калмыками, которых киргизы (казахи. — Л. К.) прогнали из зауральских степей, составляет, кажется, главное содержание киргизского эпоса»¹. Стремление же отождествить условные географические названия эпической поэмы с определенным пунктом родной страны связано с патриотической сущностью поэмы.

¹ Вл. Короленко. У казаков. Поездка по верховым станицам. «Русское богатство», 1901, № 12, стр. 199. Применительно к каракалпакскому эпосу эту же черту отметил его исследователь покойный Н. Давкараев. «При позднейших переработках эпоса, — писал он, — все внешние враги заменялись эпическим названием «калмак» (калык). И это понятно, так как самыми грозными внешними врагами среднеазиатских кочевых народов в XVII—XVIII вв. были джунгары — калмыки. В народном представлении слово «калмак» означает жестокого, беспощадного врага». Н. Давкараев, «Очерки по истории каракалпакской литературы». Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук. Институт Востоковедения Академии наук СССР. Изд. АН СССР, 1950, стр. 18.

Впрочем, тема борьбы против хана Суртайши не исчерпывает сюжета «Сорока девушек». Существенной частью эпоса является повесть о хорезмской богатыре Арыслане и его сестре — богатырше Алтынай. В этой повести отражены некоторые характерные стороны каракалпакско-хивинских отношений. В заключительных главах эпоса, посвященных походу войска Гулаим и Арыслана против коварного Надир-шаха, повидимому, отражена борьба каракалпакского народа с разорявшими его земли хивинскими ханами и прежде всего с иранским шахом Надиром.

В 1740 году Надир-шах захватил Хиву, подчинил себе территорию Хивинского ханства. Он отнял у жителей Хивы и прилегающих районов продовольствие и другие ценности, увел в плен значительную часть мужского населения. Поход Надир-шаха и последовавшие распри среди феодальной знати привели к крайнему обнищанию края. В XVIII веке были годы, когда в столице ханства, городе Хиве, оставалось не более сорока семейств.

Захват Надир-шахом Хивы вызвал в 1741 году широкое восстание местного населения против господства иранцев. Повстанцы осадили и взяли Хиву, убили наместника Надир-шаха, уничтожили его гарнизон.

Естественно, что эти события остались в памяти народа. Но народный эпос передал исторические события в обобщенной и часто измененной до неузнаваемости форме, так что была оказалась переплетенной со сказкой. Не сохранил эпос и имен исторических деятелей, боровшихся против Надир-шаха, хотя его имя осталось, превратившись в синоним отрицательного героя — злодея и захватчика.

Замечательной чертой богатырей эпоса «Сорок девушек» является их великодушие. После того как Надир-шах и его войска были разгромлены, Гулаим прекращает войну, останавливает разошедшегося Арыслана. Эти люди, — говорит она о жителях Хорезма, освобожденных из-под власти Надир-шаха, — нам не враги. Без хана они будут сыты.

«...Сокол мой, снизойди ко мне,
Выполни мой скромный совет —
Подари вдовице-стране
Добрый мир, закон и любовь,
Прекрати безвинную кровь
Пролить по чужой вине!»
И от этих слов Гулаим
Розы выросли на золе,
И от этих слов Гулаим
Народился мир на земле.
Вот и побратались враги,
Вот и помирились друзья,
Только беков-палачей
Арыслан по рукам связал
И казнить приказал.

У народов, подчеркивается в поэме, нет взаимной вражды: лишь ханы и шахи, чиня злодеяния и обогащаясь, натравливают один народ на другой, истребляют невинных людей. В этом отношении интересен эпизод на пиру у хана Суртайши в Мушкиле. Приехавшие на пир гости увидели пленных саркопцев со связанными руками. Возмущенные этим, они стали укорять Суртайшу: «В чем они провинились? Почему ты их гнал как скотину? Зачем их связал?.. Они тебя мучили? Или они разрушили твоё жилище?.. Ты пошел и разграбил их страну, перебил людей в их городе, окрасил кровью их поля, зажег их сады... Разве человек — перелетный гусь, что ты, кого ни увидишь — убиваешь? Ты заставил плакать целый народ, как будто мало у тебя своего имущества?.. Проклятье тебе, Суртайша! Не будем пировать на твоём пиру».

Защищая саркопцев, гости, созванные на пир к Суртайше, говорят и о своей участи. Они не поддерживают Суртайшу: «Мы были целым народом... Кто из нас был скотоводом, кто ловил рыбу... Ты не был нашей защитой, каждый день облагал налогами... как баранов, истреблял народ. Если наша коза приносила двойню, одного козленка забирал ты. Несчастья, бедствия на наши головы обрушил ты... Какие только мученья не причинил ты нам! Из наших людей ты был худшим. Проклятье тебе, Суртайша!.. Ты мучил пленных... Верни их на их родину!.. Дай пленным столько еды, чтобы хватило им, пока они дойдут до своей родины. О Суртайша, Суртайша, посмотри и на наши слезы!»

В этих словах выражены высокие чувства народа, осуждающего злодейство и алчность своих угнетателей. Эти чувства говорят об общности интересов народов, мечтавших о том, чтобы освободиться из-под феодального гнета ханов, своих притеснителей и эксплуататоров. Характерно также, что хан Суртайша жестоко наказывает даже созданных им на пир гостей, не побоявшихся сказать ему в лицо горькие слова правды.

Эпос показывает классовое расслоение в среде калмыков, народа, подвластного Суртайше. Бедняки выступают против хана и знати, обогащающихся на разорении народа. Простые люди сочувствуют Гулаим и ее войскам и, не выдержав ханского гнета, сами поднимаются против Суртайши.

Жизненность эпической поэмы «Сорок девушек» определяется, прежде всего, теми патриотическими чувствами, которые в ней выражены. Это — любовь к родине, вера в ее светлое будущее, радость борьбы за свободу и независимость своего народа.

Богатырь в эпосе — герой, борющийся за свой народ и родную землю. Эта мысль хорошо передана, например, в обращении Гулаим к девушкам-богатыршам, собравшимся в далекий и трудный поход:

«...Тот, чье сердце не горячо,
Кто на поле чести не смел,
У кого ни меча, ни стрел —

Кто во славу земли своей
Кречетом не кинется в бой —
Тот не настоящий батыр.
Кто не глух, но для чьих ушей
Слово «родина» звук пустой —
Тот не настоящий батыр.
Кто не слеп, но для чьих очей
Степи отчие не милей
Зарубежных тучных полей —
Тот не настоящий батыр!»

Предатели и трусы жестоко осуждаются в поэме, им нет оправдания. Гулаим отрекается от братьев, оказавшихся изменниками и трусами. Даже прах таких подлецов она отказывается предать погребению, чтобы он не осквернил родную землю.

Оскорбленной земли своей
Грудью не заслонившим —
Позор!
Отчему народу мечом
В битве не послужившим —
Позор!
Отступившим перед врагом,
Меч свой уронившим —
Позор!
Трусам, сдавшимся в плен живьем,
Родине изменившим —
Позор!

Возвышенны мечты о дружбе народов, отраженные в поэме «Сорок девушек». Когда Гулаим и Арыслан со своим войском сокрушили врагов и установили в Саркопе свое правление, при котором даже вдовы и сироты не были обижены, они стали заботиться и о том, чтобы хорошие старшины-управители были не только у каракалпакского народа, но и у узбекского, казахского и туркменского. Назначая правителями прославившихся мудростью и добротой каракалпаков, узбеков, казахов, туркмен, Гулаим дает им наказ быть справедливыми к народу, править на благо страны.

В рассказе о Гулаим и ее девах-воительницах и, частично, в повести о воинской доблести Алтынай содержатся, повидимому, весьма древние элементы, в частности, следы эпохи матриархата, то есть той первобытной эпохи, когда женщины часто занимали «не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое»¹. Именно Гулаим и ее соратницы освобождают из плена хана Суртайши своих сородичей. Гулаим

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 438.

становится правителем своей страны; за ней сохраняется власть даже тогда, когда она выходит замуж за хорезмского богатыря Арыслана. Не она едет на родину к мужу, а он остается жить с нею в стране каракалпаков. И после замужества власть Гулаим продолжалась.

О древности этих элементов свидетельствуют и некоторые сходные мотивы в других сказаниях и легендах, записанных в Каракалпакии. В частности, об этом можно судить по преданиям, сохранившимся у каракалпаков-муйтенов, среди которых, как мы отмечали, повидимому, была впервые сложена поэма «Сорок девушек». «В собранных нами легендах указывается, — пишет современный этнограф, — что муйтены ведут свое происхождение от женщины Ак-Шолпан («Белая Венера»), которая, по одним вариантам, была царевной, а по другим — рабыней. Это имя было «ураном» (боевым кличем) муйтенов»¹. На территории Кара-Калпакии сохранилась и древняя крепость, носящая название «Сорок девушек» — Кырк-кыз-кала.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть прогрессивности эпической поэмы «Сорок девушек», в которой главным положительным героем является девушка Гулаим. Уже создание образа женщины-воини, мудрой и справедливой правительницы в условиях средневековья, при господстве мусульманских законов, лишивших женщину элементарных прав, при-нижавших ее, не могло не иметь характера протеста против того, что защищали светские и духовные феодалы, что было «святым» для ханов и вельмож.

Весьма знаменателен в этом смысле независимый и смелый ответ Алтынай — сестры Арыслана — на домогательства шаха Надира:

«... Я в поступках своих вольна,
Я — сама себе голова,
Почему же я, как трава,
Пред тобой склоняться должна?..
Нет, Надир!..
Я не стану женой твоей,
И не столь уж ты велик,
Чтобы с наших вольных степей
Мы платили тебе салык...»

Выразительны и подлинно народны характеры таких героев эпоса, как, например, саркопский богатырь Отбаскан или соратница Гулаим — Сарбиназ. Эти простые люди показаны сознающими свое достоинство

¹ Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948» (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I). Изд. АН СССР, Москва, 1952, стр. 479. См. также созданную на основе каракалпакского фольклора «Сказку о женском ханстве» И. Н. Каразина.

и моральное превосходство над угнетающими их ханами, феодальной знатю. Вот измученного пытками Отбаскана, закованного цепями, привели к вершащему расправу хану Суртайше. Но смел и непреклонен Отбаскан: не ему, честному и верному своему сыновнему долгу перед родиной, а разбойнику Суртайше, — говорит Отбаскан, — надо бояться:

«...Потому что я правду свою вершу,
Потому что я кривду твою крушу,
Потому что я верен земле отцов,
Потому что служу ей, пока дышу.
Ты хотя лопни от злости — я не умру,
Раздоби мои кости — я не умру,
Очи выколи — буду, как сокол, зряч,
Ибо призван к отмщению и добру!
Если ж не по плечу мне благая цель —
Этой цели достигнет мой гордый эль.
Рассекающий камень — да рассечет!
Вижу славу родимой земли отсель!»

Также тверда и решительна Сарбиназ, своими подвигами заслужившая любовь соратников. Вот она прорвалась сквозь тучи стрел, прибыла как посол Гулаим к Суртайше. Ее не страшат ни брань, ни угрозы расвирепевшего хана. Речь Сарбиназ полна достоинства и иронии:

«Эй ты, хан Суршайтан, закрой свою пасть;
Я ногами твою попираю власть.
Я — Саркопа несдавшегося посол.
Не тебе моей кровью напиться всласть.
Гулаим не желает народу зла,
И в столицу твою не затем вошла,
Чтоб народ неповинный карать-казнить
И обители мирные жечь дотла.
Не шути с Гулаим, кровопийца-хан!
Мы твой эль пощадим, кровопийца-хан!
Власть твою — сокрушим! Мы в степи хотим
Биться с войском твоим, кровопийца-хан!»

Ханы, подобные Суртайше, — враги народа, они мучают ни в чем не повинных людей, как бы с дьявольской жестокостью издеваются над ними. Эта мысль, содержащаяся в поэме, удачно сохранена в приведенном месте переложения путем изменения имени Суртайши на «Суршайтан», то есть от слова «шайтан» — бес, черт, злая сила.

Гулаим — благородный воин, великодушный противник, она не нападает по-разбойничьи, как это делает Суртайша. Она даже соглашается предоставить Суртайше семь дней на подготовку к единоборству. Гулаим знает: правда на ее стороне, семь дней не спасут кровопийцу, и она побеждает. Но, уничтожив Суртайшу, Гулаим не проявляет алчности или

тщеславия. Она требует возмездия лишь потому, что хочет добра народу. Мечь ее обращена только против хана и его приспешников.

Оптимистичность поэмы «Сорок девушек» — один из важнейших признаков ее народности. «Очень важно отметить, — указывал А. М. Горький, — что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами»¹.

То, что народ даже в ужасающих условиях феодально-патриархального строя, создавая свою поэму, смотрел прежде всего вперед, на наш взгляд, хорошо выражено и в ее переложении. Так, рассказав о том, как Гулаим в единоборстве одержала верх над Суртайшой, навсегда покончила с ним, поэт не задерживает внимание читателей на кровожадном хане:

Тут ему и пришел конец.
И навек забудем о нем!
Лучше, милые, поглядим,
Как над степью солнце встает;
Поглядим, как за пядью пядь
Молодая трава растет...
Меч народа — непобедим!
Дух народа — несокрушим!

Нет народов, которые были бы врагами друг другу; их враги — кровожадные ханы, шахи, феодальная знать, — такова основная мысль, выраженная в этой поэме, пронизанной оптимизмом, верой в человека.

Трудно исчерпать все богатство поэмы «Сорок девушек». Сколько тонкого наблюдения жизни и народного остроумия передано в сценах путешествия и появления в Миуели претендентов на руку Гулаим, в позорном изгнании Сайеке, одного из таких женихов! Красочен образ плешивого хитреца Журьнтаза, пытавшегося завладеть Гулаим путем обмана ее суеверного отца — бая Аллаяра, у которого он пас овец. С большим мастерством переданы образы прислужников злодея Надиршаха — зловредного старика Кулымсая и старухи-колдуньи (Мастан-Кемпир).

Тепло и ярко сказано в эпосе о верных боевых друзьях Гулаим, Арыслана и Алтынай, об их богатырских скакунах. Героям помогают и другие животные, даже тигры, а также представители пернатого царства. Реалистично рассказано о народных развлечениях и обычаях.

¹ М. Горький, О литературе. Литературно-критические статьи. Изд. «Советский писатель», 1953, стр. 698.

Тонко переданы многие отличительные черты природы Кара-Калпакии с ее огромными пространствами, где имеются не только пустыни и степи, но и земли древнего орошения, озера, реки, возвышенности, где несет свои могучие воды Аму-Дарья, разбивающаяся в дельте на множество протоков и каналов, а по берегам находятся поросшие высоким густым камышом болота и тугаи, часто сравниваемые с джунглями, в которых охотник может встретить даже тигра. На протяжении сотен километров Кара-Калпакию омывают лазурные воды Аральского моря, богатого, как и Аму-Дарья, промысловой рыбой и имеющего много заливов и прибрежных островов. Поэтому становится понятным, почему в поэме «Сорок девушек» говорится об острове Миуели и других островах, встречаются сравнения просителя со склоненным камышом, поднимающимся из глубины озера, тонкого девичьего стана — с гибкой веткой ивы, почему в ней бережно и с большой наблюдательностью изображено многое не только из пастушеского быта, но и из жизни пахаря, возделывающего землю, и, наконец, содержатся образы моря и людей, отправившихся в плавание. Следует принять во внимание и то, что каракалпаки, в своем происхождении связанные с печенегами («черными клобуками» русских летописей, что соответствует тюркскому слову «каракалпак», значащему «черная шапка»), в период сложения эпической поэмы «Сорок девушек» имели обширные исторические связи и воспоминания. Письменные источники еще XVI и XVII вв. свидетельствуют, что отдельные группы каракалпаков жили как на северо-востоке в бассейне нижнего течения Сыр-Дарьи, близ древнего города Сыгнака, так и на северо-западе в районах нижнего течения Эмбы и Яика (Урала) и, конечно, бывали на Каспийском море («Астархан»).

Но в поэме «Сорок девушек» есть и отражение феодальной идеологии, в том числе религиозных верований, суеверий. Надо иметь в виду, что до Октябрьской революции в стране каракалпаков господствовали патриархально-феодалные отношения, велико было засилье реакционного мусульманского духовенства. Отдельные религиозные и антинародные элементы могли вноситься в эпос и некоторыми певцами, подвергавшимися в условиях власти ханов и баев враждебным идеологическим воздействиям, своего рода «цензуре». Но отдельные чуждые народу мотивы, частично связанные и с грубостью нравов, не являются определяющими, не изменяют в целом народного содержания эпоса; как правило, в переложении поэмы они опущены. То, что религиозные предрассудки не являются определяющими для поэмы «Сорок девушек», подтверждают те эпизоды, где разоблачаются религиозные представления.

Весьма ярко это проявилось в эпизодах, связанных с неудачным путешествием влюбленного Журына к Гулаим. В них, например, рассказывается о том, что во время его отсутствия волки уничтожили значительную часть овец Аллаяра, которых Журын пас. Ища выхода из тяже-

лого положения, в которое он из-за этого попал, Журын зло высмеивает мусульманское учение о предопределении, по которому все на свете совершается по воле аллаха. На собственном примере Журын, нищий пастух, обездоленный людьми и природой (он с детства плешив, поэтому носит прозвище «таз»), испытывает жестокость и нелогичность этого религиозного учения. По его представлению, бог, которого называют «всемиловитым», является не источником милости, а причиной общественного неравенства и несправедливости. Обращаясь к богу, Журынтаз восклицает:

«Ты посох мне дал, но лишил меня крыл,
У бая на службе меня изнурил...
Влюбленного — ныне казнишь, так скажи,
Зачем ты мужчиной меня сотворил?
Ты, боже, на слезы мои не глядел,
Ты, боже, молений моих не хотел;
Я славил и денно и ночью тебя,
А ты и козленка не дал мне в удел...
Когда я свой стан распрямил, наконец,
И двинулся в путь, — что ты сделал, творец!
Тебе не жена, не сестра Гулаим, —
Зачем ты волков натравил на овец?..»

Образы Гулаим и ее отважных соратниц, а также Алтынай — положительных героев эпоса — являются, как мы уже отмечали, своего рода вызовом установлениям ислама — религии, принижающей женщину, проповедующей затворничество, исключение женщины из общественной жизни.

В эпизодах с Журынтазом содержится много народного остроумия и тонкого знания жизни. Неслучайно отдельные мотивы, связанные с этими эпизодами (например, рассказ о том, как Журын ловко обманул бая, спрятавшись в гробнице-мазаре), встречаются и в сказочном творчестве каракалпаков и родственных им народов Средней Азии (в сказках об Алдар-Косе и бае и др.). Но образ Журына имеет и ряд противоречий и непоследовательностей. Так, этот бедняк, находящийся полные гнева слова для осуждения аллаха за тяжелое положение, в котором он очутился, ловко дурачащий бая Аллаяра, заботящийся о вороненке, оказавшем ему помощь, изображен вместе с тем хитрецом и лжецом, сосредоточенным исключительно на мысли о личном преуспевании. Из эгоистических соображений он обманывает не только бая Аллаяра, но и честного богатыря Арыслана; не волнуют его и чувства своей «невесты» Гулаим. Эпос объясняет его неудачу как жениха тем, что он больше всего думает о себе, о своем личном благополучии.

Содержащиеся в эпосе непоследовательности и противоречия, а иногда и отсутствие идейной цельности могли явиться следствием ограничен-

ности жизненного опыта и мировоззрения его создателей — крестьян, а также воздействия на них чуждой феодальной идеологии, особенно ислама. В противоречиях образа Журьна могла сказаться и характерная для феодальной идеологии тенденция сознательного принижения образа пастуха, труд которого в действительности имел важное значение.

Знакомясь с поэмой «Сорок девушек», записанной со слов Курбанбая Тажибаева, нельзя, однако, не заметить, что сказитель, советский человек, многое переосмыслил в духе нашего времени и, что особенно ценно, развил составляющие основу эпоса демократические мотивы. Последнее, впрочем, не значит, что поэма не сохранила черт той отдаленной эпохи, когда она была впервые сложена. Курбанбай и сейчас, более чем через полстолетия после смерти своего учителя Халмурата, придерживается правила точной передачи традиционного текста.

Оружием героев эпоса являются мечи, копьа, луки и стрелы; богатыри сходятся в рукопашных схватках, в единоборстве. Вместе с тем в эпосе встречаются упоминания и о медных пушках, об огнестрельном оружии. Следует отметить, что каракалпаки уже в XVII веке пользовались огнестрельным оружием. Как видно из документа, относящегося к 1698 году, каракалпаки (как и казахи), жившие в районах нижнего течения Сыр-Дарьи, уже в то время добывали свинец, красную медь, селитру и изготавливали порох. Свинцовые месторождения с давних времен разрабатывались в горах Каратау, то есть как раз в тех местах, которые упоминаются в эпосе. Русский исследователь П. Рычков, впервые около середины XVIII века записавший исторические предания каракалпаков, сообщает, что последние не только изготавливали порох, свинец и ружья, но и продавали их казахам.

Приблизительно с этого же времени у каракалпаков устанавливаются торговые отношения с Россией. Еще в 1722 году каракалпаки отправили в Россию караван из тысячи верблюдов, правда, задержавшийся в пути из-за неблагоприятной политической обстановки; прибывшие в том же году в Россию каракалпакские послы предлагали наладить добрососедские отношения, чтобы «послы и посланцы... о делах и о словах их ездили», «купецкие люди как российские, так и каракалпачкие между собой купечество отправляли в безопасности...» Послы писали и о том, что в стране каракалпаков живет много «купленных русских людей»; причем «из русских некоторые, которые уже и пожелались на каракалпачках...» В грамоте каракалпакского хана Ишима Мухаммеда к Петру Первому тогда же высказывалось пожелание, «дабы между нами добрые действия чинились, а злые действия укротились»; подкреплялось это пожелание характерной пословицей: «кто благодетствует, у того борода белеет, а кто злодействует, у него кости белеют». В грамоте императрицы Анны Иоанновны к каракалпакскому хану от 1734 года говорится уже о том, что каракалпаки в 1731 году «о при-

нятии в подданство наше били челом, в том нам присягу свою дали и руками своими подписав утвердили и поныне в подданстве нашем пребываете...»¹ Русское подданство отмечалось и в грамотах сороковых годов XVIII века. Однако отдаленность каракалпакских земель и противодействия, чинимые казахскими правителями, тогда и позднее создавали большие трудности в фактическом распространении на каракалпаков русского подданства.

Присоединение страны каракалпаков к России произошло лишь во второй половине XIX века; по договору 1873 года часть Хивинского ханства, расположенная на правом берегу Аму-Дарьи, отошла к России, левобережная часть стала под ее протекторат. Тогда же был издан закон о ликвидации в Хивинском ханстве рабства.

Царизм установил жестокий режим колониального гнета. Но, вместе с тем, присоединение страны каракалпаков, как и всей Средней Азии и Казахстана, к России положило конец кровавым междоусобицам ханов и защитило среднеазиатские народы от грабительских набегов, от угрозы порабощения со стороны правителей отсталых государств Востока, за спиной которых стояли английские капиталисты.

Присоединение страны каракалпаков, Средней Азии и Казахстана к России сблизило, вопреки желанию царизма и местных эксплуататорских классов, среднеазиатские народы с великим русским народом. Каракалпаки, как и узбеки, казахи, туркмены, таджики, киргизы, вошли в непосредственное соприкосновение и постоянную связь с представителями русского народа, с его рабочим классом — самым революционным классом во всем мире. Передовая русская культура стала оказывать мощное благотворное влияние на культуру каракалпаков, как и всех народов Казахстана и Средней Азии.

Ф. Энгельс писал К. Марксу 23 мая 1851 года:

«...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»².

Но только Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая эксплуататорский строй и режим колониального угнетения, привела каракалпакский народ к свободе и независимости.

В советской Каракалпакии, в условиях торжества национальной политики Коммунистической партии, каракалпакская литература, являющаяся неотъемлемой частью единой многонациональной советской лите-

¹ См. Материалы по истории каракалпаков. Сборник. Труды Института востоковедения Академии наук СССР, т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л. 1935, стр. 170—171, 202—203 и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 211.

ратуры, получила все условия для подлинного и необычайного расцвета. В советской Кара-Калпакии впервые в истории стали систематически собирать и изучать устно-поэтическое творчество народа, начала воссоздаваться история каракалпакской литературы. В числе произведений поэзии широкой популярностью пользуются многие сочинения таких поэтов дореволюционной Кара-Калпакии, как упоминавшийся нами Жиен-жрау (XVIII век), с именем которого связан и эпос «Сорок девушек», Бердах Каргабай-улы (1827—1900) и др.

Успеху произведений устно-поэтического творчества каракалпакского народа способствовало то, что оно никогда не замыкалось в узкую скорлупу «родовых» или «племенных» тем. Весьма характерна в этом смысле творческая биография старейшего из современных народных поэтов Каракалпакии Курбанбая Тажибаева, который, как мы видели, совершенствовал свое мастерство у нескольких сказителей, предпринимая для этого трудные и длительные путешествия. И сейчас Курбанбай живо интересуется поэзией как родного, так и братских народов.

Поэма «Сорок девушек» — большое эпическое произведение каракалпакского народа, получившее широкое признание советских читателей. Она уже издавалась как на каракалпакском языке, так и в переложении и в переводе на русский и узбекский языки. Видный французский писатель и общественный деятель Луи Арагон недавно, тепло отзывавшись о каракалпакской поэме, сравнил ее образы с героями знаменитой «Песни о Роланде». Записанный от Курбанбая Тажибаева эпос «Сорок девушек», — пишет Арагон, — это героическая эпопея, в которой Роланды, Оливье называются Арсланом, Отбасканом и красивой Од, Гулаим»¹.

Настоящее издание переложения А. Тарковского заново пересмотрено поэтом. Отличаясь поэтичностью, переложение доносит до советского читателя основное содержание и художественные богатства выдающейся каракалпакской поэмы.

А. М. Горький, высказывая «уверенность в интернациональном значении нашей литературы», писал о русских художественных переводах поэтических произведений народов СССР, что они являются «тоже стихами русских поэтов»². Это указание А. М. Горького можно отнести и к переложению поэмы «Сорок девушек», сделанному А. Тарковским.

Несомненно, что новое издание каракалпакской народной поэмы «Сорок девушек» будет служить делу дальнейшего обмена культурными ценностями братских народов нашей социалистической родины, их взаимного познания, дружбе народов.

Л. Климович

¹ Агагон, Littératures soviétiques, Paris, 1955, p. 94.

² Письмо М. Горького Н. Н. Накорякову. Начало мая 1936 г. «Литературная газета», 17 июня 1954 г., № 72.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Говори, струна, со струной,
Пой, кобыз громозвучный мой,
О родной стороне,
О седой старине,
О делах старины седой!

Звездный кружится небосвод.
Вслед за годом уходит год.
Вслед за родом уходит род.
Вслед за словом слово идет.

Зиму побеждает весна.
Дивно преображается степь.
Кони ржут, звенят стремяна.
Травами украшается степь.

Расселяются племена.
Умножаются города.

В стародавние времена,
В незапамятные года
Жил в Саркопе-городе бай,
Знаменитый на целый край.

Был богат и годами стар
Именитый бай Аллаяр.
Накопил он много добра;
Тысячи агачей земли
Он пометил знаком своим;
Горы золота-серебра
Под руками его росли;
Тучный скот четырех родов
Тьмы покорных ему рабов
На поемных лугах пасли;
Старый бай шестерых сынов —
Удальцов

И сорви-голов,
Приумножив свой род, имел,
И, на зависть отцам другим,
Дочь красавицу Гулаим —
Цель забот своих и щедрот,
Сердца верный оплот — имел;
И росла день за днем она,
Как среди облаков луна,
Словно ловкая лань, легка,
Словно ивовый прут, гибка.

Мы сравним
Красу Гулаим
С талисманом золотым.

Было ей четырнадцать лет.
Весть о ней облетела свет:
Гулаим — как перь была.
Речь — неспешная,
Стан — стрела,

Рот — наперсток,
Румянец — мак,
Косы — змея,
Губы — каймак,
Зубы — жемчуг,
Стыдливый взор,
На голове — золотой убор.

Была и скромна и стройна Гулаим,
Джигитов пленявшая взглядом одним,
И слава о дивной ее красоте,
Как гром, прокатилась по странам земным.

Блеснет ли ее золотое кольцо,
Сверкнет ли ее молодое лицо,
Джигиты готовы и славу и жизнь
Отдать за ее дорогое словцо.

Она поначалу не знала сама,
Что каждого встречного сводит с ума.
Когда открывались глаза Гулаим,
В рассвет превращалась безлунная тьма.

Была Гулаим как стоцветный веноч,
И если бы солнечный пламень поблек,
Лица ее луноподобного свет
Залить бы до края вселенную мог.

Словно горя на свете нет,
Гулаим, не зная забот,
Прожила пятнадцать лет;
Как пошел шестнадцатый год —
Пыль клубится, и кони ржут,
Сваты в юрте уж тут как тут;
У высоких ее дверей
Больше негде ставить коней,
И конями площадь полна.

Байский сын ли за Гулаим
Заплатить намерен калым, —
Усмехаясь в ответ, она
Выпроваживает послов,
Не сказав и нескольких слов,
С малых лет Гулаим была
Несговорчива и смела.

День настал, когда Гулаим
Сорок девушек созвала;
Научась на любой вопрос
Без запинки отвечать,
Поклялась Гулаим: без слез
И без страха врага встречать,
Поклялась: прекрасных волос
По плечам не распускать,
Настоящим джигитом стать,
Храбрецам-джигитам под стать.

Пожелала Гулаим
Разлучиться с отцом родным,
Жить от братьев милых вдали.
И любимой дочери в дар
Престарелый бай Аллаяр
Отдал остров Миуели.
И, в поступках своих вольна,
Возвела кибитку она
Посредине своей земли
И двенадцати —
Из числа
Аллаяровых мастеров
Повеление отдала
Стену выстроить,
Вырыть ров.

Встала бронзовая стена,
Ров глубокий пред ней пролег,

Кузнецы из чугуна
Крепкий выковали порог.
Как взялись мастера за труд —
Льют свинец,
По железу бьют,
Сталь куют
И песни поют.

День проходит,
Проходит год,
Год проходит,
Идет второй —
И готовы створы ворот,
Изукрашенные резьбой,
Удивительной высоты,
Ослепительной красоты.
Чтобы им из века в век
Охранять Миуели,
Триста тридцать человек
Подымать ворота пришли;
Приклепали к створам замок
О пяти золотых ключах;
И тогда с весельем в очах
Подошла к воротам стальным
И замкнула их Гулаим,
Повернула в замке все пять
Золотых чеканных ключей,
Отдала приказ распахать
Все холмы на земле своей,
Из быстротекущей реки
Воду щедрую провести,
На седые солончаки
Удобрения привезти.

Быстро дни за днями прошли.
Превратился Миуели

В несравненный зеленый сад:
Розы алые расцвели,
Соловьи засвистали в лад,
И — венчающие труды —
Созревающие плоды
Отразились в глади воды.

Полюбив неробкой душой
Шум и удаль игры мужской,
Гулаим устроила той
С козлодраньем и борьбой,
Повела за собой
Подруг
На широкий зеленый луг,
Завязала потешный бой.

Кони быстрые горячи,
А в девичьих руках — мечи.

На своих подруг дорогих
Гулаим глядит, весела,
Ободряет и учит их
Выбивать врага из седла,
В боевом наряде мужском
По-мужски сражаться с врагом,
Тонкий стан стянув кушаком,
Без ошибки владеть клинком;
Учит их искусству, каким
Настоящий храбрец-батыр
В грозный час удивляет мир.

Вот разумница Гулаим
Говорит подругам своим:

«Плачу я, подруги, плачу — слезы лью.
Снег пойдет зимою в дорогом краю.
Сорок вас, подруги, сорок милых мне,
И от вас тревоги я не утаю.

Добрый конь арабский бросится в полет,
Из-под черной гривы заструится пот...
Что ж теперь почувал конь мой Актамкер?
Все дрожит, косится, крепкий повод рвет...

Ночью слышу частый стук его копыт,
Звучно камень черный под конем звенит.
Отчего ушами Актамкер прыдет?
Почему на месте конь мой не стоит?

Актамкеру плетка больше не страшна,
Добрая хозяйка больше не нужна.
Отчего, скажите, конь копытом бьет,
Почему дрожит он и не ест зерна?

Почему сегодня быстرونгий мой
Не остановился конь перед стеной?
Птицей через стену он перелетел,
Чтобы там, на воле, мять ковыль степной.

Может быть, он чует приближенье бед?
Мне тревога злая застит белый свет.
Если не сегодня, то уж не позднее,
Чем под вечер завтра, дайте мне ответ!»

Стали держать совет,
Услыхав такие слова,
Сорок девушек удалых.
Как под зимней бурей трава,
Загорелые лица их
Пожелтели от крепких дум.
Но ответ не пришел на ум
Ни единой из сорока.
Оседлали они коней —
Мол, родная степь широка,
Не найдется ль разгадки в ней?

Из сорока девиц
Самой младшей была
Смуглолицая Сарбиназ.
Ни одна из старших сестриц
Вровень стать не могла
С младшей сестрицею — Сарбиназ.
Из сорока соколиц
Самой смелой была
Соколицею Сарбиназ.

Сарбиназ —
Отрада глаз —
В каждом споре была права,
Словно жемчуг были слова
У разумницы Сарбиназ.
На родном
Раздолье степном
День и ночь провела в седле,
Стала девушкам вожаком
И назад в предрассветной мгле,
В благодатный, прохладный час
Привела подруг Сарбиназ;
И, поклон Гулаим отдав,
В ясной памяти удержав
Всех вчерашних вопросов нить,
Взор потупила Сарбиназ.
Гулаим дала ей приказ
Без утайки все говорить;
Та скромна и взором светла
Вот какую речь повела:

«Я весною цветы собираю в саду,
Я вослед за тобой и на смерть пойду.
Принесла я ответ тебе, о сестра,
Хоть большую тебе он сулит беду.

Было время: сюда мастера пришли;
Крепость грозная вышла из-под земли.

Девятнадцать месяцев нет еще
Горделивой твердыне Миуели.

Наши силы, как луки, напряжены,
Кони наши откормлены и сильны,
Древки доблестных копий у нас в руках
Позолоченной сталью оснащены.

Ты за дело взялась, как прямой батыр.
Ты готовишься к битвам, хоть любишь мир.
Чтоб клинки не заржавели, ты в ножны
Терпеливо втираешь смолу и жир.

Ты подругам вручила мечи, уча
По-мужски нападать и рубить плеча,
Чтобы дорого враг нашу кровь купил,
Не ушел от девического меча.

Так разумно ты действуешь потому,
Что грядущее зримо порой уму.
Принесешь ты спасенье от рабства нам
И отечеству милому своему.

На крутом берегу Ак-Дарьи живет
Хан калмыцкий, терзающий свой народ.
Ровно через шесть лет грабежом-войной
На Саркоп этот хан Суртайша пойдет.

О трех тысячах юрт ак-дарьинский стан.
Тьмы батыров помчит за собою хан.
Он осадит Саркоп; загремят бои,
Хлынет красная кровь из горючих ран.

Будет крупною дрожью земля дрожать,
Будут кони усталые громко ржать,
На гнедом скакуне твоего отца
Будет черный чекмень в день беды лежать.

Дерзкий враг тебя схватит за воротник,
Твой родник замутит, отведет арык;
Шестерых твоих братьев пошлет на казнь,
Отчий город заставит рыдать калмык.

Ты наденешь кольчугу, подынешь меч,
Сорок дев поведешь по дороге сеч,
Будут звонкие стрелы железо рвать,
Будут головы вражьи валиться с плеч.

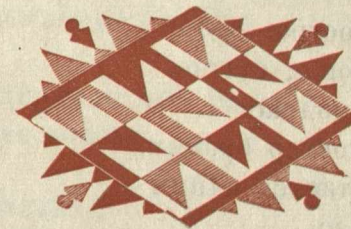
Но когда по золе, по родной земле
Кровь рекой разольется в кромешной мгле,
Не споткнется о трупы твой верный конь,
И удержишься ты в боевом седле.

Конь ушами прядет и копытом бьет,
Чует сердцем стремительных стрел полет,
Слышит ржанье калмыцких лихих коней —
И не хочет зерна и воды не пьет.

Вот и все, что я знаю, сестра, мой свет.
Я даю на вопросы прямой ответ.
За недобрые вести прости меня.
Мне от горьких предчувствий покоя нет».

И, подругой младшей горда,
Гулаим обняла тогда
Прозорливую Сарбиназ,
И вложила по связке роз
В обе смуглых ее руки,
И, целуя в обе щеки,
Милой умницей назвала,
В юрту белую повела
И ее усадила там,
И сложила к ее ногам
Вороха нарядов цветных —
Яркокрасных и золотых;

Обошла с корзиной сады,
Принесла подруге плоды;
Остальных, стоявших вокруг,
Угостила медом подруг;
Подарила всем сорока
Платья, радующие глаз;
Нарядила подруг в шелка, —
И поставила выше всех
Прозорливую Сарбиназ.
И счастливую Сарбиназ
Прославляли сорок подруг,
Пировали сорок подруг,
Пели песни, венки плели
Из цветов родимой земли,
За крепостной
Крепкой стеной
В белых юртах Мдуели
Отдыхая перед войной.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

У костра
Хорошо, светло.
Но подчас
И костер браним.
Достается одним —
Тепло,
А другим —
Достается дым.

В неподкупную Гулаим,
В недоступную Гулаим,
В этот яркий цветок луны,
Были многие влюблены.
Не один джигит изнемог,
Испытав напрасную страсть;
Из страдальцев никто не мог
В крепость этой пери попасть,

И в плену печали они
Проводили черные дни,
У ворот по многу недель,
Словно псы, лежали они
И, вздыхая, смотрели в щель.
Но лица не являла им
Несравненная Гулаим,
И они уставали ждать
И ни с чем уходили вспять.

Под широким шатром небес
Встарь великий Саркоп стоял.
Этот город троих повес
На своей груди воспитал.
Звали их: Аманкул, Ашир
И безухий Сайеке.
И для них потемнел весь мир,
И они слонялись в тоске,
Возмечтав, подобно другим,
О красавице Гулаим.

Раз держали они совет.
Сайеке сказал:

«Пустяки!..
Оседлаем коней чуть свет,
Души вылечим от тоски.
К юрте, где живет Гулаим,
На лихих конях подлетим;
Сорока подружкам ее
Даже рта раскрыть не дадим,
Победим их в споре, друзья,
И добудем вскоре, друзья,
По два яблока наливных.
А когда мы добудем их,
Мы на острове день-другой
В развлечениях проведем,

Отдохнем, поедим, поьем,
А потом вернемся домой.
Что ж, хорош ли совет, друзья?
Вы согласны иль нет, друзья?»

Аманкул склонился без сил —
Тайный страх его подкосил.
Без сознания, бел, как мел,
Целый час лежал Аманкул;
Еле веки он разомкнул,
Еле страх свой преодолел,
И решил отправиться в путь
За безухим другом своим,
Чтоб хоть глазом одним взглянуть
На красавицу Гулаим.
Не желал опасным путем
Вслед за ними Ашир пойти,
Стал он, сидя пред очагом,
Говорить об этом пути.
Проливая потоки слез,
Сам не свой, Ашир произнес:

«Эй, Аманкул, безумец, услышь меня!
Гляди, умрешь бездетным, судьбу кляня.
Я друг тебе, мы вместе росли с тобой.
На этот раз не надо седлать коня.

Любовным нетерпеньем ты занемог.
Пускай с повесой этим ты в должный срок
До крепости доедешь. А где ключи?
Ты знаешь, на воротах какой замок?

Приедешь, будешь злиться, лежать в пыли,
Молить, чтобы на помощь к тебе пришли.
Тебя пригонит голод назад в Саркоп,
Ты проклянешь, рыдая, Миуели.

Но чем тебе поможет твой горький плач?
Что если в завершение всех неудач
Тебе падет на шею меч Гулаим
И голову заставит плясать, как мяч?

Пусть Гулаим — как роза весной в саду,
Зачем ты имя это твердишь в бреду?
Я все сказал. Не езд. Остановись.
Не езд, ты прибавишь к беде беду».

«Что болтает этот глупец?» —
Сайеке безухий шепнул.
«Что ты мне говоришь, наглец? —
Закричал в сердцах Аманкул. —
Не учи меня, замолчи!
Гулаим от своих ворот
Мне ключи
Сама принесет!»
Расходился Аманкул,
Одержимый злобной тоской,
И Ашир тяжело вздохнул,
Замолчал и махнул рукой.

Ночь прошла, рассвет блеснул,
Ветерок прохладный подул,
Кони вздрогнули под седлом:
Сайеке и Аманкул
В путь отправились вдвоем.

Время шло,
И в полдневный час
У Ашира из черных глаз
Со слезами кровь потекла,
И, утратив душевный мир,
Отложил он свои дела:
И в предчувствии многих бед,

Полетел на коне Ашир
За уехавшими вослед.

Он камчой гнедого сечет;
Конь летит, и жаркий пот
По бокам его течет;
Конь летит, не устает,
С хрустом удила грызет,
И горят в глазах коня
Два рубиновых огня.
Мчится всадник-удалец,
Пригибается к луке,
Догоняет, наконец,
Аманкула и Сайеке.
Прах летит
Из-под копыт,
Под копытами степь дрожит,
И разносится по сухим,
Раскаленным пескам степным
Скачки бешеной ровный гул.
«Гулаим! Гулаим!
Гулаим! Гулаим!» —
На скаку твердит Аманкул.
Это имя ему, как мед, —
Умиляется Аманкул.
Это имя, как пламя, жжет, —
Распаляется Аманкул.
В умилении Аманкул
Предвкушает рай на земле.
В нетерпении Аманкул
Усидеть не может в седле.
Три наездника мчатся в ряд,
Три плетеных камчи свистят,
Три коня бок о бок бегут,
Потники протерлись до дыр, —
И коням отдохнуть дают
Аманкул, Сайеке, Ашир.

Три наездника едут в ряд,
Едут шагом и говорят —
У троих на языке
Лишь красавица Гулаим.
Повторяет Сайеке:
«Ай, мне нравится Гулаим!»
И вздыхает Сайеке:

«С Гулаим посмотрим в зеркальце одно,
Разум помутится, да уж все равно.
Эх, джигиты, — в мире краше Гулаим
Ни единой пери не сотворено.

Льется свет алмазный от ее перстней,
Сорок дев-красавиц верно служат ей.
Я коснусь щекою розовой щеки
И не испугаюсь тысячи смертей.

Я отдам всю душу Гулаим во власть,
Лишь в ее объятья дайте мне упасть.
Маленькие руки лягут в руки мне,
Я судьбу-старуху перестану клясть.

Меч моей любимой сердце мне пронзил.
Дух мой болен страстью, плоть моя без сил.
Поделуя милой — больше ничего
Никогда у неба я бы не просил».

На него сердито взглянул
И сказал ему Аманкул:

«Надежды напрасные, брат Сайеке!
Чем конь пред тобой виноват, Сайеке?
До крови камчой ты его исхлестал.
А ну, поезжай-ка назад, Сайеке!

Она за тебя все равно не пойдет,
И не отомкнет пред тобою ворот,

И слушать не станет тебя, хоть умри;
Напрасно пустился ты в этот поход.

В лучах ее — полная меркнет луна;
Весеннего солнца ей сила дана;
Подруги-батыры — опора ее,
Тебя покарать им прикажет она.

Достанется эта красавица — мне:
Она мне любовь обещала во сне.
Кто скажет, что я не достоин ее?
А ты, Сайеке, почему на коне?

Зачем проливаешь ты слезы рекой,
Вздыхаешь, тревожа пустынный покой?
Ты друг мой, но если соперник ты мне, —
Умрешь, Сайеке, как и всякий другой!

В юдоли земной мы однажды гостим,
И пусть я умру, но я буду любим!
О, как величава походка ее!
Клянусь, я тебе не отдам Гулаим!»

Тут расвирипел Сайеке,
Меч блеснул у него в руке.
Испугался Аманкул
И коня назад повернул.
Вот обрушится роковой
И непоправимый удар!..
Но взмолился Ашир:
«Постой!
Я прошу его душу в дар!»

И, сойтись не давая им,
Начал он бранить Гулаим:

«Из-за девки бьетесь, братья, горе вам!
Вместо губ у твари этой рваный шрам.

Брови точно шерсть собачья, — срам и стыд!
Уши длинные, ишачьи, — стыд и срам!

Сухорукая, скупая Гулаим,
Толстопалая, тупая Гулаим,
Неумытая, в коросте, — для чего
Вам косая и слепая Гулаим?

Рот щербатый вкось прорезан и широк,
Все лицо ее в морщинах, как сапог,
Веки вздуты словно рыбы пузыри,
Две подушки в желтых пятнах вместо щек!

Не сердитесь, мы избрали тяжкий путь.
Пусть нам ветер дует в спину, а не в грудь!
Гулаим распутных девок поводишь.
Не домой ли нам, джигиты, повернуть?»

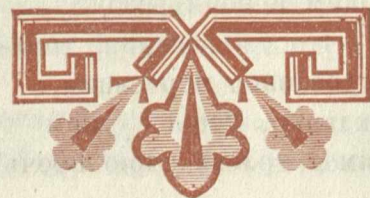
Тут недобрый огонь сверкнул
У Сайеке в глазах,
Он в лицо Аширу взглянул
И ему закричал в сердцах:

«Что болтаешь, глупец Ашир,
Клеветник, бродяга, шайтан!
Проклят будь твой отец, Ашир!
Ты с ума сошел или пьян,
Что чернишь языком дрянным
Несравненную Гулаим?
Мне терпеть эту ложь невмочь.
Ночь кругом, — ничего, что ночь, —
Гулаим в ночи разбужу,
Все, что ты говорил, точь-в-точь
Ей дословно перескажу,
И клянусь тебе: Гулаим
Снимет голову твою прочь!»

Крикнув так, исчез вдалеке
Средь глухих песков Сайеке.
Аманкул и Ашир вдвоем
Совещались, держа совет,
И решили так:

«Подождем,
Поглядим, что нам даст рассвет.
Сайеке с седла не сойдет
Вплоть до самых ее ворот.
Разве станет с глупцом таким
Эта умница Гулаим
Разговоры вести
Да венки плести?
Час придет,
И, словно купец,
Потерявший товар в пути,
Возвратится он, наконец,
Присмирееет, придет в себя,
Руки будет ломать, скорбя.
Где-нибудь поставим коней,
Подождем его, последим,
Поглядим, как тучи мрачней,
Он вернется от Гулаим».

И в траве друзья прилегли
В ожидании Сайеке.
А над ними звезды текли,
Золотой подобно реке,
И алмазами Гулаим
Звезды ночи казались им.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Вы теперь послушайте сказ
О безухом Сайеке.

Встречный ветер в полночный час
Ловит слухом Сайеке.
Никого! Степной простор
Сон сковал до самых гор,
Только эхо звучит вдали,
Мнится, будто и там, в горах,
Там, в горах,
На краю земли,
Скачет конный, вздымая прах,
Только эхо звучит вдали...

Сайеке во весь опор
Мчится по Миуели,
Конь его через ров несет;

Сайеке уже у ворот,
Он уже Гулаим зовет!

Гулаим как раз
В этот поздний час
Выводить коней
Отдала приказ.
Поспешили к ней сорок дев,
И, кольчуги на них надев,
Копья им вручает она.
Звучно звякают стремяна.
Актамкер на дыбы встает.
Гулаим говорит:
«Пора!»

Но внезапно из-за ворот
Чей-то голос ее зовет.
Прекращается игра,
И одной из своих подруг
Гулаим приказ отдает
Сей же час покинуть круг
Тридцати девяти подруг;
К ней, горя
Броней, как заря,
Обращается, говоря:

«В трудный час из глаз живая соль бежит.
Под пятой обид порой трещит гранит.
Кто из-за ворот меня позвал? — узнай!
Меч возьми с собой. Возьми, сестрица, щит.

Если там чужой — пускай он будет рад,
Что не бьют его, не гонят, не корят;
Если вестник там — ворот не отворяй,
Нам незванный гость потопчет виноград.

Если вздором он сочтет твои слова,
Не бранись, не злись, хоть будешь и права.

Не отъедет прочь — не оскорбляй его,
Вспыхивать не смей, как в засуху трава».

И посланница Гулаим,
Станом стройная, как стрела,
Пять ключей спокойно взяла,
Отворять ворота пошла,
Повернула ключи в замке,
Вышла медленно из ворот
И — увидела Сайеке.

До чего ж
Он был нехорош!
Бледножелтый, как скорпион,
От испарины мокр, как мышь,
Он качался, точно камыш,
И его колотила дрожь,
Потому что боялся он.
И залепетал Сайеке:

«Я замучил коня, я всю ночь скакал,
Я не сбился с пути среди песков и скал.
Гулаим оклеветана! Услыхав
Нестерпимую ложь, я без чувств упал.

Отравил меня яд чудовищных слов
Этих двух злоязычных клеветников,
И, вскипев, я сюда прилетел, как вихрь.
Вот зачем я покинул родимый кров.

Я искал их повсюду. Я сбился с ног.
Но двоих изловить я один не мог.
Пусть поймать их поможет мне Гулаим.
Горе мне! Я не ведаю их дорог.

Нет отца у меня... Мать — вдова. Я сир.
Мать — вдова... Мой родитель покинул мир...

Не попались мне в руки клеветники.
Ай, сбежал Аманкул! Ай, сбежал Ашир!»

И посланница Гулаим,
Станом стройная, как стрела,
Эту речь пославшей ее
Деве-пери, ждавшей ее,
Слово в слово передала.

Во главе сорока подруг
Несравненная Гулаим
Появилась в воротах вдруг.

Страстью дерзостной одержим,
Увидав, кто стоит пред ним,
Сайеке поводья из рук
Уронил и — лицо склоня —
Пал без чувств на шею коня.
И увидела на щеке
У безухого Сайеке
Слезы радости Гулаим.
Полный сладости, прозвучал
Звонкий голос ее, меж тем
Как в седле безухий лежал,
От великого счастья нем.

«Долго, видно, ты был в пути.
Что ты хочешь у нас найти?»

И, услышав ее вопрос,
Проливая потоки слез,
Не стерпев огня своего,
Он упал с коня своего.
И не встал Сайеке с земли,
И слова его потекли:

«Покидая родимый кров,
Я мечтал на тебя взглянуть.
Не желал я с твоих цветов
Золотое счастье спугнуть.

Да не вянет твой белый лик.
Да не блекнет твой алый рот.
Слаще сахара твой язык.
Речь твоя — благодатный мед.
Послужу тебе, Гулаим,
Кровь пролью
Во славу твою.
Все скажу тебе, Гулаим,
И ни слова не утаю.
Обитает в нашем краю
Аманкул, повеса и лжец.
По тебе, красоты венец,
Женской прелести образец,
Повелительница сердец,
Изнывает этот глупец.
Но, не смея к тебе прийти
И упасть у твоих ворот,
Начал он клевету плести,
Одурачивая народ,
Затемняя твой светлый день,
Вкруг тебя расстилая тень.
Чтоб завяли твои цветы,
Он под ними развел костер,
Говорит он, зол и хитер:
Что совсем беззубая ты,
Что тупая, грубая ты,
Что распухли щеки твои,
Что страшны пороки твои,
Что похож твой нос на волдырь,
Что распутниц ты поводишь,
Что твой рот и крив и широк,
Что лицо твое как сапог,
Что грязны объятия твои,
Что бродяги братья твои,
Что немая рабыня ты,
Что скупа, как пустыня, ты,
И что руки твои — камыш,

И что жизнь в нищете влачишь.
Нет на свете таких клевет,
И таких измышлений нет,
Чтобы дерзостный Аманкул
Ими вслед тебе не плеснул,
И Ашир, клеветник другой,
Их не множил бы день-деньской.
Умоляю тебя, мой свет,
Огради себя от клевет.
Заклинаю тебя, мой свет,
Свято выполни мой совет:
Сердца гордого через край
Горьким горем не наполняй,
Зубы на врагов наостри,
Повнимательней рассмотри
Закатившийся в грязь клубок
Дел запутавшихся своих;
Ополчись на недругов злых
И для мести выбери срок,
И сторицей клеветникам
Заплати за великий срам!»

Растерялась Гулаим.
«Как мне быть с наглцом таким?
Научи меня, Сарбиназ!»

Говорит Сарбиназ:
«У нас
Говорят: «И в счастливый час
С глупой вестью не приходи».

Замер стон у него в груди:
Сорок дев Миуели
Сорок прутьев принесли
И скрутили руки ему
Сыромятным крепким ремнем;
Многочисленные потом

Причинили муки ему,
И, когда избili его,
На коня назад лицом
Усадили и стали все
Сажей щеки ему марать,
Чтоб во всей своей красе
Сайеке возвратился вспять.

И сказала тут Гулаим:
«Ты принес мне глупую весть
И унизил девичью честь.
Пусть кто хочет болтает вздор:
Болтунам, а не мне позор.
Не закрыть мне чужого рта.
Что мне сделает клевета?
Старики не зря говорят,
Что и праведников бранят.
Вот ступил ты на мой порог
И от дела меня отвлек,
И печаль ты мне причинил.
Кто тебя приезжать просил?
Благодарность воздай судьбе,
Что тебя не убили тут.
А за весть — спасибо тебе!
Уезжай с наградой за труд,
Вспоминай, — сказала, — меня!»

И хлестнула его коня.

Стонет связанный по рукам
Сайеке на коне гнедом.
Ветер бьет его по глазам,
Хлещет свищущим бичом.
Подгоняет ветер коня,
Мчится конь.
Сайеке, стена,
Горько плачет,
Сидит едва;

У него трещит голова,
Руки стянуты за спиной,
А на шее аркан тугой.
Натрудив колени свои
И держась из последних сил,
Он мольбы и пени свои
К небесам ночным устремил:

«Связывает руки, укоряет, бьет,
Прутьями терзает гостя у ворот,
Сажею марает белое лицо,
На коня сажает задом наперед...

И за что все это? Разве я, как вор,
К этой дикой девке лез через забор?
Клевету прощает недругам своим,
Друга обрекает на такой позор...

Молодцом считался я среди молодцов,
Был пригож я с виду... а теперь каков?
Как на встречах гляну? Как я возвращусь
Вымаранный сажей под родимый кров?

Упаду на землю — разобьюсь, умру.
Без воды в пустыне пропаду в жару.
Будет мои кости грызть голодный волк,
Выклюет мне очи ворон поутру...

Ранен я досадой, горем уязвлен...
До небес дойдет ли мой последний стон?
Чтоб вам, потаскухам, свадеб не видать,
Дай вам бог, проклятым, сорок похорон!»

Словно жар костра под золой,
Гаснут звезды над головой,
Но зато, как живой цветок,
Блещет киноварью восток,

Небо в розовых облаках,
На земле и покой и мир.
Аманкул уже на ногах,
И уже на ногах Ашир.
Вот на север они глядят,
Видят —
Мчится к ним Сайеке:
Щеки в саже,
Померкший взгляд,
И, подобно грязной реке,
По щекам,
Волна за волной,
Слезы льются за воротник;
Руки связаны за спиной,
Окровавлен рваный потник.

Аманкул сказал:

«Вот и он!»

И зашли они с двух сторон,
И Ашир сказал:

«Ну и вид,
Ну и вид у тебя, джигит!»

И еще добавил Ашир:

«Здравствуй, друг, рассказывай, как принят был?
Как повеселился ты? Что ел? Что пил?
Ценные ли с острова дары везешь?
Приняла ли девушка твой страстный пыл?»

Милым называла ли, обняв твой стан?
Сыпала ли золото тебе в карман?
Награжден ли шапкою — седым бобром
Да халатом шелковым девичий хан?

Правда ли, что в крепости блаженный рай?
Счастьем там оказанный прием считай,
Береги добытое! И пусть пойдет
Впрок тобою выпитый зеленый чай!

Ты своих попутчиков оставил, плут,
Но без них не вырвешься из крепких пут.
Сажею измазан ты и слезы льешь.
Сказывай: у девушки — хорош ли прут?

Впопыхах непрошенный примчался гость,
В синяках непрошенный умчался гость.
Наши поздравления прими теперь:
В дураках непрошенный остался гость.

Знать, удары сыпались как частый град.
Не имел никто еще таких наград.
От великой радости уселся ты
На коня голодного лицом назад!»

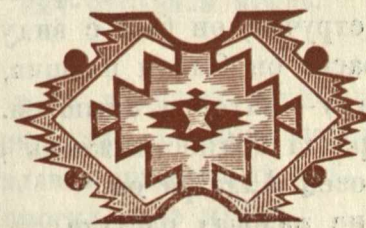
Аманкул и Ашир вдвоем
Сайеке стащили с седла,
И пока пустыню кругом
Не прикрыла ночная мгла,
Донимали они его,
Заставляли они его
Слезы лить,
Пощады просить,
Тонким голосом голосить.
Сайеке из последних сил
Тонким голосом голосил.
Проучив его, Аманкул
Сайеке на коня швырнул,
И Ашир, наказав его,
Ухватил за рукав его,
Чтобы он не упал с коня.
Землю спящую осеня
Исполинским своим щитом,

Ночь плыла,
И ее броня
Полыхала серебром.

В поздний час повесы втроем
Возвратились домой верхом.

Доставалось так и другим,
Кто к насмешнице Гулаим
Дерзко пробовал подступить.
Но тоскующие по ней
Не могли ее разлюбить,
И седлали своих коней,
И спешили со всех сторон
К ней, красавице, на поклон.
Но не мог ни один джигит
Гулаим в лицо заглянуть:
Был в твердыню ее закрыт
Для несчастных страдальцев путь.

Под защитой крепкой стены,
Не изведав сердечных мук,
Гулаим науке войны
Обучала своих подруг.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Стародавний сказ
Про запас
И на этот раз
Есть у нас.
Эй, друзья, отворите слух!

Жил да был на свете пастух,
Жил да был пастух Журынтаз.
Как стручок, он был с виду сух,
Некрасив он был и плешив,
Да зато — хитер и смышлен.
В горькой бедности жизнь прожив,
Пас овец Аллаяра он.
Бай не жаловал пастуха,
И ни кошки, ни петуха
Не имел бедняк Журынтаз.
Староват
Был на нем халат,

Дыроват
И коротковат,
И не мог никак Журынтаз
До колен его дотянуть.
Что ни час,
То из глаз
Соль бежала ему на грудь.

Хоть и был Журынтаз таким,
Как поведали мы о нем,
Но и он был тоской томим
По красавице Гулаим;
И его палючим огнем
Жгла мучительница-любовь;
И ему, своему рабу,
Приложила печать ко лбу
Повелительница-любовь;
И в его простое питье
Подмешала зелье свое
Отравительница-любовь;
И, внезапная, как чума,
И его лишила ума
Похитительница-любовь;
И пред ним во сне, что ни ночь,
Проплывала байская дочь.
Возмутительница-любовь
И ему отравила кровь.

В руки длинный посох свой,
Как дутар, он брал порой,
Издавая протяжный вой,
Помогал себе игрой.
Струн хоть не было — так что ж?
Видно, был дутар хорош, —
И без этого кругом
Степь ходила ходуном.

Он все ногти сбил, сбил,
Он — по палке: раз! раз!
Посреди степи вопил,
Как безумный, Журинтаз:

«Влачу я сиротскую долю свою
Вдали от тебя в этом голом краю.
В безлюдной степи я не сплю по ночам.
Внемли, Гулаим, своему соловью!

Пять лет я тружусь для отца твоего
И старею в блеске лица твоего.
Я выбрал тебя, и теперь ты должна
Влюбиться в Журына, певца твоего!»

И не выдержал, наконец,
Обезумевший Журинтаз
И погнал к загону овец
В недозволенно ранний час.
Как спровадил овец в загон,
Снял рванье свое с плеч долой,
Снял — и вооружился он
Бечевою
И большой иглой,
Стал халат свой рвать и кромсать, —
Пыль над ним стояла столбом, —
Полы он обкарнал на пядь,
Рукава окромсал ножом,
Приметал пятьдесят заплат.
Вкривь да вкось,
Да как-нибудь,
Починил и надел халат
И, любовью руководим,
Потянулся в далекий путь
За красавицей Гулаим.

Журинтаза, как белена,
Отравила любовь.
Он был,
Мнилось, полон великих сил.
Он в арабского скакуна
Посох свой преобразил;
Переполненный через край
Хмелем неизъяснимых грез,
Свой засаженный малахай
Журинтаз, как сокола, нес.
И казался ему борзой
Быстрой, словно ветер степной,
Головастый, полуслепой
Позади плетущийся пес.

Дивно преобразился мир.
На неслыханные дела
С грозным кличем:
«Алла! Алла!»
Поспешал Журинтаз-батыр.
Он не помнил, кто он такой,
Он хлестал свой посох камчой;
С гордо поднятой головой
Он бежал по степи глухой.
Кровь хлестала из ног его.
Рок согнуть бы не мог его.
Зной, и тот не отвлек его
От безумных дорог его.
День за ночью и ночь за днем
Словно мимо него прошли.
Журинтаз на палке верхом
Прискакал на Миуели.

За крепостной
Крепкой стеной
День-деньской
Продолжался той.

Как среди степей молодой
Статный конь арабских кровей
Веселится, освобождаясь
От узды золотой своей,
Так, безудержу веселясь,
Целый день на Миуели
Гулаим провела вдали
От волнений, скорбей и зла.
За стрелой
Летела стрела,
Раздавалось ржанье коней,
Стук мечей
И посвист камчей.
Шел потешный бой
С утра,
За потешным боем — игра,
Отдых,
Пиршество
И — без ссор —
Тихий дружеский разговор:
В этот вечно мирный затвор
Никогда не входил раздор.

Рассыпавшийся, как жемчуг,
Звонкий смех сорока подруг,
Струн сереброголосый звук,
Пенье слушала Гулаим.
А когда вечерняя мгла
На счастливый остров сошла,
Меду скушала Гулаим,
Над широким ложем своим
Белую кошму подняла,
Отдыхать-почивать легла.

И дыхание Гулаим
Золотилось в лучах луны
И светилось в лучах луны,

Словно благоуханный дым,
Покидая уста ее.
И тогда красота ее
До того луну довела,
Что в слезах, от злости бела,
Раньше срока луна зашла.

Гулаим тревожно спала.
Тяжело вздыхала она,
И вздымалась грудь, как волна;
Сердце прыдало, трепеща,
Словно пойманный соловей;
И дрожали ее плеча;
И на шее снега белей
Жилка билась, как мотылек,
Что на пламени крылья сжег.

Этой ночью приснился ей
Арыслан, батыр-исполни,
Золотого Хорезма сын,
За которым народ родной
Был поистине в те года
Как за каменной стеной.
Этот робости никогда
Не изведавший Арыслан,
Этот воин, цепью стальной
Опоясывавший свой стан,
Эта гордость славы земной,
Этот лев над львами всех стран,
Арыслан, и никто иной,
В искрометной своей броне
Гулаим явился во сне.

Журынтаз
В этот самый час
Подбежал к высокой стене,

За которою Гулаим
Предавалась грезам ночным.
Он в безумии совершил
То, о чем, не имея крыл,
И помыслить не мог вовек:
На бегу халат распахнул,
Через стену перемахнул
Этот бешеный человек!
Перед спящей Гулаим
Он упал, как саранча.
Лицезрящий Гулаим
Журынтаз рыдал, бормоча:

«Твой батыр приехал! Смерть твоим врагам!
Стала ты, как пери, к десяти годам, —
С той поры я рыщу на коне гнедом
По немym пустыням, шумным городам.

Я искал по свету розу-Гулаим,
Плачь, батыр, и сетуй! Розу-Гулаим
Разбудить не можешь... Покажи лицо,
Подари мне эту розу, Гулаим!

Спишь, подняв над ложем белую кошму.
Льнет прохладный ветер к ложу твоему.
Пробудись и выйди, молви что-нибудь, —
Сильною рукою стан твой обниму.

Мчатся врасыпную орды от меня,
Чуть моя литая заблестит броня.
Ждешь батыра? Вот он! Сокола прими,
Привяжи скорее моего коня!

Пусть мой жар сердечный превратится в лед,
Если сна любимой зов мой не прервет!
Голодом томимый, заклинаю: встань!
Жаждою палимый, жду твоих щедрот!»

«Встань!» —
Воскликнул Журынтаз.
Приоткрыла очи она:
Пронизала, пробудясь,
Тьму глубокой ночи она
Взором, словно лучом двойным.
Но была черноты черней
Ночь, клубившаяся пред ней:
Остроглазая Гулаим
Не могла разглядеть лица
Неизвестного пришлеца
И подумала:

«Это он,
Это длится еще мой сон».

На подушку облокотясь,
Тщетно вглядываясь во тьму,
Говорит она, обратясь
К посетителю своему:

«Кто ты, нарушивший мой сладостный сон?
Ветром ли, бурей ли в мой сад занесен?
Что же ты прячешься? Смутил меня твой
Страстный, томительный, пронзительный стон.

Если, примчавшийся на быстром коне,
Ты мой возлюбленный, приснившийся мне,
Сердцем возрадуйся! Не он — так беги,
Или по собственной погибнешь вине.

Воин, приснившийся в полночной тиши,
Слезы горячие мои осуши!
Если же родина твоя не Хорезм,
Быть тебе, дерзкому, без мухи-души.

Разве не жаль тебе моей красоты?
Косы ли черные мои не густы?

Если бы истинно ты был Арыслан,
Ты бы не прятался, не медлил бы ты».

И тогда, приблизясь на шаг,
Журынтаз ответил ей так:

«Батыр, чей конь могуч и бронь светла, — я,
Кому во сне ты сердце отдала — я,
Кого звала, за кем покорно шла вслед,
Кого ты за руки во сне брала — я.

Без отдыха из золотой страны нес
Мой конь меня по сумрачной стране слез.
Встань, соловья-скитальца не гони прочь,
Избранница моя и госпожа роз.

Письмо, наверное, прочла мое ты,
И приготовила для нас жилье ты.
Скажи: привяжешь ли коня? Устал конь.
Прервешь ли сладостное забытье ты?

Как можешь ты батыра заставлять ждать,
На страстный мой призыв не пожелать встать?
Я жду тебя. Довольно спать! Не то — мне
Придется быстрого коня погнать вспять».

«Роза, встань, приди...» В плену
Этих слов, она поднялась:
Лживой речью, поверив сну,
Очарована, поднялась
Околдована, поднялась,
Ни жива и ни мертва
Опустила кошму сперва;
К очагу потом подошла,
Изгибаясь, как лоза,
В очаге огонь развела.
И светились ее глаза,

Лоб ее сверкал белизной,
И неторопливой змеей
По плечам скользила коса.
Шелком и тяжелой парчой
Свой высокий стан облекла,
В руку правую — золотой
Гулаим гребешок взяла,
Косу, хлынувшую рекой,
Расчесала и заплела,
Левой — зеркальце пред собой,
Зарумянившись, подняла;
Поправляя здесь и там,
Оглядела свой наряд,
Повязала белый плат
Кончиками к небесам
И, потупив скромно взгляд,
Из кибитки вышла в сад.

Тут, медлительно приподняв
Стрелы длинных ресниц, она
Закричала, чуть не упав,
Застонала, потрясена.
Перед ней стоял Журынтаз.
Плешь блестела, как медный таз.
С плеч его свисало рванье.
Посинели губы его,
И стучали зубы его.
Алчный взор он вперял в нее.

Гулаим, вскипев,
Не знала, куда
Деть свой гнев.
Дрожа от стыда,
Позвала она сорок дев.

И забился, точно сазан,
Жгучим ужасом обуян,

Мигом связанный Журынтаз.
Этот ужас его и спас,
В явь из мира сна возвратив,
Спавший ум его разбудив.

Гулаим сказала потом,
Наклонясь над своим рабом:

«Журынтаз! Эй, Журынтаз!
Отвечай скорей, Журынтаз,
Что ты хочешь? Всю степь кругом
Кровью, как дождем, оросить,
И обрубком лежать в земле
Или в тесной висеть петле,
Превратившись в воронью сыть?
Ну-ка, подлый, скажи-ка мне,
Как ты смел в этот час ночной
Без приказа прийти ко мне
И смеяться надо мной?»

Руку приложив к груди,
Он взмолился к ней:

«Пощади!
Пощади меня, Гулаим!
Разве ты уже не ханым,
Чтобы я, пастух простой,
Смел смеяться над тобой?
Беден я, и слаб, и сир,
Я ни в чем не виноват.
Если б не Арыслан-батыр,
Не попал бы я в этот сад!
Развязать меня повели!»

«Развязать!» —
Сказала она.

«Разреши подняться с земли!»

«Можешь встать!» —
Сказала она.

«Рассказать ли, зачем и как
Прибыл я?» —
Спросил Журынтаз.
И она дала ему знак,
Чтобы начал он свой рассказ.
Журынтаз, расхрабрысь, опять
Начал с правдою ложь сплетать:

«Много я бродил по стране,
Пас овец отца твоего.
Что дало пастушество мне?
Кроме бедности — ничего.
Я скитался из края в край,
Ничего не ждал от небес,
И пригнал я овец в тогай
По названию Капес.
Вечер был, погас небосклон,
Я загнал отару в загон,
Стал чинить у костра халат.
Слышу — конь заржал вдалеке.
И копыта его стучат;
Едет с соколом на руке
В золотой броне великан,
И его исполинский стан
Опоясан цепью тройной.
Поровнялся батыр со мной
И сказал мне: «Я Арыслан.
Я держу из Хорезма путь.
Разреши мне здесь отдохнуть».
«Что ж, садись!» — Он сошел с коня,
Братски за руку взял меня,

Рядом сел и уставил взор
На пылающий мой костер.
Не могу его доброты,
Красоты его описать,
Но скажу тебе: только ты,
Только ты ему и под стать!
Он промолвил: «Мой друг Журын!
Я попал в большую беду:
В Гулаим влюбился я.
Золотого Хорезма сын,
Не спугнув соловья в саду,
В дальний путь устремился я.
Устремился я в трудный путь,
Чтоб хоть раз на нее взглянуть,
Чтоб хоть раз на короткий миг
Мне блеснул ее лунный лик,
Хоть словечко ее одно
Услыхать от нее самой,
А потом... Не все ли равно,
Что случится потом со мной?
Проводи кратчайшей тропой
К этой дивной пери меня, —
Слиток дам тебе золотой
Больше, чем голова коня!»

Небо я возблагодарил,
Арыслана восславил я,
По степи, не жалея сил,
Много пугал расставил я,
Защитив от зверей ночных
Дорогих овечек своих.
И меня батыр посадил
На коня позади седла;
Удила скакун закусил;
Словно буря нас понесла;
Вдаль посмотришь — холмы вдали,
Минет миг — позади холмы.

О полночи Миуели,
Наконец, увидали мы.
Ждали, ждали мы у твоих
Неотворчивых ворот,
Звали, звали мы часовых, —
Ждем, зовем, а никто не идет.
Рассердясь, батыр сгоряча
Как хлестнет скакуна камчой!
У него камча — всем камчам камча!
Ты не видывала такой.
Взял могучий скакун разбег,
Перенес во единый дух
Через стену двух человек, —
Ты подумай только: двух!
Конь на славу! Конь — огонь!
Опустился на землю конь —
Задрожала земля кругом!

«Встань!» — молил Арыслан тебя,
Слезы лил Арыслан, скорбя,
Но спала ты глубоким сном.
Долго не отзывалась ты,
С ложа не подымалась ты, —
О зачем, о зачем над ним
Издевалась ты, Гулаим!
Почему задержалась ты
И не поспешила на зов?
Он обиды стерпеть не мог,
Он коня камчой обжег,
Взвился к небу — и был таков.
А меня он оставил тут,
Позабыв заплатить за труд».

И в своем зеленом саду
Разрыдалась Гулаим,
Застонала, как в бреду,
Заметалась Гулаим.

Сжала сердце ее печаль
И склонилась девушка ниц,
Слезы крупные, как хрусталь,
Побежали с ее ресниц.
И при виде столь тяжких мук
Сорок верных ее подруг
Стали руки себе ломать,
Стали быстрых коней седлать.
Затянули сорок подруг,
И сказали сорок подруг:

«О сестра, не плачь! ничего!..
Мы в степи догоним его!»

«Нет, не надо!» — шепнула им,
Приподняв лицо, Гулаим
И слезам запретила течь.
И ее певучая речь,
Успокоенно зазвучав,
Полилась, как ручей меж трав.

«Уехал любимый. Что будет со мной?
Нам не были в тягость ни стужа, ни зной.
Мы горя не знали, мы были дружны,
И я не скучала за этой стеной.

Следы его ног отыщу я в саду,
Целуя их, грудью к земле припаду.
Зачем он заставил заплакать меня?
Зачем он привез мне в подарок беду?

Безумные вы, расседлайте коней,
Подумайте, сестры, о чести моей.
Просить возвратиться назад — и кого?
Мужчину! Да я умерла бы скорей!

Я верю в счастливую долю мою.
Потешимся вволю в родимом краю,

А там поглядим, далеко ли Хорезм,
Отыщем кибитку — мне ведомо чью!

И знаю, кому справедливый упрек
Я брошу в лицо. О подруги, как мог,
Как мог он в саду не дожидаться меня
И сердце мое потоптать, как цветок!

Ступайте же: кони стоят под седлом.
А завтра мы с первым рассветным лучом
Проснемся, и — если желаете — той
Не старый продолжим, а новый начнем».

Обратились к ней сорок дев:

«Что же делать нам с пастухом?»

На плешивого поглядев,
Уголками губ — чуть-чуть —
Улыбнулась Гулаим,
Усмехнулась Гулаим:
Отгадала, умница, суть
Чувств его и сердечных мук
И его пожалела вдруг.

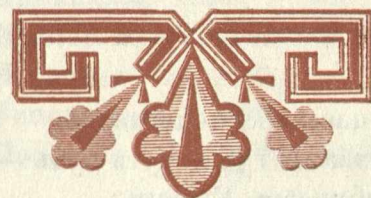
«Отпустить! — сказала. —
Пускай
Возвратится Журын в тогай
К дорогим овечкам своим!»
Принесла ключи Гулаим,
Рядом с ним до ворот дошла,
Отомкнула пред ним замок,
Улыбнулась опять чуть-чуть
И промолвила:

«Добрый путь!»

От восторга не чуя ног,
Журынтаз на каждом шагу
Падал, снова вставал и пел,
Славя свой печальный удел:

«Не могу, — он пел, — не могу,
Не могу разлюбить тебя,
Не могу я забыть тебя,
Свет очей, Гулаим, алмаз!
Научи, как добыть тебя?»

Вот что пел пастух Журынтаз.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

То, что было давным-давно,
То и сплыло давным-давно,
Да и то, что было потом,
Поросло седым ковылем.
По-над степью летает пыль,
Покрывает седой ковыль.
Обошли мы всю степь кругом,
Быль нашли мы под ковылем.
Эту быль мы теперь споем.
Эй, друзья, послушайте нас!

Поздним вечером Журынтаз
Поскакал на палке верхом.
Страстью, этим бичом сердец,
К недоступной цели гоним,
Он, безумец, трехсот овец
Предоставил себе самим.

Овцам страшно:
Пастух исчез!
Блеют овцы:
«Где Журынтаз?»
Пала ночь на тогай Капес,
Подошел двенадцатый час, —
Вой далекий овец потряс.
Раздаваясь, точно труба,
Приближаясь, точно судьба,
В их сердцах отдавался он.
И слилось в непрерывный стон
Их блеяние,
И в загон,
Точно в город орда врагов,
Точно вихрь,
Двенадцать волков
Ворвались и начали той.
Неминучей смерти петлей
Бедным овцам горло стянув,
Опьянели, крови хлебнув,
Острозубые мясники.
Тех тащили за курдюки,
Этих — за ноги;
А иных
Оставляли волки в живых:
Мол, зарезать успеем их,
А пока пускай поглядят
На страданья своих ягнят!

Хочет волк с овцой поиграть —
Прочь сдирает шкуру с овцы.
Надоело шкуру сдирать —
Кость овечью дробят резцы.
Как в бою человечья кровь
Из-под острых мечей течет,
Так в овраги овечья кровь,
Словно бурный ручей, течет.

Вот уж начал восток светлеть.
Из трехсот перерезав треть,
С лап слизав кровавую грязь,
Волчья стая в степь унеслась.

На вторые сутки в тогай
Возратился Журынтаз.
Как врагом разоренный край,
Простирался пред ним загон.
И без памяти целый час
Пролежал у загона он.

Словно под острием ножа,
Он лежал в пыли, не дыша;
Через час, тоскливо жужжа,
Возвратилась муха-душа.
Бледножелтый, словно мертвец,
Журынтаз глаза приоткрыл
И пошел из последних сил
Уцелевших считать овец.
Насчитал он двести голов
И, рыдая, проклял волков.
Слезы, падавшие из глаз,
Расшибались о камни в прах,
Будто нитка разорвалась
Крупных бус у него в глазах.
К сердцу посох прижал Журин,
К небесам устремляя взор;
Застонал он, как ни один
Не стонал пастух до тех пор:

«Ты посох мне дал, но лишил меня крыл,
У бая на службе меня изнурил...
Влюбленного — ныне казнишь, так скажи,
Зачем ты мужчиной меня сотворил?»

Ты, боже, на слезы мои не глядел,
Ты, боже, молений моих не хотел;

Я славил и денно и ночью тебя,
А ты и козленка не дал мне в удел.

Не в силах я множества бед побороть:
Твой ветер в степях иссушил мою плоть.
Но можно ли так человека терзать?
Ты слишком суров и ревнив, мой господь!

Когда я свой стан распрямил, наконец,
И двинулся в путь, — что ты сделал, творец!
Тебе не жена, не сестра Гулаим, —
Зачем ты волков натравил на овец?

А все-таки был я на Миуели!
Сойди же на жесткое лоно земли,
Скорбящую душу возьми у меня
И плоть мою молнией испепели!»

Небеса не отзывались.
И рыдал он, уставясь ввысь,
А у ног его разлилось
И плескалось озеро слез.
К пастуху тогда подошел
Уцелевших овец посол,
Тяжело страдавший от ран
Круторогий белый баран,
И проблеял, рога склоня:
«О Журын! Послушай меня!

За пять лет впервые ты покинул нас,
В страшный час полночный от волков не спас.
Жалобу отары я тебе принес,
Нас любил ты прежде и как должно пас.

Ты в тот день лишился всякого стыда
И поторопился нас пригнать сюда.

Голодны мы были. Накормила нас
Горькою отравой черная беда.

Волки не щадили, — слышишь ли, пастух? —
Ни ягнят молочных, ни овец-старух.
И одна овечка кое-что тебе
Передать велела, испуская дух.

Так она сказала: «Мне спасенья нет.
Если ты за мною не умрешь вослед,
Бедному Журыну, увидав его,
Мой чистосердечный передай привет.

Жаркою любовью ум его объят,
И в моей кончине он не виноват, —
Виноваты волки. Но за кровь мою
С пастуха за гробом взыщут во сто крат.

Я покину скоро наш загон земной
И Журына буду ждать в стране иной;
Грех его забуду, кровь ему прошу,
Если назовет он Гулаим женой.

А не назовет он Гулаим женой —
Мертвый, он заплачет кровью предо мной,
Не прошу вовеки, за ноги схвачу,
Потащу Журына по стране иной».

Нет овец: скончалась, кровью изошла...
Ты ходил на остров. Как твои дела?
Твой ответ я должен овцам сообщить.
Отпусти скорее скромного посла».

Журынтаз — великий хитрец —
Кинул взор на своих овец.
В рот ему глядели они
По своей святой простоте,

И его жалели они
По своей большой доброте.
И вздыхали овцы кругом,
И залился он соловьем:

«Я сирота.
Ростом я мал,
Телом худ.
Скорбь и любовь
Душу мою
Так и рвут.
У Гулаим
Слезы я лил,
Вас лишен,
По Гулаим,
Овцы мои,
Плачу тут.

Долго я шел,
Шел и горел,
Как в огне,
И, наконец,
Стала видна
Крепость мне.
Глянул я вверх —
Пери моя
Ждет меня,
Машет рукой,
Плачет, стоит
На стене.

Вышла ко мне
Пери моя,
В сад ввела,
Белой рукой
Шею мою
Обвила.
Я и не знал,

Овцы мои,
Что любим
Той, чье лицо —
Лунный цветок,
Стан — стрела.

Овцы мои!
Целую ночь
Был я там,
Мед и вино
Сладостных нег
Пил я там,
С полным любви
Сердцем живым
Розы роз
Полное сил
Сердце свое
Слил я там.

Я говорю:
«Овцы — одни,
Мне пора!»

А Гулаим:
«Не уходи
До утра!»
Был я в плену
И опоздал.
Сердце, плачь!
Бедный Журын
Зря от любви
Ждал добра».

Так бессовестный этот лжец
Одурачил своих овец;
Овцы ложь за правду почли
И, утешась, пастись пошли.
Журынтаз их мертвых сестер

По загону стал собирать,
В тень сносить и шкуры сдирать.
Ловкий был Журын шкуродер:
Он успел до поры ночной
Ободрать их всех до одной.
Предоставив отдых рукам,
Он работу задал уму.

Смолк давно уже птичий гам.
Овцы спали.
И здесь, и там
Безмятежно спалось кустам,
Травам и цветам,
И стрекозам,
И мотылькам,
И пустыне,
И небесам,
Журынтазу одному
После двух бессонных ночей
Не спалось во вселенной всей.
Думу трудную думал он:
Треть отары — большой урон,
И грядущее без прикрас
Рисовал себе Журынтаз.
Как воспримет такой удар
Страшный в гневе бай Аллаяр?
«Раб! Шайтан! — раскричится бай, —
Что ты делал, когда в тогай
Волки резать овец пришли?»
Плачь не плачь, моли не моли,
Он убьет, не боясь греха,
Беззащитного пастуха.
Как тут быть? Как беду избыть?
Как тут горю пособить?

Ерзал, ерзал Журынтаз,
Головою долго тряс;

И она от черных дум
Разболелась у него, —
Не пришло ему на ум
Ровным счетом ничего.

Тут на посох свой невзначай
Он в отчаянии взглянул,
Взял его и в землю воткнул,
На него надел малахай.
И, крича:
«А ну, давай,
Ну давай поборемся, бай!»
Стал он гнуть и душить его,
Стал на землю валить его;

А когда на землю свалил,
Порешил он добить его;
А когда он его добил,
Он и сам свалился без сил.
Полежал немного и сел,
Посидел и думать стал.
Думал, думал: как тут быть?
Как такую беду избыть?
Думал так, что думать устал,
Как ни думал — все толку нет.
Посох поднял:
«А ну, сосед,
Будем вместе держать совет:
Как получше
Мне поступить,
Чтобы себя
Не погубить?»

Ждал он, ждал, но посох-сосед
Слова не проронил в ответ.
Встал, сердясь, пастух и пошел,
Углубился в тогай Капес

И уперся в древесный ствол.
И на дерево это влез,
Влез на дерево,
Сел на сук.

А листва —
Шуршит вокруг,
А вверху —
Высока звезда,
А внизу —
Земля тверда.

Что-то запищало вдруг:
Чуть не выпал у самых рук
Вороненок из гнезда.

Вороненку Журын-таз
Рассказал про свою беду.

«Близок, близок мой смертный час.
Где я спрячусь? Куда пойду?»

По гнезду запрыгал птенец:

«Ай, Журын, какой ты глупец!»

Засмеялся птенец в гнезде:

«Где ты спрячешься? Да нигде!
Я тебе помогу в беде;
Завтра страхам твоим конец.

Как пригонишь своих овец
И от глаз вечерняя тень
Скроет их следы на земле,
Опояшься белым, надень
Саван или лучше малле,
Плешь предательскую чалмой
Постарательнее прикрой,

Длинный посох возьми с собой
И в пророка преобразись.
Путник встретится — притаись,
К баю Аллаяру ступай,
И пускай бережется бай!

Ночевать в кибитке один
Будет завтра твой господин.
Тихо-тихо, словно ты дух,
Тихо к спящему подкрадись,
Но, смотри, не проговорись,
Что, мол, ты не дух, а пастух,
И еще плешивый притом.
Если ты наделен умом,
Без меня придумаешь сам,
Как тебе поступить потом.
И не нам,
Ничтожным птенцам,
Поучать таких мудрецов,
Не к лицу и вам,
Мудрецам,
Брать уроки у нас, птенцов.
Не грусти, пастух,
Не скучай
И не плачь.
А теперь — прощай!»

Спал давно уже весь тогай,
Мирно спали двести овец,
Спал спокойно Журын-хитрец.
Спали чутким птичьим сном
Все жильцы древесных вершин, —
Вороненок не спал один.
Все плясал он в гнезде своем
И смеялся, потому
Что мерещилась ему

Плешь блестящая с золотой
Отражавшейся в ней звездой.

Ночь прошла.
Заря привела
Ослепительно яркий день,
Утомительно жаркий день,
Но и он догорел дотла.

С хитрым помыслом на уме
Журынтаз — в огромной чалме,
Подбирая полы малле, —
Крался в душу вечерней мгле.

Жаль: преданья не говорят,
Где добыл он этот наряд, —
Но в кибитку бая тайком
Он пробрался именно в нем.

День давным-давно потух.
Стихло все.
Полночный петух
Прокричал уже вдалеке,
Но еще не схлынул жар.

Растянувшись на сквозняке,
Именитый бай Аллаяр,
Сбросив пышный груз одеял,
Крепко спал.

А над ним стоял
И дрожал с головы до ног
Вслушивающийся в храп его
Жалкий, загнанный раб его,
Облаченный в малле пророк.

Встрепенулся Журынтаз,
Оглянулся Журынтаз,
Оторопь превозмог,

Рассчитал прыжок,
Навалился баю на грудь!

Рад бы тот его боднуть —
Да за горло схвачен рукой;
Не боднуть его, так лягнуть —
Да придавлен к земле ногой;
Не лягнуть его, так стряхнуть,
Не стряхнуть, так вздохнуть чуть-чуть,
Каплю воздуху бы глотнуть,
Веки тяжкие разомкнуть...

Без сознания бай лежал.

И тогда Журынтаз чуть-чуть
Пальцы твердые разжал,
Аллаяру дал отдохнуть.
Аллаяр глаза приоткрыл,
Глянул из-за тяжелых век
И, чалму разглядев, спросил:

«Кто ты, если не человек?»

Журынтаз промолчал — и пять,
Твердых пальцев стиснул опять,
И опять Аллаяр затих.
Упражняя пальцы свои,
То сжимая пальцы свои,
То слегка разжимая их,
Журынтаз принудил на треть
Бая в поясе похудеть;
А когда перешло за треть,
Должен был пророк посмотреть —
Не пора ли баю в мазар?
Бай, однако, был еще жив.
Отдохнуть ему разрешив,
Журынтаз воззвал:

«Алляр!
Эй, послушай, бай Алляр!
Я твой прадед, бай Алляр,
Я теперь большой пророк.
Приближается твой срок,
Скоро кончится твой базар!
Вижу я твой каждый порок:
Грешен ты, хоть годами стар,
Лень тебе молитвы читать,
Некогда святых почитать;
Предкам в бороду ты плюешь,
Сам как следует ешь и пьешь,
А другим огрызка не дашь,
А другим — дырявый шалаш;
Ты всегда был скуп, Алляр;
В небесах у нас говорят,
Что от стад своих и отар
Ты зажививаешь зякат.
Кровь ты пьешь у людей из жил,
Душу ты мою иссушил;
Ты — богач, ты жил не тужил
И гордился своим скотом,
Но родился таким скотом,
Что заставил пророка ждать
Подаяния у дверей —
Должен предок твой голодать
В небесах по вине твоей.
Долго, бычья ты голова,
Попирал ты мои права —
Для себя мою часть берет
И дождался: пришел пророк,
А пророку велел господь
В пору сна тебя побороть,
Уничтожить твою семью,
Сокрушить кибитку твою,
Все твои стада погубить,
Все твои сундуки разбить,

А тебя самого — убить.
И сейчас я тебя убью!»

Журынтаз тут посох занес.
И, подобно тому, как пес
Вдруг слабеет, перебежась,
Алляр совсем ослабел,
И лицо его, словно мел,
Побелело, перекосясь.
Каясь, бай сам себя корил,
Заикаясь, бай говорил:

«Грешен я, святой пророк,
На могилы ходить мне лень;
Хоть молитвы идут мне впрок,
Но молюсь я не каждый день.
Мне мой скот четырех родов
Благодати самой милей.
В жертву я принести готов —
Что захочешь — душе твоей.
Перейдя через Ак-Дарью,
Разыщи отару мою
И возьми себе, мой отец,
Из отары десять овец».

И, услышав это, пророк
В страшном гневе ногою в бок
Алляра, точно коня,
Во всю мочь ударил, браня:

«Будь ты проклят, бай Алляр!
Я тебе не Журын-овчар,
Чтоб насмешки твои терпеть!
Ты уже от смерти на пядь,
Шутки брось, не торгуйся впредь,
Перестань меня раздражать!

В рай мне нужно к утру поспеть,
Ибо ждет известья господь:
Уж не впал ли я, часом, в грех,
Не забыл ли я расколоть
Череп твой, как пустой орех?
Время нам учинить расчет.
Если ты, гордец и скупец,
Уделишь мне сотню овец
Из числа, что Журин пасет,
Из-под ложечки у тебя
Я не выну мухи-души,
И, свое потомство любя,
Приготовлю в райской тиши
Для тебя шатер попышней
И красавицу понежней.
Я добром прошу тебя: дай,
Дай овец и увидишь рай,
А не то — на себя пеняй.
Что ты скажешь на это, бай?»

Бай не мог рукой шевельнуть,
Головы не мог повернуть,
И для вдоха мало ему
Проходило воздуха в грудь.
Очень плохо стало ему,
Гром железный стоял в ушах,
Затвердев, язык пересох,
И какой-то красный горох,
Словно град, запрыгал в глазах,
Сердце сплющилось, как в тисках,
И, как червь, точил его страх.

Хриплым голосом, сам не свой,
Бай сказал:

«Отец пресвятой,
Благостыней твоей клянусь,

Я отныне бога боюсь,
От гордыни я отрекусь,
Только ты не мучь, не души,
Не лишай ты меня души,
Не кроши ты моих костей,
Загустевшей крови не лей.
Грабь меня, пресвятой отец,
В жертву я приношу овец,
Можешь взять сто голов из тех,
Что пасет плешивый Журин».

Встал счастливый хитрец Журин:

«Я прощаю тебе твой грех,
Мир отныне дому сему.
К пастуху пойду твоему,
Приношенье твое приму,
Но, гляди, не грехи вперед!
Если ж кто-нибудь скажет мне,
Что скорбит по твоей вине
Твой пастух сирота Журин;
Если мой возлюбленный сын,
Мой Журин, в сравнении с кем
Ты не бай, а базарный тать,
И которого, между тем,
Ты дерзнул плешивым назвать, —
Будет плакать, от горя нем;
Если ты еще хоть разок
Палкой примешься бить его
Или станешь бранить его, —
Я вернусь, не будь я пророк,
И тебя уже не прошу,
На коне к тебе прискачу,
На тебя огонь напушу,
Запалю тебя, как свечу,
А потом конем растопчу!

Без души останешься, бай!
Задержался я здесь. Прощай!
Глянул бай — а пророка нет.
И пока не настал рассвет,
Бай сидел, глядел в пустоту,
Разобраться ни в чем не мог,
С головы до пят был в поту,
Хоть прохладный дул ветерок.

Вдруг об овцах подумал бай:
Гонит прадед проклятый в рай
Сто жирнокурдючных овец,
Через всю небесную ширь —
Тонкорунных, тучных овец.
Алаяра желчный пузырь
Скупость начала раздувать,
Желчь пошла хлестать через край;
А как стала желчь подступать
Алаяру к самым глазам,
Пожелтел он, точно шафран,
На глаза ему пал туман,
И без чувств повалился бай,
Как больной столбняком баран.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

Пронизало солнце листву,
И упало солнце в траву —
Золотистое, как топаз,
И растаял рассветный дым,
И в тогай Капес невредим
Возвратился Журынтаз.

В эту ночь не ходил войной
На загон сизогривый полк,
Обошел тогай стороной
Супостат по имени Волк.
Сам себя хитрец Журынтаз
В эту ночь от гибели спас;
Все ему веселило взор,
Ликовала душа его,
Сердце прыгало выше гор;
Увенчать свое торжество
Порешил он тоем большим.

И созвал Журынтаз гостей —
Всех окрестных птиц и зверей:
Только злобным волкам степным
Не послал приглашенья он,
Приготовил на зависть им
Яства для угощенья он,
И потом — не как байский раб,
А как хан — принимал гостей,
И хвалили гости кебаб,
Не оставили и костей.
А среди гостей дорогих
Был один почетней других:
Вороненка три дня подряд
Мясом потчевал он из рук:

«Клюв открой, дорогой мой брат,
Ешь баранину, милый друг!»

Долго длился веселый пир,
Но пришел и ему конец,
И погнал за горы Шагыр
Журынтаз отару овец.
Он пригнал отару туда,
Где чиста, как слеза, вода,
Где поит ручей Ак-булак
Луговой шелковистый злак.
Там лепечущая струя
Разговор с пастухом вела,
И в Хорезм на юг от ручья
По долине дорога шла.
И за часом тянулся час,
И глядел на юг Журынтаз,
И была пастуху мила
Песня влаги одна и та ж
Про судьбу неведомо чью.

На лугу поближе к ручью
Журынтаз поставил шалаш.

Как-то раз он загнал овец,
И лежал, и глядел в ручей,
Где дробился звездный венец —
Золотая краса ночей.
Тут, наруша ход тишины,
Долетел до его ушей
Дальний грохот, тяжелый гром,
Топот с южной стороны.
Овцы в ужасе поднялись,
Колыхнулась трава кругом;
С Журынтазова шалаша,
На внезапном ветру шурша,
Пересохшие листья ввысь
Мотыльковым роем взвились;
Застонав, земля затряслась,
Ак-булак замутился вдруг;
И, вскочив, поглядел на юг
Перепуганный Журынтаз:

Превышая большой курган,
Раздвигая звездную тьму,
Словно кречет-великан,
Всадник близился к нему.
Что ни шаг, то путь дневной
Смаху брал скакун гнедой;
Подымались выше звезд
Четырьмя столбами огня
Искры из-под копыт коня:
Чудо-конь!
Исполинский рост,
Словно туча волнистый хвост,
Уши — ножницы,
Грива — ночь,
Изумрудные глаза —
Полыхающая гроза.
Овцы с шумом кинулись прочь;
Конь на луг прилетел, горяч

И стремителен, как стрела,
И со звуком: «гардж! гардж!» —
Грыз железные удила.
Журынтаз тогда поглядел
На того, кто в седле сидел.
Словно свечи, у него
В темноте сверкали зрачки,
Были плечи у него,
Как ворота, широки,
И как молоты — кулаки;
Угодив под такой кулак,
Своей в землю вошел бы враг.
Если б этим батыром гнев
Завладел хоть на краткий срок,
Словно мышь, аравийский лев,
Прячась, рыл бы сухой песок;
Сталь дамасская, потускнев,
Хрупкой стала бы, как стекло,
И железо бы, потемнев,
Снегом тающим потекло;
Горы этот батыр бы мог,
Разметав, стереть в порошок;
Пот, со лба его побежав,
Мог бы адский огонь залить,
Жажду мучимых утолить.
Был он силен и величав,
Смуглолиц и сероглаз,
Он касался небес копьём,
Драгоценный панцырь на нем
Семицветным играл огнем.

Пошатнулся Журынтаз,
В землю черную, точно кол,
От испуга чуть не вошел.
Сердце этого бедняка
Ледяная сжала тоска;
Зарыдал он — ни дать ни взять —

Как в степи верблюдица-мать,
Потерявшая сосунка.
Но увидел пастух, что зла
Не желает ему батыр
И что ясность его чела
Обещает надежный мир;
Что батыр, хоть и велик, —
Взором светел и не суров,
Что пригож его смуглый лик,
Словно солнце средь облаков,
И что этот лик золотой
Дышит кроткою добротой.
Заприметив это, пастух
Слезы стер со щек рукавом,
Перевел, успокоясь, дух;
Поклонился в пояс потом,
Великана мощную длань
Подержал в обеих руках
И сказал, пересилив страх:

«Да прольются дожди на твои луга,
Да плодится твой скот, о батыр-ага!
Как велишь называть-величать тебя?
Славы едешь искать иль карать врага?»

Не прогневайся, молви, куда с копьём
И висящим на крепкой цепи мечом —
И откуда, воитель, ты держишь путь
На коне удалом, скакуне гнедом?

Сталь-убийцу с собой для чего ты взял?
Лук с собой исфаганской работы взял,
Вместе с луком тугим — эти сорок стрел
Ты с собой для войны иль охоты взял?

Что за подвиг замыслил ты? Может быть,
Хочешь бая какого-нибудь убить?

Конь твой статен, как девушка, смел, как лев,
Жаль камчою такого красавца бить.

Раз уж ты посетил этот тихий край,
Я прошу: черногривому отдых дай.
Мой шалаш — твой шалаш. Отдохни, поспи,
Я зарежу овцу, приготовлю чай.

Много сеч ты украсил своей броней.
Я бесследно пройду по стране родной.
Кто ты, храбрый? Утешь меня, дай ответ,
Не лишай меня гостя, побудь со мной!»

Тут приезжий сошел с коня
И, поводья держа в руках,
Молвил:

«Что ж, послушай меня,
Лжи не будет в моих словах.

О своем недуге поведу я речь.
Я и вправду слышал скрежет многих сеч.
Прежде чем пуститься за любимой в путь,
Закалил я снова свой булатный меч.

Я коня пшеницей год кормил из рук,
Выкосил на сено заповедный луг.
Лучший оружейник для меня ковал
День и ночь три года этот гибкий лук,

Упражнял я храбрость, разум свой растил,
Лил я пот ручьями, не жалел я сил,
Утром я покинул свой предел родной,
Путь полугодичный за день совершил.

Мой хранитель верный — Растами-Достан,
Я — Хорезма житель — прибыл в Туркестан,

Потому что сердцем я в Саркоп стремлюсь,
Дал мне мой родитель имя Арыслан.

Вещего до гроба не забуду сна:
Снилась мне однажды девушка-луна.
Во враждебном стане яркие костры,
Мнилось мне, погасли, чуть взошла она.

Сорок дев покорно шли за нею вслед,
И сверкал, играя, камень-самодвет
У моей небесной пери на челе.
Было ей не больше чем пятнадцать лет.

Я с тех пор на свете как во сне живу,
Изнываю, чахну, милую зову.
Так верблюд, от жажды гибнущий в степи,
О воде студеной грезит наяву.

Я песков бескрайных пересек простор,
Много снеговых миновал я гор.
О пастух, подай мне весть о Гулаим!
Слезы нетерпенья мой туманят взор.

Укажи дорогу в розовый приют,
Где во славу пери соловьи поют.
Проводи страдальца в город Гулаим,
Золотом по-шахски награжу за труд!»

Так от холода Журынтаз
Не дрожал, как от этих слов.
Хочет золота Журынтаз,
Потому что и хлеб, и кров,
И довольство, и тепло
Принести бы оно могло;
Но стоит пред взором его
Лунолика Гулаим;
И, пронзив его существо
Лезвьем своим ледяным,

Ревность душу ему язвит,
И бледнеет он, потрясен,
И притворно смеется он,
Весь трясется и говорит:

«Меня прельщаешь ласкою, не казной.
Езжай, батыр, пожалуйста, вслед за мной.
Живет в Саркопе-городе Гулаим.
Она, батыр, доводится мне женой.

У старой сбились волосы, что кошма.
Страшна горбунья бедная, что чума.
Порадуй неумытую, пожалей!
Она, к несчастью, выжила из ума!

Не легкая, батыр-ага, ноша — честь.
Один цветок и в засуху должен цвести.
Лишь лучшее и худшее чтит молва.
На каждого пескаррика — щука есть.

Тебе, видать, шайтанова снилась дочь.
Сам бог ко мне привел тебя в эту ночь.
Бери жену без выкупа, мой батыр, —
Хоть беден я, но ближнему рад помочь».

Простодушный Арыслан
Неспособен был на обман,
И не думал, чтоб кто-нибудь
Пожелал его обмануть.
Журынтаза хитрую ложь
Он за чистую правду счел.
На рычанье льва был похож
Стон его, огласивший дол.
Меч он выхватил из ножен,
Чтоб мечом себя поразить,
За копьё ухватился он,
Чтоб копьём себе грудь пронзить;

Но тогда родная страна
Хорезмийцу вспомнилась вдруг.
Ноги вставил он в стремяна,
Повернул гнедого на юг
И пустился в обратный путь,
Свесив голову на грудь.

Землю топот копыт потряс,
И растаял в тишине,
И остался Журынтаз
С овцами наедине.

Летом по зеленым лугам,
А зимой — по белым снегам
Он скитался из края в край.
Был все тот же халат на нем,
Тот же вытертый малахай.
Время шло своим чередом,
День сменялся новым днем,
Новый день сменялся другим.
Журынтаз мечтал об одном:
О женитьбе на Гулаим.

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

День да ночь —
Сутки прочь.
В небе темноголубом
Трепетали звезды, горя,
На своем языке ночном
О самих себе говоря;
Розовым своим рукавом
Утром их сметала заря.

Время шло чередом своим,
День сменялся новым днем.
Журынтаз мечтал об одном:
О женитьбе на Гулаим.

Гулаим на Миуели
Веселилась в кругу подруг.
Таял снег,
Сады цвели.

Соловьи о тысячах мук
Сладкозвучный спор вели.
По земле, к морям родным
Реки синие текли.
Горы жаждущей земли
Задержать их не могли.
Между тем отец Гулаим,
Аллаяр, великий богач,
Тяжело занемог
И слег.

Худо стало ему — хоть плачь,
Век поднять он уже не мог,
Разломило старому бок,
Селезенку сперло ему,
И сдавило горло ему.

По Саркопу его гонцы
Поскакали во все концы,
И глашатаи-трубачи
Затрубили в сырнай-кернай:
Пусть, мол, к баю спешат врачи,
Мол, гадальщиков молит бай
Сей же час подать ему весть:
Где от смерти лекарство есть?

Бай приносит в жертву скот,
Кровь ягнят молочных лет
И сокровища свои
За лекарства отдает;
Дни и ночи напролет
Ворожат ворожей,
Колдуны колдуют над ним,
Знахари лютуют над ним:
Жгут костры — и горячий дым
В зной глотать ему велят,
Мерзким зельем его поят;
Рядом — жены голосят,

Слезы льет в ногах Гулаим,
Сыновья в головах стоят,
Вервие на шею надев,
К небу руки свои воздев.
Алаяру ничто не впрок:
Видно, сильно он занемог.

Молвит близким Алаяр:

«У меня есть прадед пророк.
Он, должно быть, помнит мой дар —
Сто жирнокурдючных овец,
Тонкорунных, тучных овец...
Оседлайте-ка мне коня,
Подымите-ка вы меня,
Дайте мне мой лучший наряд,
Мой золототканый халат.
Подымусь —
В халат облекусь
И на кладбище повлекусь,
Пред гробницею повалюсь,
Небожителю поклонюсь,
К покровителю я взмолюсь,
Со слезницею обращаюсь,
Исцеления испрошу, —
Чистым воздухом подышу!»

Усадили бая в седло.
В путь-дорогу собрался бай,
Провожатых не взял с собой,
На луку налег тяжело;
Где поводья, а где камча —
Разобрался кое-как,
И под ним, ногами суча,
Заплясал лихой аргмак.

Ранним утром выехал бай.
Если и горячить коня,

От Саркопа, как ни считай,
До погоста пути полдня.
Жгучим жаром пышет степь,
А у бая темно в глазах,
Стали как чугунная цепь
Легкие поводья в руках,
Чудится, стучат в виски
Молоточки да молотки;
Блещут красные пески,
Стонет, бредит Алаяр:

«Помоги мне, пророк святой!
Едет-едет Алаяр,
Едет хворый правнук твой!
Пробудись в гробнице своей,
Мошь верни деснице моей!»

А гробница — все далека...
Широка ты, степь, широка!

Журынтаз
Отару как раз
В этот день у кладбища пас.
Алаяра он увидал;
Разглядел, как тот исхудал,
И — покуда бай причитал —
Мысли бая он прочитал;
В буераках отару скрыл,
И, петляя среди могил,
Задыхаясь, в поту, бегом,
Алаяра опередил
И в гробницу скользнул ужом.

У погоста, за кустом
Хворый бай привязал коня;
Горло окрутил платком,
От простуды себя храня;

У могилы отцов потом
На колени стал с трудом,
Все аяты прочел, стеля;
И потом, совершив намаз,
Духу предка задал вопрос:

«Здесь ли ты, осушитель слез?»

«Здесь!» — отвечивал Журынгаз.

И, рыдая, бай произнес:

«О, выслушай! Стан мой согнулся, как лук,
И кожа моя почернела от мук.
Пророк мой, хранитель мой, встань, посмотри,
Что сделал со мною смертельный недуг!

Пришел отымающий души ко мне
И плоть мою скорбную держит в огне,
И в ребра вонзает мне когти свои,
И тащит в могилу меня на ремне.

Врачи да гадальщики, как воронье,
В мое отовсюду слетелись жилье,
И требуют мзды от меня, и клюют,
И рвут полумертвое тело мое.

Я гибну, хотя мой телесный состав
Пропитан, как вата, настоями трав.
От смерти лекарства у знахарей нет.
Я плачу, к тебе, благодетель, припав.

Из этой могилы, из райских ли рош
Взгляни на меня, покажи свою мощь,
Приди, — я простерт пред тобою, как степь,
Что молит послать ей целительный дождь.

Ты видишь? — я стал на колени. Я жду.
От смерти, от мук избавления жду;
За некогда взятых тобою овец —
Отпущенных в долг — исцеления жду!»

Так пророку взмолился бай,
И слезами залился бай.
А лукавый хитрец Журын,
Самозванный мертвец Журын,
Загудел из-под земли:

«Алляр! Алляр! Внемли!
Отвечает пророк святой,
Прадед и покровитель твой.
За даянье твое в раю
Я хвалы тебе воздаю,
Хлопочу о тебе, мой свет,
Но — увы! — пророк Мухаммед
Только гневается в ответ.
Как зимою горный хребет,
Льдом покрыты брови его,
Мглой повиты брови его,
Ибо хмурит он в гневе их.

Хочешь ты остаться в живых,
Слезы льешь, неразумный бай,
От меня исцеленья ждешь,
Не желаешь свой тесный кош
Променять на просторный рай, —
Хорошо, мой свет, — но сперва
Богом будет еще одно
Испытанье тебе дано.

Бай, запомни мои слова:
У тебя есть овчар Журын,
Сирота, пастушеский сын,
Сердцем кроткий, точно овца.

Как пасет он твоих овец,
Так овец твоего отца
Пас его покойный отец.
Это был святой человек.
В рабстве он вековал свой век;
Можно было его продать,
Можно было его купить,
Можно было его прогнать,
Можно было его прибить, —
Он безропотно, точно вол,
Выносил любой произвол,
И показывали его
Как примерного раба,
И привязывали его,
Как собаку, у столба,
И наказывали его
Столь сурово, что со лба
Кровь и пот у него текли, —
Как ни били, как ни секли,
Он и стона издать не смел,
Только вздрагивал, бел как мел,
Будто он от слез онемел.
Не имел он в досталь еды,
Не имел он в досталь воды,
Не имел одежды пастух,
Чтобы плечи свои прикрыть,
Не имел надежды пастух
Где-нибудь халат раздобыть;
Иссушили его пески;
Убелили ему виски
Ранним инеем седины
Годы голода и тоски.
За собой не зная вины,
Он погиб от байской руки,
Яростной, хозяйской руки.
Твой отец, и ты, и твой род,
Все вы, пьющие кровь и пот,

Вы убийцы, а не судьба,
Вы в ответе за кровь раба!
Лучше бы за грош вы его
Уступили другим, чем зря
Жечь да резать, злобой горя.
Твой отец подошвы его
Приказал ножами рассечь,
И огнем его спину жечь,
И повесить на трех жердях.
Чтоб на всех четырех ветрах
Семь недель качался пастух.
С жизнью распрощался пастух;
Видно, силу хотел свою
Твой отец испытать на нем, —
Бай ведь был большим богачом.

Тут, зубами заскрежетав,
Зарыдал Мухаммед в раю;
Ангелы, затрепетав,
Стаей лебединой взвились,
Райскую покинули высь,
Стрелами к земле понеслись;
Опустились, как легкий пух,
К вытянутым ногам пастуха,
Поглядели — плачет пастух:
Слезы по щекам пастуха
Катятся одна за другой,
Словно скатный жемчуг морской.
Ангелы, крылами плеща,
Вынули его из петли,
Приняли его на плеча;
Как святыню — с черствой земли
Рванный подняли малахай,
Мученика в рай понесли,
Малахай понесли
В рай.

Жертву бая у райских врат
Встретил сам пророк Мухаммед,
Страстотерпца за руки взял,
Даровал очам его свет,
Ввел в сияющий райский сад,
А потом две обновы дал:
Малахай бобровый дал
И халат шелковый дал;
А потом приставил к нему
Двух красавиц-гурий пророк,
И дворец в лазури пророк
Лучший предоставил ему.

Сердцем возликовал пастух,
Гурий равнопрекрасных двух
Чередой целовал пастух;
Девы миловали его
И не ревновали его.

И донныне по целым дням
Он гуляет в райском саду
И, питая любовь к цветам,
Собирает он розы там;
Обе гурии — рядом с ним.
Чуть звезда приведет звезду,
Он, сказав: «Гулянью — конец!» —
Возвращается во дворец;
Обе гурии — рядом с ним.
Вот пастух сидит на коврах,
И дутар у него в руках:
Обе гурии рядом с ним.
Вот лежит он в пуховиках,
У него — плоды в головах...

Часто сам пророк Мухаммед
Во дворец приходит к нему,
Чтоб держать с пастухом совет,

Удивляться его уму.
Каждый день, слетаясь толпой,
Затевают ангелы той;
Ликование — каждый день,
Козлодранье — каждый день,
Утешению — нет конца,
Угощению — нет конца;
Тут тебе и мясо и мед,
Пенье, музыка и смех!
Жирно ест и сладко пьет
И сидит превыше всех
Меж других безгрешных душ
Сей пастух, сей праведный муж!

А пока он меж вами жил,
Кто, скажи мне, им дорожил?
Кто не издевался над ним
И каких он не знал обид?
Кем он только не был гоним,
Кем из вас он не был избит!
Вспомни, свет мой, как с детских лет
Ты раба, лишённого сил,
Словно зверя, псами травил.
Ныне — сам пророк Мухаммед
В память бед его и обид
С пастухом в обнимку сидит!

Мой же внук, а твой отец,
Столь приверженный злым делам,
Никогда не нравился нам:
Не любил его сам творец,
Презирал Мухаммед-пророк,
Ненавидел халиф Али,
Я его выносить не мог,
Ангелы терпеть не могли,
Девам рая он гадок был, —
Ибо кровь человечью пил;

А сошел он в землю — и там
Не понравился мертведам.

Раньше срока на десять лет
Повелел пророк Мухаммед
Умертвить твоего отца,
И возрадовались в раю
Божьих праведников сердца.
Взяв с собой удавку свою,
Полетел в Саркоп Азраил,
Где злодея и умертвил.
Вскоре после похорон
Прилетел на кладбище он
С палицей железной в руках.
Глубоко под землей, впотьмах
Этой палицей Азраил
Череп грешнику раскроил,
Челюсть нижнюю раздробил;
Приложил ко рту мертвеца
Раскаленную печать —
И не мог твой отец кричать,
И в морщинах его лица
Закипели слезы ключом.
Глядя на твоего отца,
Раб его смеялся в раю:
«Бай-ага, ты спал с лица,
Я тебя не узнаю.
Был ты первым гордецом,
Чтил ты золото и ложь,
Обернулся мертвецом
И посмертно слезы льешь.
Я при жизни был в аду,
Больше в ад не попаду:
Как в раю ты жил — ну что ж,
Больше в рай не попадешь.
Бай-ага, своей судьбой
Поменялись мы с тобой».

Ангел, слыша это, втройне
Бая стал истязать сильнее.
То под палкою, то в огне
Извивался триста дней,
Словно рыба, твой отец,
Пил расплавленный свинец;
С виду стал похож на кебаб,
Ссохся весь, почернел, ослаб
И совсем лишился ума.
Как ни бился Азраил,
Как его ни скреб, ни палил,
А не счистил с него клейма
Всех его богомерзких дел.
Тут с волосяным силком,
Наконец, шайтан подоспел;
И в силке волосяном
Твой отец повис, как фазан,
И расхохотался шайтан
И понес его, хохоча,
Далеко, далеко, далеко...
В ад его зашвырнул сплеча
Глубоко, глубоко, глубоко...
Там огнем горит он, треща,
И от адского палача
Не уйти отцу твоему,
И ему в огне и дыму
Нелегко, нелегко, нелегко!
Алляр! И ты чуть-чуть
Не свернул на отцовский путь.
Вспомни ночь, когда к тебе
Я за подаяньем пришел.
Вспомни, правнук мой, как тебе
Легкий подвиг твой был тяжел.
Думал я, что своих овец
Больше прадеда любишь ты:
Мол, не дам овец — и конец!
И отказом погубишь ты

Плоть свою и душу свою
И не будешь со мной в раю.
Но — ты спасся, мой свет!
Когда
Без особенного труда
Я овец твоих получил,
Сам создатель доволен был».

Свой велеречивый язык
Утомив, пророк замолчал,
И, не слыша пророка, в крик
Ждавший чуда бай закричал:

«О, хвала тебе и хвала
И еще хвалы без числа
За благие твои дела!
Мой радетель, я изнемог,
Что же делать мне?
Научи!
Благодетель!
Не исчезай!»

И опять загудел пророк:

«Я не все сказал.
Замолчи!
Не кричи,
Неразумный бай!
Алляр, лежащий в пыли!
Повеленью бога внимли!

О сокровищнице твоей
До небес долетела весть.
У тебя, златолюбец, есть
То, что всех сокровищ ценней:

Лебедь — белого белей.
— Гладь озерная светла,

А над ней летит, как стрела,
Лебедь — вольные крыла.

Пери — милого милей.
Если б ношей прелесть была —
Рук она бы не подняла,
Шага бы ступить не могла.

Соль — соленого солоней.
С этой солью горечь сладка,
Без нее и сладость горька,
Без нее и радость — тоска.

Солнце — светлого светлей:
У других — сума,
У тебя — казна,
У других — зима,
У тебя — весна,
Роза — алого алей.

У тебя есть дочь Гулаим,
Светлого она светлей,
Белого она белей,
Алого она алей,
Милого она милей,
Всех сокровищ мира ценней.
В рай простолюдина к себе
Не побрезговал бог призвать,
Преисполнясь к небу любви.
Пастухова сына к себе,
Чтоб гордыню свою поправить,
Многогрешный бай, призови.
И, призвав Журына к себе,
Ублажать его, почитать
Должен ты и дети твои.
Должен ты своего добра
Для Журына не пожалеть,

Шапку из седого бобра
Должен ты на него надеть,
Должен рядом с кошом своим
Для Журына кош возвести,
Должен дочь свою Гулаим
К очагу его привести,
Ни гроша калыма не взять
И Журына зятем назвать.
Чем тебе твой пастух не зять,
Чем угодник божий не сват?
Что же, рад ты или не рад?
Бог в раю судил этот брак.
Если сам ты себе не враг,
Не гордись, Аллаяр, смирись,
Воле божией покорись, —
Дни твои продлятся тогда,
Дивно расплодятся стада,
Смертью, сладостною, как сон,
Мирно завершатся года.
Ангелами вознесен,
Ты проснешься у нас в раю,
Будешь ликовать,
Пировать,
С гуриями игры играть.
Голубком счастливым порхать
И свою
Подждать семью.

И построит в раю
Творец
Для Журына и Гулаим
Золотой дворец,
Что резной ларец;
Ты дождешься их, наконец.
Будут слуги-ангелы им
Угождать во веки веков,
И среди небесных цветов

Для твоих безутешных вдов,
Для твоих сынов —
Удалых голов —
Будет приуготован кров.

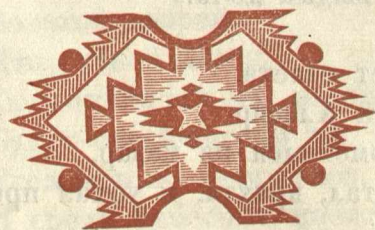
Лучше выдай дочь,
Не перечь,
А не то — не уйдешь домой,
Плачь — не плачь,
Я встану, могуч,
Выбью оба глаза долой,
Вырву напрочь душу твою
И швырну тебя прямо в ад,
Где котлы кипят
И костры горят,
Грешники немолчно вопят;
Я смолы тебе подолью
И тебя оставлю в аду,
Всю
Твою
Семью
Перебью,
В ад ее к тебе приведу!»
Аллаяр без чувств лежал
И почти совсем не дышал.
Час прошел — глаза приоткрыл,
Встал, шатаясь, несчастный бай,
Застонал из последних сил:

«Пощади, не убивай!
Пусть берет...
Я выдам дочь!»

Нет ответа.
Бай Аллаяр
Помолился на мазар,
Встал, кряхтя, и уехал прочь.

Из могилы Журинтаз
Вылезает на белый свет,
Что есть силы Журинтаз
Распеваает на целый свет:

«Я беру твою дочь, отец!
Я — купец,
А ты — продавец,
Я — пророк,
А ты — глупец!
Спорь — не спорь.
А боль — твоя.
Хворь — твоя,
А соль — моя,
Роза алая — моя,
Лебедь белая — моя,
Веселись, отара моя!
Гулаим — задаром моя!
Прыгайте, овечки, в степи,
Словно вы — кузнечики в степи:
Дочь свою красавицу в дар
Отдает мне бай Аллаяр!»
Вот что пел плешивый Журин,
Пусть плешивый,
Нерадивый,
Некрасивый,
Да зато
Хитроумный и счастливый
Журин.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

Вы послушайте, мы споем.

Продолжается сказ о том,
Как злосчастный бай Аллаяр
Уподобился купцу,
Что приехал на базар
И за грош к его концу
Продад ценный свой товар.

Из поездки Аллаяр
На лихом коне верхом
Возвращается в Саркоп,
То и дело рукавом
Вытирает потный лоб.

Неизвестно почему —
Только стало легче ему;
То ли страх недавний помог,

То ли воздуха вольный ток,
То ли срок
Наступил в пути,
Наконец, недугу пройти, —
Бай не прилегает к луке,
Крепче держит повод в руке.

Твердо верит бай Аллаяр,
Что его болезненный жар
Подлинный пророк остудил,
И, что если прошел озноб,
То добытчик душ Азраил
От него и впрямь отступил.

Возвращается бай в Саркоц,
Жизни радуется, поет,
А как вспомнит про свой обет —
Призадумается, вздохнет
И, заплакав, рукой махнет.

Бай вернулся домой в обед.
Шестеро его сыновей
Слезть ему с коня помогли,
Две жены его поскорей
В юрту под руки повели.
Повелел он с глаз долой
Гнать врачей и ворожей;
В пуховой постели своей
Пиалу за пиалой
Долго пил зеленый чай
И отлеживался бай.

Отдохнув и чаю испив,
Аллаяр ощутил прилив
Благодатных жизненных сил
И, созвав родных и чужих,

Встал и, выйдя к ним, известил
О своем исцеленье их;
При великом стеченье толп
Рассказал, что прадед его —
Житель рая, ислама столп —
Все грехи загладит его,
В рай возьмет потом, а пока
Годы правнука-старика
Ради многих его заслуг
Продлевает, прервав недуг;
Рассказал, что спасет свой род
И устроит своих в раю,
Если он как зятя введет
Пастуха Журына в семью.
И чужой народ и родня
Закричали:

«Быть по сему!»

И принес Аллаяр коня
В жертву прадеду своему.
После этого с Гулаим
Он остался наедине
И сказал, смущеньем томим:

«Дочь моя, подойди ко мне!

О светоч мой единственный, мой алмаз,
Дитя мое любимое, радость глаз,
Спаси отца, разумница! Хочет смерть
Меня, многострадального, взять у вас.

Шайтан меня, злосчастливого, в ад швырнет,
Вослед за мной потянется весь мой род,
И зря мои сокровища пропадут,
И чужакам достанется тучный скот.

В пучину страха лютого я попал,
Вот-вот на плот обрушится грозный вал.

А я, как погляжу назад, не всегда
С людьми по справедливости поступал.

Тебе Журыну нищему стать женой
Судьбою предназначено, ангел мой.
Не лучше ли немилого миловать,
Чем навсегда сойти в огонь смоляной?

Уж я ли не люблю тебя, Гулаим?
Послушайся, молю тебя, Гулаим,
Сверши предначертание высших сил,
И я благословлю тебя, Гулаим!

Мы юрту белоснежную возведем,
Невиданный, неслыханный той начнем;
Получишь ты в приданое лучший скот,
Гордиться будешь золотом-серебром.

Богатством ли не славится твой отец?
Один с бедой не справится твой отец.
Склоняется к ногам твоим, что камыш,
Ответа ждет, красавица, твой отец».

Горестные эти слова
Алаяр с трудом произнес —
Так тряслась его голова.
Засверкали алмазы слез
На ресницах Гулаим,
И, бежать не мешая им,
Молвила она:

«Мой отец,
Жизнь моя, дорогой отец,
Выслушай дочерний ответ.
Вспомни:
Ты с колыбельных лет
Был с большой удачей в ладу.
Остальных богачей затмив,

Шестерых сыновей родив,
На пятидесятом году
Ты, рыдая, припал к судьбе
С просьбой дочь тебе даровать,
И судьба снизошла к тебе:
Родила меня в муках мать
И, взглянув на дитя свое,
Просияла светлее дня,
И, благословив бытие,
Показала тебе меня,
И воскликнул ты, мой отец:
«Вот желаний моих венец!»

Многодневный устроив той,
Ты джигитам бросил козла;
Меткие стрелки без числа
На призыв поспешили твой;
К золоченой тыкве стрела
Полетела вслед за стрелой;
Слуги для несметных гостей
Резали овцу за овцой;
С каждым новым днем — веселей
Становился веселый той;
Меж гостей
Похаживал ты,
Бороду поглаживал ты,
За гостями сорок дней,
Не скупясь, ухаживал ты;
И чужих и родных в те дни
Ты по-шахски поил-кормил,
Девяносту из них в те дни
Шубы с шапками подарил;
Восхваляя свой удел,
Ты меня назвал Гулаим,
Ты поцеловал Гулаим
И служанкам повелел,
Как султанше, угождать

Матери моей семь недель,
Золотую колыбель
Для меня приказал сковать
И купил мне на пелены
Шелк невиданной тонины,
Заплатив стадами скота.
Как ты радовался, когда
Сорок дней исполнилось мне
И в постели пуховой,
В колыбели золотой
Улыбнулась я во сне.
О, мои блаженные дни!
Где они, отец? Где они?

Мой отец, мой щит и оплот!
Времени живая струя
Быстро-быстро-быстро течет.
Год прошел, и за этот год
Больше, чем от матери, я
От тебя видала забот.
Я заплачу, и, говоря:
«Милой дочери жалко мне!» —
Первым ты прибежал ко мне.
Чтоб могло мое лицо
Красотой сравниться с луной,
Полумесяц золотой
И алмазное яйцо
Ты привесил предо мной.
О, мои блаженные дни!
Где они, отец? Где они?

А когда на втором году
Я на четвереньках пошла
У тебя, отец, на виду,
Как ягненок, еще мала,
Но уже, как львенок, смела, —
В умиление ты пришел.

Чтобы о глинобитный пол
Сбить ладони я не могла,
Повелел ты пуховиком
Застелить его —
И потом
Руку дал мне, уча ходить;
И, когда мне хотелось пить,
Приходил ко мне с пиалой
И медовой поил водой.
О, мои блаженные дни!
Где они, отец? Где они?

К четырем годам — наравне
С самым старшим из сыновей —
Ты почетное место мне
Предоставил в юрте своей.
Прочил ты в батыры меня,
В золотое сажал седло,
И на мне сверкала светло
Из колечек мелких броня;
И с игрушечным копьём
В детской неокрепшей руке
И с полуаршинным мечом
На чешуйчатом пояске
Научилась я на лугу
Братьев догонять на бегу.
О, мои блаженные дни!
Где они, отец? Где они?

В шелк зеркальный, в бобровый мех
Пятилетнюю дочь свою
Ты одел наряднее всех
Однолеток в нашем краю
И — другим отцам не чета —
Уделил ты мне в этот год
В первый раз от своих щедрот
Ровно тридцать голов скота.

О, мои блаженные дни!
Где они, отец? Где они?

Стало мне семь лет.
Если б мог,
Ты бы солнце мне в дар принес.
Юрту — золотой чертог —
Ты в саду поставил меж роз,
На полу ковры постелил,
В юрте дочь свою поселил.
Теша и балуя меня,
От печали ранней храня,
Ты мои мечты разгадал:
Сорок девочек ты созвал
И, услышав мой громкий смех,
Одарил их золотом всех.
О, мои блаженные дни!
Где они, отец? Где они?

Под крылом твоим девять лет,
Словно ласточка, весела,
Вдалеке от горя и бед
Я на свете прожила.
Ты, отец, заставил судьбу
Стать рабыней верной моей;
Впрячь велел ты в мою арбу
Шестерню вороных коней.
Был ли мне от тебя запрет?
Я слыхала ли слово нет?
О, мои блаженные дни!
Где они, отец? Где они?

На пятнадцатом году,
Словно бабочка в саду,
Словно белый пух в снегопад,
Веселилась я, резвясь,
И резвилась, веселясь;
Драгоценный шелковый плат

На голову повязав,
Обратилась к тебе, сказав:
«У тебя немало земли, —
Подари мне Миуели!»
Как всегда на просьбы мои,
Ты сказал мне в ответ: «Возьми!»
Видя блеск моей красоты,
Ханы приходили в восторг,
Слали сватов к тебе, но ты
Не вступал со сватами в торг,
Не связал ты мне белых рук,
Не лишил меня вольных крыл,
Жить мне в крепости разрешил,
Веселиться в кругу подруг.
О, мои блаженные дни,
Где они, отец? Где они?

Для того ли ты не щадил
Ни сокровищ своих, ни сил,
Для того ли берег меня,
В холе да на воле растил,
Чтобы, душу мою казня,
Замуж за Журына отдать?
Молодость мою растоптать?..

Дело черное, мой отец,
Ты замыслил на склоне лет,
И полночною тьмой, отец,
Обернулся полдневный свет,
Дням блаженным пришел конец,
Облетают розы мои,
Увядают лозы мои,
Погляди на слезы мои!
Что мне делать, отец?
Как быть?
Где мне скрыться?
Спрятаться где?

Нет, о нет!
Я не дам беде
На твои следы наступить!
Я не дам кровавым слезам
Старческие очи затмить!
Я жестокой смерти не дам
Тело твое в прах превратить!
Пусть умру!
И пусть надо мной,
Черное надев,
Сорок дев
Зарыдают, осиротев, —
Я Журыну буду женой
Ради прежней любви твоей,
Ради прошлых блаженных дней!»

Тут благословенье отца,
Побледнев и спав с лица,
Дочь-красавица приняла
И умчалась, точно стрела,
На далекий Миуели.

Треснул лед у бая в душе,
Льдины весело пошли;
Вновь гнездо свивая в душе,
Засвистал, застрекотал
Вешний розовый скворец.
Сына младшего бай послал
За Журыном, пасшим овец.

И на этом песне конец.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

Эй вы, Красные Пески,
Словно море, вы широки,
Взором не окинуть вас!

Средь песков пастух Журынтаз
Пас отару в пойме реки.

Припекало.
Полдень стоял.
Он сидел у шалаша
И рубашку свою латал.

Тут без спутников, один,
К шалашу из камыша
Подъезжает Аманбай,
Аляяра младший сын,
Брат красавицы Гулаим,

Статный конь играет под ним,
Конь второй идет в поводу
И приплясывает на ходу.
Подъезжает Аманбай,
Говорит:

«Эй, Журын, вставай!
Подымайся, Журын!
Кончай
Со своим возиться тряпьем!
Слишком долго ты был рабом.
Горькой бедности своей
Нынче можешь сказать: «Прощай!»
Небо вняло твоей мольбе,
Счастье привалило тебе.
Мой отец, а твой господин,
Говорит, что вознесся в рай
Твой отец; а ты — его сын —
Перед богом почти что бай;
Ты, мол, тоже будешь в раю.
Дай, Журын, мне руку свою,
Поздороваемся давай!

Эх, Журын, тебе говорят!
Ты последуешь за мной,
Счастлив будешь долей земной.
Мой отец шлет тебе халат
С байского своего плеча.
Закручинился мой отец, —
Мол, ему без тебя конец.
Вот тебе халат и камча,
На, бери, садись на коня.
Мы приедем на склоне дня,
Спешимся и тот же час
Той начнем, гулять пойдем.
Что ж ты не глядишь на меня?
За тебя сестру выдаем,

Повезло тебе, Журынтаз,
Мы калыма брать не хотим:
Даром забирай Гулаим!»
Но не приложил Журынтаз
К этим грубым речам ушей,
Встать не поспешил Журынтаз
И не отложил Журынтаз
В сторону рубашки своей;
Швы разглядывал битый час,
А на свата и не взглянул.
Час прошел, — пастух зевнул,
Встал, рубашку натянул,
Стиснул посох свой в руках,
Свистнул — и овчарки в репьях,
С огоньком зеленым в глазах
Обступили его кругом;
Под защитой своих собак
Поднял голову он вот так,
Закричал, разъярен, вот так:

«Что ты мне говоришь, наглец?
Прежде за человека счастье
Не желал меня твой отец,
А теперь мне почет и честь?
Я и сам теперь гордым стал
И надел в гордыне своей
На голову тебетей,
Потому что меня взыскал
Мухаммед любовью своей:
Стало имя мое Журын
Широко известно в раю.
Что мне до господских кручин?
Я на речи твои плюю.
Передай отцу своему:
Пусть забудет свои мечты,
В жены Гулаим — не возьму,
Нет в ней никакой красоты!»

Тут свою овечью рать
Журынтаз пошел собирать
С гордо поднятой головой.
Аманбай, остолбенев,
На него глядел сам не свой.
Понемногу вывел гнев
Аманбая из столбняка,
Но не выхватил он клинка
Из ножен, блеснувших, как жар, —
Всех загонит, мол, в ад овчар! —
Он ударил коня камчой,
И раскрылся цветок большой
На широкой груди коня,
Взвился конь, — и в Саркоп джигит
Полетел, овчара кляня
И браня на чем свет стоит.

Он упал пред отцом, и тут
Бай подпрыгнул, как верблюд,
Вдруг ужаленный змеей.
Верблюженок его родной
Зарыдал,
И бай разгадал
Смысл невнятных слов его:
Неудачное сватовство!
Вот чего Аллаяр не ждал...
Столько сразу бед и обид,
А какой он грех совершил?
Может быть, уже Азраил
За душою к нему спешит?
Со слезами на глазах
Аллаяр воскликнул в сердцах:

«Ай, пропащий лоб, Журынтаз!
Он всегда зависел от нас;
Разве был этот грязный пес
От рождения сыт хоть раз?»

Сын султана мог бы за честь
Сватовство такое почесть, —
Раб — доводит меня до слез,
От богатства воротит нос,
Я ему — невыгодный тесть,
Сын мой — неподходящий сват,
Дочери — невелика цена!
И на вечные времена
Я, несчастный, отправлюсь в ад!
Погоди, мой будущий зять,
Только дай тебя уломать, —
Я за все тебе отплачу,
Срама своего не прошу!
Эй, не плачь, Аманбай!
Ступай
Оседлай коня, Аманбай,
Поезжай на Миуели,
Бедной Гулаим повели
Ехать за Журыном самой,
Умолять моим зятем стать.
Разве может он устоять
Пред земною моею луной,
Вседержительницею чар?
Мне одно спасенье:
Овчар.
Пусть она любою ценой
Обольстит его, залучит
И ко мне на коне примчит!»
Оскорбленный Аманбай
Поскакал на Миуели,
И как был в дорожной пыли
Утомленный Аманбай,
Так пред Гулаим и предстал
И, поднять не смея лица,
Сообщил ей волю отца,
И румянец стыда, как лал,
На щеках его запылал.

Аманбай умчался.
Она,
И грустна и, что снег, бледна,
Лучший свой надела наряд,
Косы, расчесав, заплела,
Сорок девушек позвала,
На прощанье всех обняла,
Переделовала подряд
И на Актамкере своем
Полетела, словно стрела,
За Журыном-пастухом.
Иноходец грыз удила,
Бился и вставал на дыбы,
Словно перед лицом судьбы.
Не сказал сестре Аманбай,
Где ей Журынтаза искать,
И пришлось ей за пядью пядь
Обыскать приречный тогай.
Шли часы.
Объятья пред ней
Раскрывали с шумом кусты,
Ветви рвали платье на ней,
Не щадя ее красоты.
Пастуха не найдя, она,
Неудачей раздражена,
Погнала на взгорье коня,
Птицей прынула на откос
И, ладонью приосеня
Очи, полные жгучих слез,
Поглядела с горы крутой.
Был безлюден тогай густой,
И пожаловалась Гулаим
Небесам темноглубым,
Облакам светлзолотым:

«О вы, равнодушные! Мне тяжело
Затем, что на плечи мне горе легло.

На вас, небеса, поневоле ропшу.
Скажите, кому причинила я зло?

За прибылью гонится жадный купец,
За славой — джигит, за созвучьем — певец,
А я Журынтаза в тогае ищу...
На гибель меня обрекает отец.

Не спас меня мой талисман золотой.
Съезжаются гости на свадебный той.
Обуглилась доля моя на огне,
И скорбь меня топчет железной пятой.

Нам счастье так редко дарует судьба,
И вот — надо мной торжествует судьба.
Никак я постичь не могу — для чего
Столь чуждых друг другу связует судьба.

Спасите меня, а не то я умру,
Исчезну, уйду, что роса поутру.
Душа моя страдает, и руки мои,
Слабея, дрожат, что камыш на ветру.

Журына ли я призывала в бреду?
О нем ли мечтала я в темном саду?
Я верное сердце свое отдала
Тому, кто приснился мне в прошлом году.

О, соедините, высокие, с ним
Тоскою истерзанную Гулаим, —
И вас, голубые мои небеса,
Я не потревожу молением другим!

Что если охотник в тогай забредет?
Подслушав мой плач, он меня засмеет...

Помилуйте душу мою, небеса!
Эй, конь мой, товарищ мой добрый, — вперед!»

Косы — вороново крыло —
Ветром за плечи отнесло,
Госпожу свою под откос
Актамкер, точно вихрь, понес
И помчался во весь опор
Меж стволов,
Поверх кустов
И сразмаху, как топор,
На поемном берегу
В стадо пасшихся овец
Врезался на бегу.

Овцы убегают стремглав,
Конь стоит,
Ушами прыдет...

«Эй, Журын!» — овчара позвав,
Гулаим ответа ждет.

Нет ответа:

Тишина.

Вдруг,

Услышав шорох ветвей,

Вверх возводит взоры она, —

Глядь —

Овчар

Высоко над ней.

Заприметив Гулаим,
Влез на дерево Журынтаз,
На суку сидит недвижим,
Словно соловей притаясь.
Руки дудочкой сложив,
Девушка кричит ему:

«Эй, слезай, покуда жив!
Больше прятаться ни к чему!»

Слезть не соглашается он;
К ней, избраннице своей,
Со словами таких речей
Сверху обращается он:

«Когда-то красотой твоей ранен в грудь,
Боюсь теперь в глаза твои заглянуть.
Куда бы ты ни ехала, Гулаим,
Любимой байской дочери — добрый путь!»

Ужасен твой могучий конь, словно лев,
И руки у меня дрожат, ослабев.
Зачем бы ни приехала ты в тогай,
Счастливый путь возглавившей сорок дев!

Степной простор погонщики обошли,
Верблюдов бая старого не сочли.
Богат отец твой золотом-серебром.
Счастливый путь хозяйке Миуели!

Зачем с лица прекрасного льется пот?
Зачем твой конь тревожится, громко ржет?
Ответь, куда, красавица, держишь путь?
Слова твои мне сладостны, точно мед.

К земле твой стан склоняется тяжело,
Как будто горе на сердце налегло.
А может быть, за кем-нибудь долг пропал?
И требуется золото как назло?

Убор твой мелким бисером весь расшит,
На пояске серебряный нож блестит,
Объятая раскрываются у тебя, —
А где, луноподобная, твой джигит?»

Журынтаз, как соловей,
Выглянул из-за ветвей.
И сошла Гулаим с седла
И высокой бровью своей
Обольстительно повела.
Тут пастух обезумел вдруг
И, едва не свалившись вниз,
На суке без помощи рук,
Как летучая мышь, повис.
Ликом, словно луна, бела,
Гулаим еще разок
Бровью черною повела,
И совсем Журын изнемог.

Молвила тогда Гулаим
Голосом своим колдовским:

«Скот чужой в пустыне ты всю жизнь пасешь,
Собственные слезы от рожденья пьешь.
Слушай, мой избранник, я зову тебя,
Для тебя отец мой ладит новый кош.

Нам грешно чуждаться тех, кто нас бедней.
Строят наши слуги ясли для коней.
Той сегодня будет. Мой отец созвал
На великий праздник множество гостей.

Разве не тоскуешь обо мне одной?
Нас на праздник вместе конь помчит гнедой.
Бая Аллаяра молодая дочь
В дар тебе всещедрой послана судьбой.

Аллаяр, отец мой, — именитый бай.
Мой цветник приволен, словно божий рай.
Больше я ни слова не скажу тебе.
Только поскорее с дерева слезай!»

Но Журын при этих словах
Вверх по дереву полез
И, покачиваясь на ветвях,
Закричал почти что с небес:

«Мне лучших овец поручил твой отец,
Я годы потратил на этих овец,
И только теперь он меня оценил!
Видать, твой отец и глупец и наглец!

Я слушать твоих не желаю речей;
Не брошу моих белорунных друзей!
Отец твой меня приглашает на той,
А я не поеду с тобой, хоть убей!

Я мирно скончаюсь и в рай попаду,
Отец твой заведомо будет в аду.
Ему не отдам я свободы своей.
За ним ни за что не пойду в поводу!

Пронюхал старик, что я буду в раю
И смрадной могилы на самом краю
Намерен спихнуть свой лежалый товар,
Подсунуть мне глупую дочку свою.

А вот я как выберу прут подлинней,
Спущусь да местечко найду побольней, —
Узнаешь тогда, как тревожить меня,
Научишься быть поскромней-поумней!»

Тут по жилам Гулаим
Пламень ярости прошел;
Сердце, опаленное им,
Закипело, точно котел,
И, обидой уязвлена,
Сильными руками она

Обхватила древесный ствол;
Молнии меча из глаз,
Пошатнула дерево раз,
Пошатнула его другой —
Вырвала из земли долой!
Журынтаз в полузабытьи,
Как ворона, крылья свои
Обломавшая о кусты,
В воздухе описав полукруг,
С поднебесной высоты
Шлепнулся на поемный луг.

Села на коня Гулаим,
Журынтаза, точно козла,
На скаку за горло взяла
И, прижав коленом стальным
К жесткой боковине седла,
Невзирая на писк его,
Головою вниз повезла;
Невзирая на визг его,
Что хватало духу — порой
По худому брюху камчой
Журынтаза била со зла;
Да еще о стремя ее
Он поранил темя свое.
Покраснела его парша,
Воскорбела его душа,
И тогда он воззвал, стенья:

«Ох, красавица, ты сильна!
Будущая моя жена,
Сжался, останови коня,
Пери, не убивай меня,
Перестань меня истязать,
Дай мне слово тебе сказать!
Я любовью горю с тех пор,
Как тебя повстречал мой взор.

Почему от меня в тот миг
Скрыла ты свой прекрасный лик,
А теперь приходишь сама,
Снова сводишь меня с ума,
И когда я с тобой шучу,
Ты пускаешь в дело камчу?
Даже злейшая из кобыл
Жеребца до потери сил
Разве станет копытом бить?
Для чего мне убитым быть?
Не дроби ты моих костей,
Не круши головы моей
И хоть ради нашей любви
Жилы мне становой не рви!
Ты обещана мне судьбой,
Но до срока станешь вдовой.
Черным голову обмотав,
Закричав и запричитав,
У могильной моей плиты
Вымочишь слезами рукав
И потонешь в печали ты.

Ханам ты меня предпочла;
Не твори надо мною зла,
Ненароком живой души
Суженого не лиши!
Не спеши меня убивать!
На других я и не взгляну,
Буду только тебя одну,
Ласковую мою жену,
Радовать да миловать;
Девушек, влюбленных в меня,
Буду гнать, на чем свет браня;
Серых гусей,
Белых лебедей
Буду я для тебя стрелять...
Дай дожить мне до летних дней!»

С этим светом теряя связь,
Полумертвый-полуживой,
Так, о стремя колотясь
Безволосой головой,
Журынтаз молил, бормоча,
Луноликого палача;
Но не пожалела его
Гулаим, коня горяча,
Била то и дело его,
Словно захотела его
Навсегда разлучить с душой
И оставить в степи глухой
Стынувшее тело его.

Обнажив зубов жемчуга,
Девушка-батыр, как врага,
Подняла его над собой
И швырнула к ногам отца —
Получайте, мол, молодца,
Без меня начинайте той! —
И умчалась на остров свой.

С места бай Аллаяр встает.
Съехавшийся на той народ
Под руки Журына берет,
В юрту новую ведет,
Стелет под ноги ему
Белоснежную кошму:

«Честь тебе, Журын, да почет!
Лбом коснись порога, Журын!
Встань, любимец бога, Журын!»

Старый бай, утешен и рад,
Зятю преподносит халат,
Шапку из седого бобра,
Кучу золота-серебра.

Как потерянный, как слепой,
Журынтаз глядит на гостей.
Неимеющие детей,
Делят женщины меж собой,
Как святыню, тряпки его,
Кожу старой шапки его.

Щекоча обонянье, кровь —
Жирная баранья кровь —
Превращает в камень-гранат
Близлежащие солончаки;
Четырехугольные в ряд
Пышут пламенем очаги,
Сладкий чад плывет;
И пока
Варятся для бишбармака
Курдюки овечьи в котлах,
Аллаяр с козленком в руках
К молодым джигитам спешит.
Раздается топот копыт,
За джигитом летит джигит,
А поодаль стрелы, заныв,
Отделяются от тетив,
Луки с тыквою золотой
Связывая тонкой чертой.

Но не в радость Журыну той.
Нет на празднике шумном той,
Чьей безжалостной красотой,
Как стрелой,
Журын уязвлен;
Рой накопленных им обид
В сердце,
Как мошкара, кипит.
К тестю обращается он
И заносчиво говорит:

«Бай, припомни, кто я такой. Я — Журын.
Я — овчар, человек простой, я — Журын.
Для чего я прибыл на той? Подойди
Да пошире уши открой: я — Журын.

Если ты рычал, точно лев, бай-гордец,
Пыль вздымал на твердой земле жеребец.
Для чего ты меня на той пригласил,
Для чего меня отлучил от овец?

Долго ел я горькую соль в пастухах,
Задыхался в жаркой пыли, стыл в снегах.
И твоя коварная дочь, — о позор! —
Оставляет меня теперь в дураках.

Мне покинуть твой шумный той разреши,
Дай мне слезы на отчий прах лить в тиши.
Завтра лишу тебя души, лживый бай.
Шутки брось, не играй с огнем, не греш!

Только для вида говоришь: «Ты мой зять!»
Что же непутёвой твоей не видать?
Разве это свадебный той? Разве так
Следует меня уважать-ублажать?

Мне твоя Гулаим — жена или нет?
Почитает меня она или нет?
Преодо мной вертись на одном каблучке,
Угощает меня она или нет?

Ангелами я окружен. Мой оплот,
Мой покров и мой щит — пророк. Пусть придет
И постелит мне пуховик дочь твоя,
Поясницу и ноги мне разотрет!»

Как безудержный ураган,
Закружил Журынтаза гнев;

Словно недовольный султан,
Бушевал он, рассвирепев;
Не вмещаясь в коже своей,
Искры сыпля из-под бровей,
На одном из чужих коней
Он хотел ускакать в тогай,
Но упал пред Журыном бай,
Землю у него на пути
Начал бороною мести:

«Пред богом я жгучие слезы точу,
Два слова тебе я промолвить хочу:
Останься, о шейха великого сын,
Меня, старика, не гаси, как свечу!

Ты в жаркие дни — благодатный ручей,
Ты светоч во мраке холодных ночей.
О, смилуйся, милый мой зять, надо мной!
Страшит меня блеск твоих грозных очей!

Не дай мне земную покинуть юдоль, —
Прими же из рук моих чистую соль.
Я гибну! Невестку мою Бегзаду
Послать за твоею супругой позволь!»

Не покинул тоя Журын,
И благословили его
Все собравшиеся на той;
Женщины хвалили его:

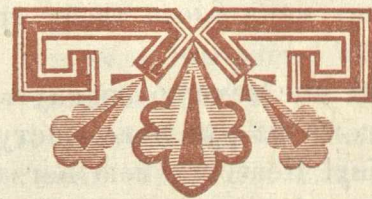
«У святого и сын святой!»

Той пошел своим чередом;
Поскакал верхом
На коне лихом
К удалым джигитам Журын,
И таким джигитом Журын

В их кругу оказался вдруг,
Что с козленком в руках весь круг
Проскакал, как никто другой,
И Журына хвалил народ:

«Ай, храбрец какой,
Удалец какой,
Он, видать, далеко пойдёт!»

Бай невестку на остров шлет,
Быстрый конь пускается в лёт,
Бьет коня камчой Бегзада,
Мчится по широким пескам,
Как сорвавшаяся звезда
По высоким небесам.

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

Птица — в небе,
Рыба — в воде,
Бай — в довольстве,
Бедняк — в беде.

Вот последний сказ,
Где
Поминается Журынтаз.

Той продолжается.
Журынтаз
Дождается Гулаим.

С невеселым сердцем на той
Следовать за Бегзадой
Собирается Гулаим.
Кони ржут,

Стремена звенят;
В пять рядов,
По восемь в ряд,
Лучшие наряды надев,
Молча строятся сорок дев.
Блещет пламенем зенит,
Солнце катится, как щит,
Степь гудит,
Земля дрожит,
Пыль бежит
Из-под копыт,
Гулаим на той спешит,
Гулаим от горя больна,
Тенью пасмурной желтизна
У нее на лице лежит.

На дорогу толпы гостей
Выбегают навстречу ей,
И, дивясь ее красоте,
Говорят, что равных ей нет.
Гулаим, излучая свет,
Как луна в ее полноте,
Тоя просит не прерывать,
Веселиться и пировать;
Сорока подругам своим
Разрешает вступить в игру.

Чтобы косам смоляным
Расплестись не дать на ветру,
Их венком вокруг головы
Заплетают сорок подруг
И бесстрашные, точно львы,
Затянув завязки кольчуг,
На конях врываются в круг.

Застилает взметенный прах
Всадника с козленком в руках.

Голубая чаша небес
Шумом полнится и звенит,
Девушкам наперерез
За джигитом летит
Джигит.
Но уже через миг один
Отступают, смутясь, назад.

Победительницы мужчин,
Обскакав одних,
Оттеснив других,
Птицами по кругу летят,
И уже козленок у них.

Остаются без наград
Молодцы из молодцов,
Удальцы из удалцов,
Храбрецы из храбрецов.

Съехавшиеся на той,
Увидев такие дела,
Говорят между собой:

«Мы, признаться, видим впервой
Девушек, дерущих козла.
Говорят, что древле жила
Девушка-батыр Айпарча
И что пал от ее меча
Посягнувший на Туркестан
Хитрый воин, калмыцкий хан,
Что воинственный вражий стан
Был потоптан ее конем.
Но, хоть сказ о ней и хорош,
Невозможно судить о том —
Правда или святая ложь,
Покидая уста певца,
Опаляет наши сердца.

Мы не видели Айпарчи,
Но когда бы она из тьмы
Нам явилась,
Тогда бы мы
Не обидели Айпарчи,
Если б ей, склонясь до земли,
Жаркие хвалы вознесли.
Не досадовала б она,
Посетив этот пышный той,
Здесь порадовала б она
Душу, сердце и разум свой,
И поглядывала б она
Звездными очами на тех
Девушек в кольчугах мужских
И, приветствуя их* успех,
Всех бы расцеловала их
И благословила, как мать,
Говоря: «Я была стройней
Тополей отчизны моей,
Я была храбрей и сильней
Всех мужей отчизны моей, —
Вы, красавицы, мне под стать!»
Так сказала бы Айпарча
И вошла бы в их дружный круг,
И топтала бы с ними луг,
Своего коня горяча.
Нам же и подавно, друзья,
Их не благословить нельзя.
Шлем благословение вам,
Нашим сорока дочерям!
И да будет судьбы посев
Урожаем таким богат,
Чтобы слава из града в град
Шла и пела батыров-дев.
Да сопутствует счастье вам,
Сорок сильных не львиц, а львов:
Не давайте нашим врагам

Жечь огнем наш родимый кров.
Защищать нас —
Вашим клинкам
Поручаем,
Сорок бойцов!»

Так своих дочерей народ
Похвалил и благословил.

Сладок сердцам девичьим был
Слов золотых пчелиный мед.

Благодарные —
С коней
Наземь девушки сошли,
Поклонились до земли
Дорогой отчизне своей.

Новая игра началась.
Девушки опять на конях,
Сорок пар горящих глаз
Блещут связкой черных бус,
Сорок молний-всадниц враз
Привстают на стременах:
Вот —
Взовьются в высоту!
Нет,
Бросаются вперед,
Джигитуя на лету,
Делят на две толпы народ.
А за ними летит джигит,
Вороного коня горячит.
А за этим —
Другой на гнедом,
А потом —
Табуном,

А потом
Только пыль оседает кругом...
Не догнать
Соколиную рать,
И добычи ее —
Не отнять.

Девушки погнали коней
И добились многих наград,
Потому что были сильней
И смелей джигитов тех дней,
Как предания говорят.

Так весь день в забавах прошел,
И покинуло в должный срок
Солнце свой небесный престол,
И подул степной ветерок,
И опять разгорелся той,
Пир веселый пошел горой,
И кобыза протяжный стон
Зазвучал вечерней порой,
И запел сказитель седой
О батырах былых времен,
И раздался дутара звон,
И запел певец молодой
О страданиях соловья
И о том, как, слезы лия,
Сто ночей
Над розой своей
Кровью исходил соловей.

Установлен был в тойхане
Источающий свет алмаз,
В девять раз по величине
Превосходивший конский глаз.
Всех небесных ночных светил

Этот камень светлее был,
Он казался то голубым,
То пурпурным,
То золотым,
То зеленым, словно трава,
То янтарным, словно айва.

Но красавица Гулаим,
Восседавшая перед ним,
Затмевала этот алмаз,
Потому что ярче была
Красота ее в девять раз.
И звучал дутар, и текла
Ручейком живого стекла
Песня из вдохновенных уст:
Роза спор с соловьем вела,
Соловья пронзала стрела,
И смежал соловей крыла,
И качался розовый куст...
И певец, как чародей,
Заставлял притихших гостей
Плакать, как его соловей,
И покачиваться слегка,
Словно госпожа цветника.

В сладостной купаясь тоске,
Не видал никто из гостей,
Как безухий Сайеке,
Байский сын из числа других
Вертопрахов городских,
Незабытой страстью томим,
Устремил свой бесстыдный взор
На красавицу Гулаим,
Встал, подкрался к ней, точно вор,
Яд соблазна лить, трепеща,
Начал из-за ее плеча,
Тихо на ухо ей шепча:

«Не гневайся! Я со слезницей пришел
К тебе, красоты величавый престол.
Ненужный булыжник — не легче горы,
Но был ли когда-нибудь нужный тяжел?»

Внемли мне! Я нужен тебе, Гулаим,
Нет, больше чем нужен: я необходим,
И если сегодня меня оттолкнешь,
Я завтра заплачу над прахом твоим!

Была ты мечом, устрашавшим врага,
Была ты кипучей водой родника,
Себя, вожака, и своих лебедей
Хранила от зоркого ока стрелка.

Была ты сильна и грозна, — и одна
Ста львам аравийским отвагой равна;
Никто до тебя дотянуться не мог,
А ныне упала на землю луна!

Могла бы ты реки назад повернуть,
Означить меж нами и внуками путь,
Грозящему отчим пределам копьё
Подставить железом одетую грудь.

Красавцы и ханы ни с чем от тебя,
Душою сгорев, уходили, скорбя,
И гибли батыры во имя твое,
Друг друга мечами наотмашь рубя.

Кто жизни твоей заливает костер,
Над счастьем твоим подымает топор?
Отец бессердечный покорную дочь
Толкает на смерть, нелюбовь и позор!

Завяли цветы благодатных долин, —
Где пышная роза, где скромный твой крин?

Пойди за меня! Для чего тебе твой
Плешивый, паршивый, червивый Журин?

Пастух чернорукий, бродяга босой
Небесной твоей завладеет красой.
Пока ты на ложе его не легла,
Не лучше ль тебе удавиться косою?

Он ждет, он томится, он в юрте лежит,
Он кличет тебя и от страсти дрожит...
Зарежься холодным и скользким ножом,
Не бойся! Вот нож! Ты умрешь, как шахид.

О нет, я спасу тебя! В ад попаду —
Твою красоту восхваляю и в аду.
А если не хочешь меня, я других
Достойных джигитов к тебе приведу.

Ты — яркая роза меж диких гвоздик,
Луна меж туманных созвездий — твой лик.
Я — пленник. Я — раб. Я — во власти твоей,
Немеем язык мой от слез!..»

Сайеке безухий в слезах
Выбежал из тойханы.
Были своды небес черны.
Смутно червленел в небесах
Окровавленный серп луны.
К юрте Журинтаза впотьмах
Крался, как шакал, Сайеке,
И ночные звуки его
Повергали в великий страх;
Тяжело дышал Сайеке,
Взяли ноги его в песке,
И немели руки его;
И провел Сайеке, дрожа,
Ногтем по острию ножа,

Рукою зажал в кулаке
И неслышно дверь отворил.

Семь алмазов, как семь светил,
Озаряли юрту, лучась,
И на кошмах то здесь, то там
Золотая сверкала вязь,
Свет бежал по мягким коврам,
По серебряным зеркалам,
По сверкающим пиалам,
Чашам, полным спелых плодов,
Изумрудов и жемчугов.

Сайеке с ножом в руках
Над Журыном спящим стоял.

На пяти пуховиках
Спал пастух.
Его прикрывал
Рдяный шелк пяти покрывал.
Пять подушек пуховых
Под голову подмостив,
Меду из пяти дорогих
Золотых кувшинов испив,
Руки врозь раскинув,
Журын
Крепко спал.

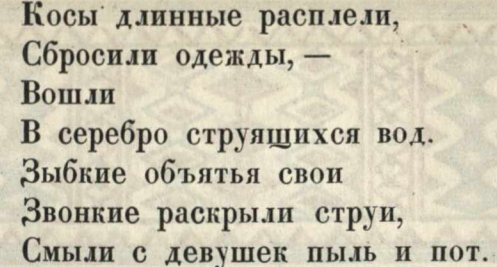
Сайеке шагнул
И, шагнув,
Ногою толкнул
Золотой кувшин;
И кувшин
С грохотом упал;
И Журын,
Сбросив покрывала,

Вскочил
И увидел нож;
И рукой
Сердца не прикрыв,
Роковой
Под сосок
Удар получил;
И безухого палача
Кровью, бьющей, словно камча,
Обагрил с головы до ног,
От плеча и до плеча,
И подмял врага под себя,
И, за горло взяв, задушил;
Встал, шатаясь,
Пошел, хрипя,
И упал.
И веки смежил.
И, любви не вкусив, угас
Мученик-хитрец Журынтаз.

Достославный Аллаяр,
Ханам равный Аллаяр,
Обобравший родимый край
Аллаяр, над баями бай,
Повелел построить мазар,
Чтоб сошел в него на покой
Ныне — шейх, доныне — овчар:
«Спи, мол, с миром, сын дорогой!»
В саван повелел завернуть
Этот жалкий маленький труп,
И в усы себе чуть-чуть
Улыбнулся углами губ.
Возвратясь домой с похорон,
Старый бай, умиrotворен,
Одарив, отпустил гостей,
Гулаим призвал и, призвав,
Молвил так, обращаясь к ней:

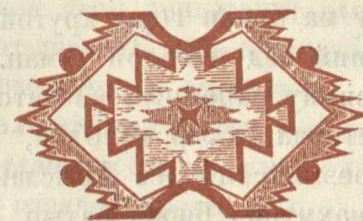
«Разве не был отец твой прав,
Кроткий твой восхваляя нрав?
О добросердечная дочь!
Ты мне поспешила помочь.
Душу выкупила мою.
Мы еще с тобой, Гулаим,
Много-много меда съедим,
А когда умрем, поглядим:
Каково нам будет в раю?
Пусть же о твоей доброте,
Кротости и красоте
Будет слух разнесен людьми
По великой нашей стране.
Гулаим, подойди ко мне
И благословенье прими!
Ну же, Гулаим, подойди!»

И была Гулаим бледна
И грустна,
И сердцем темна,
И, хотя у нее в груди
Бились, точно волны, слова, —
Затворила уста она
И, благословенье приняв,
Баю, гибкая, как трава,
Поклонилась в ноги сперва;
В пояс — братьям шестерым;
Крепко мать обняв,
Гулаим
На коня вскочила потом;
И на остров Миуели
Следом за своим вожаком
Сорок девушек потекли.
Поистерли потники,
Перегнали через пески
Взятый ими в награду скот;
Возвратясь на Миуели,

Косы длинные расплели,
Сбросили одежды, —
Вошли
В серебро струящихся вод.
Зыбкие объятья свои
Звонкие раскрыли струи,
Смыли с девушек пыль и пот.

День прошел, и настал другой.
Без различия весь народ
Девушки созвали на той.
И увидев, какой почет
Гулаим равно воздаст
Богачам и людям простым,
Полюбил народ Гулаим
И на подвиг благословил.
И, признаньем окрылена,
В эти мирные дни она
Преисполнилась новых сил.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Эй, друзья, послушайте нас:
Начинается новый сказ.

Лег на брови горы крутой
Синий лед и седой туман.
В спину раненный клеветой,
Застонал батыр молодой,
Хорезмийский лев Арыслан,
И нахмурил брови батыр,
Как зимой крутая гора.
Говорят, пришла в этот мир
Вслед за Арысланом — сестра,
И сосали одни сосцы
В дни младенчества близнецы;
Детства золотая пора
Тесной дружбой связала их,
Юность резвая сопрягла
Воедино, как два крыла;

Вот и стали родней родных
Друг для друга сестра и брат,
И была их дружба чиста,
И цвела ее красота
Розой, украшающей сад;
Лжи не знали ее уста,
Не был сердцу ее знаком
И джигитам не чуждый страх,
Даром, что встречаться с врагом
Доводилось и ей в степях.
Брату своему — близнецу —
Младшим братом она была,
И под стать ему, храбрецу,
Сердцем беззаветно смела,
Разъезжала она порой
С ним конь о конь из края в край,
И гордился батыр сестрой.
А звалась она — Алтынай.

В те далекие времена
Шах Надир Хорезмом владел;
Под его пятой племена
Кляли свой печальный удел.
Этот шах Надир, душегуб,
Кровопийца и казnelюб,
Гнал стадами перед собой
Подданных своих на убой,
Но горячей крови река
Жажды этого мясника
Не могла утолить, пока
Не пришел и ему конец
И его золотой венец
Под мечом не разбился в прах.
С виду мерзок был Надир-шах:
Нос крючком,
Борода торчком,
Шея — в угрях,

Щеки в буграх,
Жабьи веки,
Волчьи усы,
Сердце гада,
Язык лисы,
Тело — ржавая кочерга
У холодного очага,
Сиплый голос,
Нетвердый шаг...
Где еще был подобный шах?

Шах влюблен, и горит в огне,
И дрожит, как лист на ветру,
И зовет Алтынай во сне,
И встает в слезах поутру:
Нет пути к Золотой Луне, —
Арыслан стережет сестру.

Дни проходят, минует год,
Венценосный чахнет урод, —
Истязует родной народ,
Кровь людскую бадьями пьет;
Но бесчисленных казней вид
Надир-шаха не веселит,
И от зрелища смертных мук
Не проходит его недуг;
Тьма стоит в глазах.
Звон в ушах,
Пот течет у него со лба...
И лукавого Надир-шах
Призывает к себе раба
И стенает, словно сова,
Говоря такие слова:

«О лукавый раб Кулымсай!
Руку помощи мне подай!
Чаша скорби моей полна.»

Страстного желанья волна
Хлещет яростно через край, —
И меня захлестнет она!
Кулымсай!
Подари мне рай!
Приведи, Кулымсай, ко мне
Благородную Алтынай,
А не то я сгорю в огне.
Выслушай меня и ступай
Во дворец, где она живет.
Створы северных ворот
Приотворятся пред тобой, —
Двор пересеки,
В золотой
Арысланов чертог войди.
Припади к батыру с мольбой,
Бей себя сильнее по груди;
Как надумаешь — поступай,
Но сестру его приведи.
Если приведешь Алтынай —
Возвеличу, озолочу,
А ни с чем придешь — не пеняй:
Тотчас же предам палачу!»

Выполняя шахский наказ,
Перед завтраком в ранний час
На коня вскочил Кулымсай
И через пески напрямик
Поскакал,
И пред ним в обед,
Как плечистый горный хребет,
Арысланов дворец возник.

Чуть приметная, вдалеке
Заклубилась пыль, как туман:
Это с соколом на руке
Мчался ко дворцу Арыслан,

Рядом с Арысланом —
Сестра
В шапке из седого бобра.

На охоте в горах побыв,
Много дичи в горах добыв,
Ехали домой близнецы,
И своих молодых господ
Слуги
Встретили у ворот,
Увели коней под уздцы,
Дичь богатую унесли.

Тут сошел с коня Кулымсай,
Поклонился раб до земли
Арыслану и Алтынай
И промолвил, слезы лия:

«Мир ханым и батыру честь!
Прибыл с вестью и плачу я,
Ибо это черная весть!»

И доверчивый Арыслан
Ввел раба в покои свои;
Тот, согнув извилистый стан,
Сжался до размеров змеи,
Проскользнул в золотой чертог,
И, вивясь, как мутный поток,
С языка его яд потек.

«О батыр! — сказал Кулымсай. —
Ты еще молодой джигит,
Но спокоен родимый край:
Мощь руки твоей от обид
Величавый Хорезм хранит.

Кто ревнитель народных прав?
Кто, коварных врагов поправ,
Возвеличил друзей своих?
Кто мудрее мужей седых?
Кто превыше высоких гор,
Сердцем чище горных озер,
Тигра яростней,
Льва сильней,
Лугового цветка скромней?
Арыслан, джигит молодой,
Нашей славы щит золотой!

Если я из лука стрелок,
Ты, батыр, — мой правый зрачок.
Погляди на меня, джигит:
Я сочувствием занемог,
Сожаленье меня томит.
День твой меркнет, —
Вьюга шумит,
Снег, застлавший твой путь, глубок,
Твой верблюд устал, мой джигит,
И в глубоком снегу залег.
Сердцем ты широк, мой батыр,
Тесен для тебя этот мир.

Пробудись!
Твой высокий лоб
Всенародной молвой черним.
Ты недавно ездил в Саркоп
За красавицей Гулаим.
Ускакал ты сам-конь от нас
И сам-конь вернулся назад.
Что же, о сокровище глаз,
Люди про тебя говорят?
Люди говорят:
«Арыслан
Затекает хитрый обман.

Он — кровосмеситель, —
И в ад
Арыслана ввергнет шайтан.
Этот грешник в сестру влюблен.
Во дворце скрывается он.

Для чего Гулаим ему,
Если есть Алтынай в дому?
С братом —
И сестра и жена —
Разделяет ложе она!»

Эта черная клевета
Переходит из уст в уста;
И засело в сердце моем
Ядовитое острие,
И заржал мой конь под седлом,
И гляжу я в лицо твое,
Плачу и говорю с тобой,
Уязвленный злобой людской.

О, неблагодарный народ,
Лживый и коварный народ!
Ты ему — покров и оплот,
И тебя он чернит!
О, стыд!
Жаль мне, жаль мне тебя, джигит!
Чем подобный терпеть позор,
Чем такое принять клеймо,
Лучше кануть в степной простор,
Лучше сбросить, точно ярмо,
Бремя жизни с могучих плеч,
Вдалеке от людей на меч
Оскорбленным сердцем налечь!»

Так — змеей
Шипел Кулымсай,

Брызжа ядовитой слюной,
И зиял его смрадный рот,
Точно вход в караван-сарай,
Где нашли палачи
Приют
И удавку в ночи
Плетут.

Над батыром
Свое крыло
Распростерла гневная ночь.
Раб лукавый, посеяв зло,
Замолчал и убрался прочь.
Помрачнел Арыслан-батыр,
Пожелтел, как шафран, батыр;
Гневом и тоской обуян,
Страстно зарыдал Арыслан;
Не вмещаясь в теле своем,
Заколоться хотел копьем.
Удавиться хотел тугой
Втрое скрученной тетивой,
Но свою железную плоть
Не посмел с душой разлучить —
Ни себя копьем заколоть,
Ни себя струной задушить.
О, как тяжело было ему!
Он упал ничком на кошму
И забился, точно дитя,
Кулаками в пол колотя:

«Помогите мне, праотцы! Горько мне!
Привязалась нежданная хворь ко мне!
По родной стороне клевета прошла,
Вот и гибну я не по своей вине.

Зря батыром я был, зря на свете жил,
Зря соотчикам крепким клинком служил.

Из берцовых костей моих выпит мозг,
Кровь гадюкой повысосана из жил.

Если я из-за родины слезы лью —
Где мне скрыться? где сгинуть? в каком краю?
Как покинуть мне на произвол судьбы
Алтынай-голубицу — сестру мою?

Чем, заступники, я прогневил народ?
Разве не для народа в голодный год
Я выслеживал зверя в седых горах,
Бил на озере селезней сизых в лёт?

Вот я матерью-родиной загнан в сеть:
Полумертвому, дайте мне умереть!
Мне напраслина вычернила лицо.
Как народу в глаза мне теперь смотреть?

Наложите вы мне на уста печать,
Ибо я возроптал на родную мать!
Может быть, не народ, а враги его
У меня вознамерились жизнь отнять?

Но что если и впрямь за пчелиный мед
Ядовитое варево счел народ?
Я в безлюдной пустыне умру, и пусть
Алчный ворон лицо мое исключет!»

От жестоких душевных ран
Тяжело страдал Арыслан.
День прошел,
И настал другой, —
Не был вожденный покой
Арыслану предками дан.
Все еще батыр на кошме
Бился, точно пленник в тюрьме.

В это время его сестра,
Увидав, что уже пора
Ехать в горы,
Чтоб диких коз
На приволье стрелять с седла,
Причесалась,
Подобрала
Под бобровый свой малахай
Узел черноструистых кос,
И пошла из конца в конец
Через весь дворец
Алтынай
И, в покой брата войдя,
Видит:
Черной тучи мрачней
Арыслан лежит перед ней;
Слезы у него из очей
Брызжут изобильней дождя.

С голубиным стоном из рук
Алтынай роняет свой лук,
Шелковым своим рукавом
Льющиеся бурным ручьем
Осушает слезы его,
Кротко вопрошает его:

«О брат мой, что с тобою? ты слезы льешь,
С постели встать не хочешь, не ешь, не пьешь...
Душа моя, скажи мне: какую весть
Принес тот раб лукавый? Какую ложь?»

А может быть, скончался твой близкий друг?
Иль недруги Хорезма воспряли вдруг?
Иль высвободить силой не можешь ты
Из крепких пут коварства затекших рук?

Иль сам ты смерть накликал, и Азраил
Пришел? Я слышу стрекот могучих крыл.
Ты черный плат накинул сам на себя,
Свою живую рану разбереди!

Ты был в скитаньях вечных не одинок,
И я дышала пылью твоих дорог.
Скажи: ты спал, быть может, и лишь во сне
Тебе грозил бедою превратный рок?

Хотя бы горе было гора-горой,
Так долго слез не точит батыр прямой.
Поведай мне, мой сокол, свою печаль,
Измученное сердце сестре открой!»

И, услышав речи сестры,
На бессонном ложе батыр,
Наконец, рыдать перестал;
Обнял, бедный, плечи сестры,
С силами собрался и встал,
Встал в смятенье...
Что же батыр
Мог в ответ Алтынай сказать?
Столь была ее красота
Целомудренна и чиста,
Столь черна была клевета,
Что легла ему на уста
Тяжкого молчанья печать.

Грузно, как стреноженный конь,
Пол в сердцах Арыслан топтал;
Прижимая ко лбу ладонь,
Разум свой, как палач, пытал,
Сам с собою боролся он,
Передумал он много дум,

Душу сам себе истерзал,
Застонал —
И был этот стон
Как ненастного моря шум, —
Застонал батыр и сказал:

«Милая сестрица моя,
Друг мой, голубица моя,
Алтынай моя, Алтынай!
Лучше не утешай меня,
Сердца ты моего не тронь:
Искру мне заронили в грудь,
Разгорелся лютый огонь,
Не залить слезами огня,
Словом ласковым не задуть!
На меня возведен поклеп.
Сажай перепачкан мой лоб.
Мой народ не хочет меня
Даже за человека счесть,
Мой народ порочит меня,
Топчет славу мою и честь,
Ни забот моих, ни щедрот
Больше не желает народ.
Как я буду ему служить?
Как я буду в Хорезме жить?»

День разлуки настал.
Прощай!
Слез не лей,
Не скучай по мне!
Я покину родимый край,
На чужой умру стороне...»

Тут разумница Алтынай
Арыслану сказала так:

«Что же общего может быть
Меж народом и клеветой?
Верно, враг народа и твой
Захотел тебя погубить.
Кто тебе и народу враг?
Надир-шах, этот злой дурак!
Он один во всем виноват!
Кто тебе, о мой бедный брат,
Кто, когда не его гонец,
Ложный слух принес во дворец?»

Укроти свой неправый гнев!
Если же, кольчугу надев,
Утвердив ступни в стремях,
В полдень ты уедешь отсель —
Вепрем на беззащитный эль
В полночь налетит Надир-шах,
И размечут его клыки
Город обесславленный твой,
И в цепях пойдут на убой
Через пламенные пески
Жертвы злобы его слепой...
Ты же, слывший батыром здесь,
В град из града, из веси в весь
Тяжкую суму повлечешь,
И бродягой чужой народ
Брата моего назовет.
Иль не этого, сея ложь,
Добивается Надир-шах?»

Почему ты молчишь в ответ?
Неужели в моих речах
Правоты и крупичицы нет?
Брат мой милый!
Не уезжай,
Даже если я не права...»

Молвила такие слова
И расплакалась Алтынай,
И задумался Арыслан.

Как весною горный туман,
Испарилась его печаль
И погас его ярый гнев;
И глаза его, просветлев,
Засветились, точно хрусталь;
И покинуть родной предел
Арыслан уже не хотел.

Близнецы, отдохнув от слез,
Мчатся вскачь на гнедых конях,
Чтоб охотой на диких коз
Тешить сердце в глухих горах.

А лукавый раб Кулымсай
Из оврага на них глядит;
В этом обиталище жаб
Он и сам как жаба сидит.

Проклинает лукавый раб
В горы едущих близнецов:
Был, оказывается, слаб
Яд его предательских слов.

С искаженным злобой лицом
Из оврага на вороном
Вылетает лукавый раб.
Грудь коню камчой, как мечом,
Рассекает лукавый раб,
И под цокот конских копыт
Говорит:

«Поспешай, мой конь, поспешай!
Жив,

Жив,
Жив еще Арыслан,
Не в плену еще Алтынай.

Как бы мне ему зрачки
Острым шилом проколоть,
Острой бритвой на клочки
Раскромсать живую плоть,
Жерновами позвонки,
Как пшеницу, размолоть?

Погоди, Арыслан-батыр,
Я, брат, медлить не люблю,
Я старуху Мастан-Кемпир
На тебя еще натравлю!
Поглядит старуха на лед —
Твердый лед, как смола, плышет,
Поглядит
На камень-гранит —
Вместо камня пыль встает;
Пламя из ее очага
Прямо в юрту ее врага
По земле, как вода, течет;
Стоит заговор ей сказать —
Реки обращаются вспять;
Чуть она ходить устает —
Глядь,
Отколь ни возьмись — дракон,
На него старуха — верхом,
А дракон как дохнет огнем,
Как взовьется под небосклон!..

Я старуху с собой возьму,
Мы тебя разыщем, батыр,
И конец житью твоему,
А старухе — кровавый пир!

К шаху приведу во дворец
Белотелую Алтынай,
И свободе ее — конец,
А Надиру — желанный рай!
Берегись, джигит Арыслан!»

И лукавый раб Кулымсай
Прискакал в безыменный стан;
И вошел, соскочив с седла,
В юрту черную, где жила
Чародейка Мастан-Кемпир,
Евшая человеческий жир,
Пившая человеческую кровь
Из еще трепещущих жил.

Кулымсай старухе в карман
Девять золотых положил,
И старуха вскинула бровь,
Беловатое, как яйцо,
Обратила к нему лицо,
Приоткрыла свой злобный рот —
Свой могилоподобный рот,
Зашипела, словно змея,
И с шипеньем сказала так:

«Твой шах —
Мой шах,
Твой враг —
Мой враг.
Я
Нож,
Яд,
Смерть!
Тлен,
Прах —
Мой знак!
Душегубительница я!»

По степи, от страха чуть жив,
Мчится в горы лукавый раб,
Мчится, за седло — на круп —
Чародейку посадив;
И змеей старуха-редиф
Хлещет вороного коня,
В горы, в горы его гоня,
Где охотится Арыслан
Со своей сестрой-близнецом, —
В горы, светлым полукольцом
Канувшие в сизый туман...

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Эй, друзья, послушайте нас!
Мы запомнили ваш наказ:

Мол, играй, певец, не плошай!
Звезд не перечеть в небесах,
Слов не сосчитать на устах.
Воспевая родимый край,
Выбирай
Слова-жемчуга
И врага
На слова-рога,
Точно буйный тур, подымай.

Благородная Алтынай
Истинно красива была:
И лицом светла,
И стройна,

Да еще на диво была,
Даже рядом с братом, сильна.

Горного завидев козла,
Жарко вспыхнет она
И так
Свой, бывало, натянет лук,
Что под ней лихой аргатак
На колени падает вдруг.

Было так и на этот раз.
Ниже цели стрела пошла —
Не промеж рогами впилась,
А в бедре торчит у козла.

Брат сестре говорит, смеясь:

«Ты — во тьме горящая моя свеча,
Ты — животворящая вода ключа,
Радость моя, голос мой, сердце мое,
Мощь моя, дробящая гранит плеча!

Говорят — сестра ты мне. Вздор говорят!
Ты — батыр, товарищ мой, младший мой брат,
Правое и левое мое крыло,
Пандырь ты мой блещущий, грозный булат!

Очи твои зоркие моих острей,
Стрелы твои звонкие моих быстрей.
Подари мне первую за этот день
Жертву круторогую руки твоей!»

Алтынай была смущена
Этой просьбой и похвалой, —
Вспыхнул лик ее золотой,
И свою добычу она
Арыслану преподнесла.

Приторочил батыр козла
Позади своего седла,
И взыграла его душа,
И возрадовался Арыслан,
И погнал, веселясь, коня,
И по следу его спеша,
Полетела сестра, клоня
Свой смущенный счастливый взор,
И великий горный простор,
Мнилось, точно сестра и брат,
Чистой радостью был объят.

А когда звездистым платком
Затянула ночь окоем,
Брат с сестрой на гребне горы
Белые воздвигли шатры.

Арыслан в небесную мглу,
Боевую метнул стрелу,
Чтобы в ужас поверг врагов
Тетивы рокочущий рев.
Отзвук пробежал по горам,
Все затихло,
Костер погас,
И охотники в поздний час
Разошлись по своим шатрам.

Снится страшный сон Алтынай:
Клевет беркут.
Вьется дракон,
Жалит скорпион Алтынай...
Обрывается страшный сон.

Тишина немая кругом,
На земле и покой и мир,

В белоснежном шатре своем
Спит еще Арыслан-батыр.
Кони дремлют.
Брезжит заря,
Золотом туманным горя;
Вспыхивает розой восток,
Оглашается дикий край
Первым щебетом птичьих стай,
Всходит солнце.

Слезный комок
Бьется в горле у Алтынай,
И бурнобегущий поток
Брызжет у нее из очей.

На постели жесткой своей
Вскакивает в страхе джигит,
Вопль в ушах у него стоит,
Волосы его холодок
Ворошит...
К сестре, сам не свой,
Выбегает он из шатра:

«Что с тобой?
Скажи, что с тобой!
Отчего ты плачешь, сестра?
Что смутило твой сладкий сон?
Бьешься, черный камень обняв,
Сотрясает горы твой стон,
Мокр от слез твой алый рукав,
Лоб твой бледен,
Холодный пот
Проступает росой на нем...
Аль тебя лихорадка бьет?
Аль душа пылает огнем?
Хоть словцо пророни одно,
Сердца моего не терзай:

Словно жаром — земля, оно
Состраданьем опалено!»

Пуше прежнего Алтынай
Зарыдала в ответ.
Рассвет
Залил землю, и день взошел
На сверкающий свой престол,
В золотую броню одет.

Арыслан, того и гляди,
Плакать горько и сам начнет,
Сердце у батыра в груди
Ранами покрылось...
Но вот
Алтынай такие слова
Молвит — ни жива ни мертва:

«Высокий утес перед нами стоит,
Бездонная падь под ногами лежит.
Грядущее копит несчастья для нас,
И нет нам спасенья от бед и обид.

Недобрый сегодня я видела сон;
Встревожен мой разум и дух потрясен.
Мне снилось, что враг тебе спину сломал,
Твой город пожрал многоглавый дракон.

Мне снилась река... И была широка,
И тучные нивы поила река,
Твой враг у истоков ее запрудил,
И кровь обагрила ее берега.

И солнце играло на вражьих клинках,
И беркут терзал мертвечину в песках,
И ринулись кони арабские в степь
С чужими таврами на потных боках.

Мне снилось, что конь твой до самых копыт
Тяжелою черною тканью покрыт,
Что в сердце ты ранен и в черном лежишь,
И дымный костер между нами горит.

И сердце мне страх иссосал, как змея,
И плачу слезами кровавыми я.
О брат мой, причину тревоги моей
Поведала я, ничего не тая...»

Свет у Арыслана в глазах
Потемнел при этих словах,
Будто вспыхнул жарким огнем
Саксауловый уголь в нем,
Будто все его существо
Пронизало множество стрел;
Но волнения своего
Обнаружить он не хотел.
Молвил тихим голосом он,
Успокаивая сестру:

«Ночь прошла —
И растаял сон,
Что о нем судить поутру?
Сон — помет лисы, говорят.
В поздние часы, говорят.
И пустые мы видим сны;
Нас они смущать не должны.
О голубка моя, сестра!
Ничего, помимо добра,
Нам твой странный сон не сулит.
Если черным был конь покрыт,
Значит — ярко сверкнут в ночи
Огнеблещущие мечи;
Если враг меня ранил вдруг,

Значит — есть у нас верный друг;
Если я лежал на земле,
Значит — я усажу в седле;
Если эль мой пожрал дракон,
Значит — будет мой эль спасен,
Значит — некий батыр придет,
Чтобы осчастливить народ;
Если жаркий пылал костер,
Если дым застилал твой взор,
Значит — жди желанных гостей:
Стаей серокрылых гусей
Многочисленная родня
Соберется вокруг меня,
И начнется веселый той,
Процветет Хорезм золотой.
Мирные придут времена,
Дружба — как со звеном звено —
Разобщенные племена
Крепко соединит в одно.
Вот что твой предвещает сон,
Если только сбудется он».

Брату говорит Алтынай:

«Арыслан, утешитель мой,
Умоляю тебя, —
Давай
Поскорей вернемся домой!
Отчий кров, говорит народ,
Лучшее укрытье в буран.
Складывай шатры —
И вперед!
Нам беда грозит, Арыслан!
Возвращусь домой —
Поклонюсь
Нашей матери дорогой,
В ноги поклонюсь,

Поделюсь
Нестерпимой своей тоской!»

К седлам приторочена кладь,
Щебень сыплется с горы;
Закусили удила
Кони брата и сестры:
И пернатая стрела
Не могла бы их догнать.

В полдень ворвались в тогай
Арыслан и Алтынай.
Расступается трава,
Мчатся в ряд
Сестра и брат.
Впереди на дороге два
Тигра-близнеца стоят.
Арыслан увидел двух
Тигров этих впереди,
Прадедов охотничий дух
У батыра взыграл в груди.
Дыбом встали брови его.
Голос красной крови его
Жертвы требовал,
И стрела
Мигом на тетиву легла;
Сиясь вырваться из рук,
Сам собою согнулся лук;
Арыслан, прищутив глаз,
Вдоль стрелы поглядел другим:
Левым боком к нему как раз
Ближний тигр стоял перед ним.

К брату кинулась Алтынай:

«Погоди, батыр, не стреляй,
Дай мне слово тебе сказать.

Бури зимние зашумят,
Хлопья белые полетят,
Вместе будем слезы лить,
Лето красное призывать.

Не зимою, а по весне
Я горячие слезы лью.
Пожалей меня, брат,
И мне
Подари добычу свою!
Тигров этих не убивай,
Не простые тигры они:
Что им стоит уйти в тогай
И в зеленой скрыться тени?
Но стоят они пред тобой
И глядят на тебя с мольбой,
Видно — благородство твое
Тиграм хочется испытать,
Видно — первородство свое
Тиграм хочется показать.
Приглядишь: пред тобой стоят
Шахи зарослей вековых...
Подари, подари мне, брат,
Горделивые души их!
Ты на когти их посмотри:
Каждый коготь длинен и прям,
Каждый коготь — что буква лам,
Каждый коготь, как из кремня!
Погляди на владык лесных:
Даже ты не сильнее их...

Арыслан, послушай меня,
Пошади их.
Когда-нибудь
Нам оплатят они добром.
Отпусти же свой лук —
И в путь!

А убьешь их —
И мы умрем
Им подобно,
В глухих местах...
То ли желтым сухим листом,
То ли жгучим степным песком
Смерть оденет наш тленный прах.
Судьбы наши — в твоих руках!»

«Думал я, ты мне — брат меньшей, —
Осердясь, Арыслан сказал, —
Ан ошибся я, Алтынай!
Отойди, сестра, не мешай!»

И стрелу за мухой-душой
Прямо в сердце тигру послал.

Рокот тетивы, словно гром,
Степь и горы потряс кругом.
Кровь зардела, что камень-лал,
И, как тополь под топором,
Пошатнулся тигр и упал.
А второй пережить не мог
Друга своего ни на час.
Проливая слезы из глаз,
Подошел к батыру
И лег
Этот тигр-сирота у ног
Арысланова коня:
Мол, убей, батыр, и меня!

Алтынай свой кожаный щит
Подымает над головой;
Под ее перстнями гудит,
Словно бубен, щит боевой;
Тигру девушка кричит:

«Он тебя сейчас убьет,
Уходи скорей!»

А тот
Не уходит, смерти ждет,
Смерти ждет и слезы льет
На зеленую траву.

Арыслан стрелу кладет
На тугую тетиву;
Подается в седле вперед,
Упирается в стремяна
И натягивает лук.

Алтынай, как снег, бледна,
Двинуться не может она,
Слышит, словно сквозь тяжкий сон,
Сердца собственного стук,
Тетивы протяжный стон.

Прянула со свистом стрела,
Прямо в сердце тигру вошла.

Алтынай поникла без сил
На луку своего седла
И сказала так:

«Арыслан,
Злое дело ты совершил.
Сам себе ты враг, Арыслан.
Тигры нам не желали зла,
О, зачем ты их застрелил!
Зло другое зло приведет:
Эль твой покорит Надир-шах;
Под его железной пятой
Рухнет город высокий твой,
Кровь заплещет на пустырях.

Твой осиротевший народ
По вине твоей не уйдет
Ни от жабьих его очей,
Ни от злых его палачей,
Ни от их тяжелых секир.
Вот чем грех твой чреват, батыр!»

И при этих горьких речах
Смута на батыра нашла,
Он почувствовал на плечах
Непосильное бремя зла.
Холод в сердце его проник,
Немота сковала язык,
День померк во взоре его,
Будто он в теснине меж скал
Поздней осенью заплутал;
Гор превыше горе его
Обступило со всех сторон.
Закручинился Арыслан.

В это время и вспомнил он
Про волшебный свой талисман.

Как-то раз
Большой алмаз,
Семицветный гаухар —
Порожденье родной земли —
Своему защитнику в дар
Хорезмийцы преподнесли.
Арыслана хранил от ран
Драгоценный этот кристалл;
В руки брал его Арыслан —
Гаухар блистал и сверкал:
Маленькое солнце в нем
Загоралось ярким огнем.
Словно сквозь оконце, в нем
Было видно все кругом:

И озерный гусь в камышах,
И пугливый зверь в горах,
И коварный враг в песках.

Вспомнил про талисман батыр,
Сунул руку в карман батыр,
Вывернул наружу карман —
Пуст карман.
Пропал талисман.
Потерял его Арыслан.

У батыра пот со лба
Хлынул, точно водопад,
И, ни слова не сказав,
Повернул он коня назад.

Арыслана мчит стремглав
Быстроногий аргамак.
Длинной лентой вьется тропа,
То глубокий мелькнет овраг,
То высокий мелькнет курган.
В горы скачет Арыслан,
Будто гонит его судьба.

За батыром, словно тень,
Мчится девушка-джигит;
Сердце девушки точит страх,
Встречный ветер в ушах свистит.

И уходит из мира прочь
Этот многотревожный день;
Колдовская темная ночь
Близнецов застает в горах:

Вдалеке завыл и умолк
Одинокий скиталец волк.
В небесах за вестью весть
Шлет звезда другой звезде.

Гаухар, завернутый в шелк,
Верно — здесь, в траве. Но где?
Где бесценный кристалл?
Бог весть.

И на ощупь, словно слепцы,
Ищут гаухар близнецы.

Гаухара нет.
Арыслан
Говорит сестре своей:

«Милая моя Алтынай!
Утро вечера мудреней.
Понапрасну сил не теряй,
Встань с колен.
Стреножим коней
И опять на гребне горы
Белые поставим шатры,
Высечем огонь, как вчера,
Как вчера, с тобою вдвоем
Разведем костер на горе,
Испечем кебаб на костре,
Поедим, отдохнем, поспим...
Никого за семь верст кругом,
Что тревожиться зря, сестра?
Кто за камнем придет моим
В этот дикий безлюдный край?
Заночуем здесь, Алтынай.
Безмятежно в шатре своем
Ты забудешься мирным сном,
Встанем с первым дневным лучом
И в траве гаухар найдем,
А потом знакомым путем
Полетим с тобой во дворец, —
И тревогам твоим конец».

На крутой горе, в тишине,
Травы сонные шелестят.
Над крутой горой, в вышине,
Звезды трепетные горят.
В белоснежных шатрах своих
Крепко спят
Сестра и брат.
Звезды на языке немых
О самих себе говорят.

Там, внизу, блуждают сны,
Души спящих сны томят.

На крутой горе, в тишине,
Днем тревожным утомлены,
Крепко спят
Сестра и брат, —
Ничего не видят во сне.

Над крутой горой, в вышине,
Звезды трепетные горят.

ПЕСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ

Многокрасочный мир земной —
Поле битвы добра и зла.
Совершаются под луной
Удивительные дела.

По предгорьям,
По горам,
По лесам
Да по лугам,
По дорогам,
Без дорог,
То — с крутой вершины в лог,
То — из лога на утес,
То — с утеса под откос,
Из глубокой пади —
Вспять,

И опять —
С утеса в падь,
По хребту
Из края в край
На усталом вороном
Скачет-рыщет Кулымсай
С чародейкой за седлом.

У него — то брань, то божба
Так и пляшут на языке.
Отсырела у раба
Рукоять ножа в кулаке.
У старухи Мастан-Кемпир
Лоб и влажен и бел, как сыр,
Под бровями огонь горит,
Как могила — рот раскрыт;
И шипит,
И рычит она;
И вопит,
И кричит она;
На скаку,
Точно гвоздь о гвоздь,
Так и лязгает зуб о зуб;
Так и лязгает кость о кость,
Ударяясь о конский круп;
У старухи в правой руке
Вьется, вместо камчи, змея —
Изумрудная-Чешуя:
У старухи в левой руке —
Яд в запаянном пузырьке,
Чуть светящийся в хрустале,
Как нежаркий уголь в золе.

Солнце прячется меж зубцов
Потонувших в пурпуре гор,
Подпирающих небосвод.
Всадники еще до сих пор

Не нашли в горах близнецов.
Конь измученный пристаёт.

Раб лукавый клянет судьбу,
Конь шатается.

Удила
Разрывают коню губу.
Тут старуха из-за седла
Говорит рабу:

«Гляди!
Что ты видишь впереди?»

Вдаль указывает перстом —
Костяным перстом своим,
Так и ерзает за седлом
И гремит костяком своим.
Впереди на горе крутой
Солнце маленькое горит,
Белый,
Синий,
Золотой
Блещет луч в траве густой...
На гору Кулымсай глядит —
И еще, и еще лучи
Вспыхивают на горё,
Словно огненные мечи,
Словно сказочные ручьи,
Словно водомет на заре.

Чародейка Мастан-Кемпир
До ушей разевает рот,
Во весь голос кричит:
«Вперед!»
И змеей вороного бьет.
А лукавый раб Кулымсай
По ушам черенком ножа

Бьет коня своего, дрожа,
И, как пес визжа, вороной
Вскачь и влёт
Седоков несет;
И — пылающей купиной —
Над синеющей крутизной
Перед ними во весь свой рост,
От вершины горы до звезд,
Радужное чудо встает,
И сверкает, играет в нем
И, как сердце, горит огнем
Ярко блещущий алмаз,
Животрепещущий алмаз.

Кулымсай сошел с коня
И, рукой лицо заслоня,
Подобрал с земли талисман
И за пазуху положил.
Сумрак, словно океан,
Всю вселенную окружил, —
Долго звездные корабли
Глаз людских достичь не могли.

Развеселилась Мастан-Кемпир,
Захохотала, затряслась,
Наземь свалилась Мастан-Кемпир,
Все-то хохочет, с коня сваясь:

«Ай, пропал Арыслан-батыр!
В сеть попал Арыслан-батыр!
Ну-ка, руку дай!
Тяни-подымай,
Подымай меня, спутник мой!
Нам с тобой везет, Кулымсай:
Арыслан вернется домой —
Хвать-похватъ:

Талисмана нет.
И ногою топнет батыр,
И с досады лопнет батыр,
И погибнет во цвете лет,
Камень дивный свой потеряв.
А коли не топнет ногой
И не лопнет, такой-сякой,
То уж по лбу хлопнет рукой
И помчится сюда стремглав.
За гору коня отведем,
Арыслана подстережем,
Сзади на него нападём,
На него насядем вдвоем,
Яду в ноздри ему нальём,
Горло перережем ножом!
И не будь я шайтану друг,
И не будь мне другом шайтан,
Если вдруг
Из наших рук
Нынче вырвется Арыслан
И батыра кровавый труп
Мы не взвалим коню на круп!
То-то мы народ удивим,
Как прискачем в столицу с ним!
У, как будет рад Надир-шах,
Сколько будет в Хорезме слез!
Хоть бы ветер подул в горах,
Арыслана скорей принес!

Где ты, ветер вечеровой?
Полно спать!
Эй, ветер, вставай,
Ветер, вей!
Дуй-задувай!
Принеси батыра скорей!

Чу! что слышишь ты, Кулымсай?»

«Слышу: ветер вечеровой
Встрепенулся вон там, в кустах,
Пробежал по траве сырой,
Засвистел у меня в ушах,
Загудел внизу под горой,
Затрубил далеко в песках...
А еще я слышу порой
Дальний конский топот в горах:
Это — Арыслана с сестрой
Ветер мчит на своих крылах!»

Тут старуха и Кулымсай
За гору коня увели.
И вечерний ветер затих.
Арыслана и Алтынай
До вчерашнего стана их
Аргамаки донесли.
Чародейка и Кулымсай
Всматриваются в темноту,
Вглядываются в высоту.
Арыслан и Алтынай,
Талисмана не найдя,
Ставят белые шатры.
Чародейка и Кулымсай,
С близнецов очей не сводя,
Ждут внизу полночной поры.

Время не торопясь идет.
Мерно движется небосвод.
В вышине,
Над крутой горой,
Звезды трепетные горят.
В тишине,
На горе крутой,
Близнецы безмятежно спят.
Под горой

Между собой
Заговорщики говорят.

Чародейке — лукавый раб:

«Ты, старуха, вперед иди,
Что-то я устал и ослаб».

Та в ответ ему:

«Погоди,
Погоди, мой светик, чуть-чуть,
Дай мне малость передохнуть!
Видно, кости я растрясла,
Как свалилась наземь с седла:
Не могу спины разогнуть,
Ни ногой шагнуть,
Ни руки поднять.
А по правде тебе сказать,
Я за душу свою боюсь.
Что, когда на ложе своем
Спит он чутким, некрепким сном,
Как на озере серый гусь?»

Вскочит с ложа он —
И за меч,
И снесет нам головы с плеч!
Но пускай,
О мой Кулымсай!
Не проснется он,
И пускай
Мы в шатер неслышно войдем,
Изловчимся уж как-нибудь
И насядем ему на грудь...
А у нас так руки дрожат,
Что и ткнем ножом —

Кожи не проткнем,
Будем лить ему в ноздри яд —
Глядь, ан мимо ноздрей нальем,
И придет нам последний час,
И не будет пути назад:
Он о камни как хватит нас —
Руки-ноги врозь полетят!
Ну-ка, светик мой Кулымсай,
Белые шатры сосчитай!
Ну-ка, мудрая голова,
Сколько их: один или два?
Два шатра — невеликий стан,
Да великая сила в нем:
Спит в шатре батыр Арыслан,
А батыр Алтынай — в другом.
Разве шум у брата в шатре
Может не услышать сестра?
Долго ли прибежать сестре
К брату из своего шатра?
Что тут сделает яд с ножом?
Силою мы их не возьмем,
А возьмем близнецов живьем
Хитростью и колдовством.
Эй ты, светик мой Кулымсай!
Не робей, не хнычь, не зевай,
Много дела еще у нас.
Ты ступай за мной, примечай,
Что я буду делать сейчас!»

Тут старуха из рукава
Книгу вынула и пошла,
Повторяя:
«Алла, алла»,
И еще другие слова,
Страшные, колдовские слова,
На гору, к шагру Алтынай.

На горé, в шатре Алтынай,
Чародейка, с книгой в руках
Сев у девушки в головах,
Принялась шептать-колдовать,
Стала ей в лицо и на грудь
Потихоньку дуть,
Полегоньку дуть,
Дуть и навевать на нее
Крепкое, как смерть, забытье,
Лепкое, как смерть, забытье,
Цепкое, как смерть, забытье;
Кончив колдовать, подняла
Белоснежный полог входной.

Девушка-батыр Алтынай,
Неприметно дыша, спала
И была бледна, точно плат.
Как бездонная водоверть
Опрокинутый держит плот,
Так держало ее в плену
Полузабытье-полусмерть.

За сестрою и брат во власть
Отдан был глубокому сну.

Вот когда с Кулымсаем всласть
Наохоталась Мастан-Кемпир!
Сó смеху с грешной душой своей
Чуть не рассталась Мастан-Кемпир,
На сто частей,
На сто костей,
Чуть не распалась Мастан-Кемпир!
Понемногу стало светать,
И пошла колдунья опять
В тот шатер, где глубоким сном
Алтынай продолжала спать,

И вдвоем
С лукавым рабом
Вскинула ее на плеча,
Понесла, закрывая шепча,
В тот шатер, где спал Арыслан,
Столь же крепким сном обуян;
Принесла сестру к нему
И на белую кошму
Положила рядом с ним,
Положила с братом родным,
Положила и прикрыла
Одеянием одним,
Одеянием одним —
Яркокрасным и золотым.
Ничего ни брат, ни сестра
Не слышали в забытьи.

До чего же, друзья мои,
Чародейка была хитра!

Небеса на ранней заре
Ярче красных роз расцвели.
Тут Мастан-Кемпир в шатре
Разбросала шепоть земли,
Землю разбросав и подув,
Спряталась в траве за горой,
Из травы, как ворона клюв,
Нос высовывая порой.

Засверкало солнце меж скал,
Осветило земной предел, —
Арыслан ото сна восстал,
На сестру взглянул невзначай —
Вздвогнул и остолбенел...
Засмеялся тут Кулымсай,
Тонким голоском запищал,
Грязным языком затрещал:

«Я пришел испытать твой нрав, Арыслан!
Ты, видать, хитер и лукав, Арыслан:
Не сзывал ты гостей на той, взял жену,
Ни гроша калыма не дав, Арыслан!

Поздравленья мои прими, птицелов!
Изловил голубицу ты — без силков.
Забурлил ты, словно река по весне,
Пленницу сковал по рукам — без оков!

Зимний ветер цветы собьет, словно плеть.
В день, когда пирует молва, все мы — снеть.
Пред народом лица тебе не поднять!
Лучше умереть, чем позор претерпеть!»

У батыра кровь из ушей
Хлынула от этих речей.
Руки над головой заломив,
Озираясь дико вокруг,
Без кровинки в лице,
Ни жив
И ни мертв,
Он стоял —
И вдруг
Рухнул наземь без чувств.

Так лев,
Раненный коварным стрелком,
Наземь падает,
Ослабев;
Так цветущий злак под серпом
Падает на вешнем лугу;
Так могучий конь на бегу,
Загнанный своим седоком,
Падает на жгучий песок,
На степной, зыбучий песок...

В чувство еле придя, батыр
Порешил зарубить ни в чем
Не повинную Алтынай.
Косу длинную Алтынай
На руку намотав, он мечом
Замахнулся что было сил,
Но лукавый раб в этот миг
За плечо батыра схватил,
И, слезам не мешая течь,
Уронив свой тяжелый меч,
Арыслан головой поник.

Тут старуха из-за горы,
Как ползучий гад из норы,
Выглянула, шипя и свистя;
И в шатре,
Мгновенье спустя,
Руки вытянув пред собой,
Медленно поднялась Алтынай
И, шагнув нетвердой стопой,
Пробудилась и, увидав,
Где она спала в эту ночь,
С криком раненой птицы прочь
Кинулась бежать...

За рукав
Брат ее схватил,
Но она
Вырвалась и, не добежав
До обрыва,
Как смерть бледна,
Срыву —
На раскидистый куст
В слепоте стыда
Налетев,
Навзичь повалилась без чувств.

Арыслан, хорезмийский лев,
Лучший воин во всем краю,
Позабыл в этот день невзгод
И Хорезм и его народ, —
Помнил только свой лютый гнев,
Помнил только печаль свою.

Всхлипывая, словно шакал,
Кулымсай батыру сказал:

«О злосчастный мой Арыслан!
У тебя на шее — аркан,
Цепи у тебя на руках,
Сажа у тебя на щеках;
Ты унижен, ты втопан в прах,
Сокол ясный мой, Арыслан!

Нет, не зря говорит народ,
Что на славу и на почет
Потерял ты права свои,
О блудницы несчастный брат,
О добыча грешной любви!

Люди добрые говорят:
«Не по собственной воле зверь
Попадает в хитрый капкан».
Ты не верил мне, —
Но теперь
Веришь ли ты мне, Арыслан?
Чуть забылся ты крепким сном,
Эта окаянная тварь
Загорелась черным огнем
И в объятия твои вошла.
Прокляни ее, Арыслан,
Пожелай ей сгореть дотла!»

Тут батыр, от ярости пьян,
Слезы проливая из глаз,
Гору бы разрубил,
Когда б
В черном камне меч не увяз.

Усмехнулся лукавый раб,
Улыбнулся и молвил так:

«О мой свет, Арыслан-батыр!
Хоть и враг тебе шах Надир,
Я — прислужник его — не враг,
А помощник тебе и друг.
Не забудь же моих услуг
И без гнева прими удар,
Беспощадный удар судьбы,
Ибо все мы — ее рабы.
Где, скажи мне, твой гаухар?»

И в предчувствии новых бед
Вздрогнул простодушный батыр,
Поднял на Кулымсая взор,
Скорбно проговорил в ответ:

«Потерял я свой гаухар.
С той поры мне и счастья нет».

И сказал тогда Кулымсай,
Этот змей
Среди людей,
Трус, предатель и козней:

«О безвинный страдалец!
Знай:
Вероломная Алтынай
Поклялась твоему врагу,
Надир-шаху...»

Нет, не могу,
Не могу продолжать!
Позволь
Замолчать,
О злосчастный брат,
Преданный сестрой-близнецом!»

Арыслана жгучая боль
Обдала с головы до пят.
Гневно потрясая мечом,
Крикнул Арыслан, распалясь:

«Если ты мне друг — продолжай!
Сжался!
Не глумись надо мной,
Или ты умрешь, Кулымсай!
Кулымсай-ага, отвечай:
В чем сестра моя Алтынай
Веprю этому поклялась?»

«В том, что будет его женой;
Что сегодня тебя убьет;
Что предаст ему твой народ;
Что со мной в столицу пошлет
Гаухар твой бесценный в знак
Своего согласия на брак.
На привале в горах — не чай
Подала тебе Алтынай,
А похожий на чай отвар
Колдовских наговорных трав.
Заповедный твой гаухар
Без труда у тебя украв,
Эта ведьма, твоя сестра,
Возвратилась в город с тобой
И вручила мне талисман.

Шах возликовал и вчера
Многолюдный устроил той,

К ночи был, как неверный, пьян
И свалился к рассвету с ног.
Тут и выкрал я гаухар
И покинул развратный пир,
И помчался во весь опор
В горы — напрямик — без дорог;
А теперь пред тобой стою
И тебе с поклоном, батыр,
Дивный камень твой отдаю».

Взял с протяжным стоном батыр
Камень свой у раба из рук
И сказал:

«О мой Кулымсай!
Ты один мне на свете друг;
Будь же благословен — и прощай!»

Желтое свое — как шафран —
Отвратил лицо Арыслан,
Положил на коня седло,
Затянул подпружный ремень,
Сел в седло, вздохнул тяжело:

Что, мол, гаснешь, недолгий день?
Солнце, мол, еще не зашло!
До полудня ночную тень
Горе за собой привело...

Тут запричитал Кулымсай:

«О мой друг дорогой,
Прощай!
Уезжай, батыр, уезжай
И не возвращайся домой!
Встречных объезжай за версту,
Свой позор при себе держи;

А как станет невоготу —
Доброй славой не дорожи,
Дорожи своей головой;
С лука тетивы не снимай,
Не удавливайся тетивой,
Не закалывайся мечом,
Не вскрывай себе жил ножом,
Не бросайся, мой золотой,
Вниз, на камни, с горы крутой;
Умереть от стрелы врага
Не спеши, Арыслан-ага!»

Тут проговорил Арыслан:

«Горы непроходимые предо мной.
Тяжек и неисхожен мой путь земной.
Горько мне, Кулымсай-ага, трудно мне;
Плачу я, покидая предел родной.

Ста противникам равен я был один.
Стал я немощным пленником ста кручин.
Матери моей скажи: «В свой черный день
Кланяется тебе до земли твой сын».

Меч мой булатный был грозою мечей.
Сад благодатный стал пристанищем змей.
Кланяюсь народу — отцу моему,
Трижды благословенной земле моей.

Будущего нет у меня, счастья нет,
Заплутала моя ладья в море бед.
Роду-племени моему передай
Мой последний прощальный, слезный привет.

Рок-воитель меня застрелил в упор.
Мертвым камнем я кану в чужой простор.

Будь здоров, Кулымсай-ага! Я вернусь,
Если только переживу свой позор...»

Конь взметнулся, —
И головой
Арыслан коснулся небес,
Оглянулся,
Махнул рукой,
Прянул в океан голубой
И вдали, как сокол, исчез.

Раб лукавый из-под руки
Вслед ему поглядел, смеясь;
Чародейка под горой
Шевельнулась в траве густой,
Снова на гору взобралась;
Хохот горло ей распирал,
Хохот пасть ее раздирал;
Все старухины позвонки
Грохотали, как погремки;
Зуб о зуб,
Сустав о сустав
Лязгали;
Ходил ходуном
Весь ее телесный состав;
Прыгал нос над шербатым ртом...
Нахохоталась —
И опять
Принялась колдовать-щептать.

Вот колдует старуха,
Льет
На следы Арыслана яд,
Сыплет землю,
Дует,
Плюёт:

«Замыкаю пути назад,
Замыкаю пути вперед!»

По щекам ее жаркий пот,
Закипая, рекой течет,
Рдяным жаром глаза горят:

«Замыкаю пути вперед,
Замыкаю пути назад!»

Поглядела на Алтынай,
Поплевала,
Сказала так:

«Твой враг —
Мой друг,
Твой друг —
Мой враг!
Спи, красавица, почивай,
Как проснешься — коня седлай,
Оседлав, домой поезжай,
Свата шахского поджидай;
Спи, проклятая Алтынай,
Глаз до срока не открывай!»

Под раскидистым кустом
Алтынай без чувств лежит.
Кулымсай на вороном
С чародейкой за седлом
К шаху своему спешит.
Не камчой
Мастан-Кемпир,
А змеей
Вороного бьет.
В стольном городе шах Надир
Кулымсая с вестями ждет.
По степи Арыслан-батыр

Птицей мчится, судьбу клянет.
Семицветный сверкает мир.
Солнце по небесам плывет.
Все своим чередом идет:
День за днем,
За годом год,
Век за веком,
За родом род,
Снег ложится,
Роза цветет,
Блещут копья,
Горят сердца,
Всходят звезды,
Певец поет,
Собирается народ,
Молча слушает певца.

ПЕСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сердце матери —
Мягкий воск,
Мягкий воск и твердая сталь.
Разлучается мать с детьми —
Скорбь сосет ее кровь и мозг,
Душу ей терзает печаль.

Восемь дней, друзья мои,
Во дворце уже не слышать
Алтынай певучих речей,
Восемь дней уже не видать
Арыслана ясных очей;
Восемь дней и восемь ночей
Изнывает старуха мать,
Ждет своих дорогих детей;
Руки тянутся их обнять —
Нет, не едут, не шлют вестей;

Слезы катятся по лицу —
Осушить их некому ей...
По ночам из конца в конец
Ходит-бродит мать по дворцу...
Опустел высокий дворец.
Соколица одна в гнезде
Стонет, кличет своих птенцов,
Призывает мать близнецов:

«Где вы, сизокрылые, где?
Гром гремит, небеса кругом
Черной тучей заволокло.
Возвращайтесь в родимый дом
Под уютное крыло!
Где вы, сизокрылые, где?
Где вы, мои милые, где?»

Тают, меркнут за окном
Сонмы звезд.
Золотом, багрецом,
Празеленью, серебром,
Синью, словно павлиний хвост,
Переливается небосвод,
Пламенем пылает восток,
Солнце красное встает.

Мать выходит из ворот,
Опираясь на посошок;
Напрягает свой слабый взор,
Смотрит в сторону дальних гор, —
Сына с дочерью не видать;
Устает понапрасну ждать
И, не заходя во дворец,
В путь пускается, наконец.

Молит встречных старуха мать
Весть о детях ее подать:

«Укажите, в ком сердце есть,
Где мне сына и дочь искать!»

Встречные жалеют ее,
Но не могут подать ей весть
О птенцах ее дорогих,
Указать пристанище их.

Солнца золотое копьё
Блещет, ослепляя глаза,
Ветра свищущая лоза
По лицу старуху сечет,
Взор ее туманит слеза,
Жгучий пот по щекам течет.

Шаг за шагом,
Через пески
Мать бредет,
На плечах несет
Гнет великой своей тоски.
Что ей, немощной и седой,
Душный ветер, палючий зной
Да зыбучий степной песок?
Мать любовью своей сильна,
И гребет ее посошок
Раскаленный песок степной,
И тихонько бредет она,
Не желает прилечь-присесть,
Ни в укрытье зной переждать...

«Укажите, в ком сердце есть,
Где мне сына и дочь искать!»

Гаснет небосвод голубой,
День уходит, приходит ночь.
Мать стоит у горы крутой,
Призывает сына и дочь.

Высока крутая гора;
Катится по склону волна
Млечно-дымного серебра:
Над горой восходит луна.
Мнится матери:
При луне
Кто-то статный с крутой горы
В дол спускается на коне;
Голос, чистый, как серебро,
Слышен матери в тишине:

«Я соколом, вольным как ветер, была,
Теперь у меня перебиты крыла.
Была я конем достославных кровей
И кровью под шахским ножом изошла.

Бойцом я была — и сгорела в цепях,
Дворцом я была — и повержена в прах.
Покинул меня мой возлюбленный брат
В безлюдной пустыне, в дремучих горах.

В палючих песках и ковыль не растет.
В растерзанной плоти душа не живет.
Враги возвели на меня клевету,
С отравой смешали мой сладостный мед.

Я розой в кошнице Хорезма была.
Упала в огонь и сгорела дотла.
Во что ты меня превратила, судьба!
Я — прах под стопой. Я — седая зола.

Я — рана кровавая под кумачом.
Я — жертва, замученная палачом.
Поверил мой брат Арыслан клевете,
Меня без меча изрубил, как мечом,

Свой эль без защиты покинул мой брат.
Уехав без свиты, покинул мой брат
Свой город родной, свой дворец родовой,
Свой род именитый покинул мой брат.

О бедный мой брат! Я надену броню,
Твой стяг подыму и тебя заменю,
В обиду Надиру не дам твой народ,
Твой город наследственный обороню!»

К дочери бросается мать:

«Дай обнять тебя, Алтынай!
Свет мой, жизнь моя, не мешай
Мне об Арыслане рыдать.
Лучше не утешай меня,
Сердце предо мною открой.
Не терзай, Алтынай, меня,
Расскажи мне, когда и как
Разлучил вас коварный враг?
Жив ли Арыслан?
Отвечай,
Где твой брат —
Соколенок мой,
Львенок мой,
Верблюжонок мой?»

Благородная Алтынай
Прянула на землю с седла,
Крепко-крепко мать обняла,
Рассказала все, что знала
О великой своей беде,
Рассказала, зарыдала.
«Я не знаю, — сказала, —
Где
И в каком краю Арыслан

Ищет исцеленья теперь
От глубоких душевных ран,
Только верь:
Он вернется!
Верь:
Он обнимет тебя еще
По-сыновнему горячо!»

И сказала старуха мать:

«Что случится, тому и быть.
Слезы перестань проливать, —
Ты должна свой дух укрепить,
Чую:
Близится черный день!
Скоро со своими людьми
Шах Надир на эль нападет.
Меч отцовский в руки возьми,
Белую кольчугу надень.
Поведи на врагов народ,
Шаха-палача посрами,
Родины в обиду не дай,
И, когда закончишь поход,
О тебе, моя Алтынай,
Звучный сказ сказитель споет».

Знала мать, какие слова
Нужно молвить, чтобы трава
Выгорела в лугах у врагов,
Чтобы венчики ярких роз
Вылиняли в садах у врагов,
Чтобы небо от жарких слез
Съежилось в глазах у врагов,
Чтобы луки их повело,
Чтобы хрупким, словно стекло,
Стал булат в руках у врагов!

На исходе ночных часов
Мать и дочь вернулись домой.
День пришел,
И Алтынай
Бронь надела;
Цепью стальной
Затянула свой стан прямой;
Меч тяжелый Алтынай —
Меч отцовский, добрый меч —
В руку правую взяла;
В полдень свой народ созвала
И, смущаясь, такую речь
Пред лицом его повела:

«Зимний ветер подует, и снег пойдет.
Лето жаркое стало порой невзгод.
Я задумала слово тебе сказать,
О стоящий на площади мой народ!

Слов язык не находит, мой дух скорбит.
Черный день у ворот городских стоит.
Горе нам! Арыслана лишились мы.
Кто же будет держать над тобою щит?

Верх над нами теперь Надир-шах возьмет,
Выпьет сладостный мед и растопчет сот,
Непосильною данью обложит нас,
Город наш сокрушит и угонит скот,

Выжжет розы, пшеницу испепелит,
В колыбелях детей твоих ослепит,
Юных дев превратит в неутешных вдов,
Пóтом смерти чело твое окропит.

О народ мой — отец мой и мой джигит!
Как тебя убережь от лихих обид?

Мудрым словом утешь меня! Помоги
Удержать над тобой Арысланов щит!»

Этими словами народ
Был взволнован и потрясен.
Как на остров море идет,
Так народ с четырех сторон
Потянулся за рядом ряд
К дочери любимой своей.
Отзвуком повторенный гул
Громовитых ее речей
Небо синее всколыхнул.
И устами старцев народ
Молвил так:

«О любовь моя,
Дочь моя, плоть и кровь моя!
Встреча храбрых, тяжелый бой —
Для тебя что веселый той,
Поле брани — как тойхана.
Ты смела, скромна и умна,
И правдивы твои слова.
Собирается шах Надир
Вековые мои права
В грязь кровавую втоптать.
И нарушит непрочный мир
Этот казnelюбивый тать.
Точит нож Надир.
Но сперва
Лучше бы у меня спросил:
«Если, мол, Арыслан ушел,
Не нашлось ли другого, мол,
Вожака твоих ратных сил?»
Дочь моя, батыр Алтынай,
Ты надень кольчугу на грудь,
Рукава свои закатай,

Затяни потуже кушак,
На глаза понадвинь шишак,
Арыслану заменой будь
И веди меня за собой
В бой из боя и в новый бой!
Я сынам своим подарю
По коню, копью и мечу,
Орды шахские размечу,
Волчьей кровью дол обагрю,
Каждый сын мой возьмет на меч
По четырнадцати врагов,
Каждый меч
Снимет с плеч
По четырнадцати голов.
Шаху —
Поражение и месть!
Городу —
Спасение и честь!»

Арыслана высокий стяг
Девушка-батыр подняла,
Молвив так:

«Да погибнет враг!
Да покроют пыль и зола
Треснувшие кости его!
Ворон да склюет его плоть!
Я клянусь врага побороть,
Утвердить твое торжество;
Ради воли твоей, народ,
Самое себя не жалеть;
А коль в город Надир войдет,
Первою клянусь умереть,
Если не в руках палача,
То от собственного меча!»
Так народ отчизну свою

Поручил беречь Алтынай.
Обнажила меч Алтынай,
Поклялась покарать в бою
Шаха и его палачей;
И как солнце в венце лучей,
Залил город по самый край
Блеск ее горящих очей.

В стольном городе своем,
Во дворце своем золотом
Сын блудницы Надир-шах
Красным виноградным вином
Самого себя распалял,
Чернолицый Надир-шах
Страстью черною пылал.

Словно птицы на ветвях,
Сонм рабынь шумел вокруг
Повелителя своего.
Но не слышал он ничего,
Звон стоял в ушах у него,
Свет померк в очах у него;
Чашу выронил он из рук,
Застонал, как степной шакал,
Кулымсая к себе призвал
И сказал:

«О мой брат и друг,
Мой вчерашний раб Кулымсай!
Не забыл я твоих заслуг
И везиром сделал тебя.
Плоть мою на куски рубя,
Горестную душу губя,
Истязает меня любовь.
Небывальым горит костром,
Жжет большее огня любовь.

Не могу я красным вином
Яростную жажду залить.
Я горю на ложе ночном,
Я в аду пребываю днем,
Душу не могу исцелить.
Поезжай, мой везир, послом
В город, где живет Алтынай;
Поклонись ей и передай,
Что созвал я гостей на той,
Что ее певучую речь
Я в столице слышать хочу,
Что хочу я в шелк и парчу
Стан ее высокий облечь
И что мне угодно женой
Всенародно ее наречь.
Пусть конь о конь едет с тобой
На веселый той Алтынай,
Пусть мою кипящую кровь
Зря не льет рекой Алтынай.
Привези мне ее,
И вновь
Награжу я тебя, мой друг,
Выше всех везиров моих,
Беков и батыров моих
Посажу я тебя, мой друг,
Денег дам тебе золотых
Девять полных сундуков,
Дам еще рабынь и рабов
И скота четырех родов, —
Только поезжай поскорей
За прекрасной пери моей,
За моей золотой луной,
За моей молодой женой!»

Снова на высокий престол
Ослепительный день взошел.
В это время со свитой в путь

Потянулся шахский посол.
Спутникам своим отдохнуть
Не позволил везир в пути,
Полверсты в этот день не дал
Вороному шагом пройти.
Свиту истомил, сам устал,
А в один дневной переход
Жаркие пересек пески,
Засветло из потной руки
Выпустил повода у ворот
Мирного дворца,
Где жила
Благородная Алтынай,
И сошел тяжело с седла.

Высыпал на площадь народ,
Обступил посольство стеной
И затих.
И когда в броне,
Блещущей подобно луне,
Вышла девушка из дворца,
Кулымсай поклонился ей,
Волю шаха ей передал.

У Надирова гонца
Кровь отхлынула от лица:
Скромных и покорных речей
Кулымсай в ответ ожидал,
А увидел, как тяжкий меч
Заиграл в девичьих руках,
И услышал грозную речь
Стали, закаленной в боях.
Разъяренная Алтынай
Гневно потрясала мечом.
Меч гудел:

«Эй, сват, уезжай!
Уезжай, постылый, добром!»

Поблел везир Кулымсай,
Снова стал от страха рабом,
На коня вскочил,
И назад —
По своим горячим следам!..
Свита — врассыпную за ним!..
Вылетают в степь, голосят,
Мчатся по песчаным буграм,
А у них за спиной, как дым,
Город исчезает вдали.

Сходит ночь на лоно земли.

Утром следующего дня
С желтым, словно песок, лицом
Кулымсай соскочил с коня
Пред высоким шахским дворцом.
Шах Надир, узнав обо всем,
Что случилось у Алтынай
С хитроумным его послом,
В гнев пришел и велел рабам
Резвого седлать скакуна.

Черный камень пополам
Раскололся под стопой,
Краснокаменная стена
Треснула в девяти местах —
Так разгневался Надир-шах.
Всех везиров он взял с собой,
День-деньской
Не сходил с седла,
День-деньской
Терзался тоской,
Встречных плетью хлестал со зла
И, от ярости сам не свой,
Прискакал вечерней порой
В город, где Алтынай жила.

Не сошел с коня Надир-шах
У высоких ее дверей
И, держа поводья в руках,
Молвил так, обращаясь к ней:

«Эй, красавица, почему
Свату и послу моему
Ты согласия не дала
Ехать с ним в столицу мою
На веселый свадебный той?
Неразумная, что с тобой?
Может быть, моего посла
Ты за нищего приняла?
Оскорбила ты мой венец,
Оскорбила ты мой престол!
Неужели шахский везир
Недостойный тебя посол?
Я, твой повелитель, Надир,
Унижения не стерпел,
Сам поехал к тебе —
И вот
Говорю, подавляя гнев:
Алтынай, твой дерзкий народ
Мне почета не воздает
И не платит салыка мне.
Алтынай, поспеши ко мне
В город мой
На свадебный той,
А не то со своей ордой
Я на эль твой пойду войной
И не только салык взыщу,
Но и город твой размечу
И предам твой народ мечу.
О душа моя Алтынай!
Не томи, не терзай меня,
Поскорее седлай коня.
В стольный город мой поезжай!

Без тебя мне веселья нет,
Опротивел мне белый свет
И в его пределах —
Одна
Только ты мне еще нужна.
Хочешь быть моей или нет?»

Благородная Алтынай
Звонко засмеялась в ответ:

«Правду говоришь, Надир-шах!
Ты и впрямь присылал посла,
Только смысла в его речах
Я никак найти не могла.
Он сказал, что родной предел
Ты покинуть мне повелел
И спешить на свадебный той,
Потому что своей женой
Сделать ты меня захотел.
Я в поступках своих вольна,
Я — сама себе голова,
Почему же я, как трава,
Пред тобой склониться должна?
Дивные творятся дела:
Только проводили посла,
Смотрим — шах приезжает к нам
По горячим его следам.
Нет, Надир!
И твоим словам
Не дойти до моих ушей,
Я не стану женой твоей,
И не столь уже ты велик,
Чтобы с наших вольных степей
Мы платили тебе салык.
На гнедом скакуне своем
В городе моем не гардууй,
Поезжай-ка своим путем!

Хочешь негодовать — негодуй,
Хочешь злиться — злись,
Но не здесь,
Не при мне.
Убирайся прочь!
Хватит воду в ступе толочь!
Мне твоя неприятна спесь,
Я-то знаю, по чьей вине
С милым братом разлучена,
Кто подрезал во время сна
Быстролетные крылья мне,
Выпил красную кровь из жил,
Очи ясные дня лишил!
Погоди еще, Надир-шах!
И в твоих совиных очах
Обернется полночью день!
Я еще затяну ремень
На нечистой шее твоей!
Для чего нам время терять,
Утомлять боевых коней,
Ополчать батыров на рать?
Я хочу рубиться с тобой,
Выходи немедленно на бой!»

Алтынай при этих словах
Выхватила меч из ножен.
Вскрикнул, ужасом поражен,
Задрожал, как лист, Надир-шах,
Не посмел на нее взглянуть
И рванулся в обратный путь,
А везиры его —
За ним
Из ворот
Вороньем степным...

И сказал, ликуя, народ:

«В поздних поколениях моих
Имя Алтынай не умрет.
Укреплю я руки свои,
Натяну я луки свои,
Добрые мечи отточу.
Откормлю скакунов лихих,
Соколиной стаяй на бой
В поле чистое полечу!
Не отдам я земли родной
Окаянному палачу!»

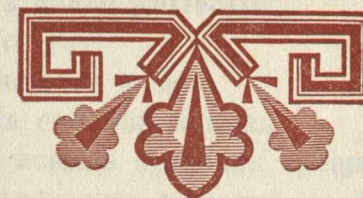
И, народом окружена,
Голову Алтынай подняла,
И казалось ей, что она,
Словно Кап-гора, высока,
И сжимала ее рука
Отчего меча рукоять.

Думала она:

«Я должна
В битве край отцов отстоять.
Пусть умру,
Но родной народ
Будет жить, как теперь живет,
И достойный преемник мой
Меч возьмет у меня из рук,
И попрежнему звездный круг
Будет пламенеть над землей,
Так же будет ночь хороша,
Так же будет петь соловей,
Так же будет чья-то душа
Силе радоваться своей...»

Молча разошелся народ.
Алтынай ушла во дворец.

Блещут звезды,
Время идет,
И поет о былом певец.
А коли по правде сказать —
Всем давно уже время спать,
И на этом — песне конец.

ПЕСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

Всем, достойным хвалы —
Хвала!
Всем, достойным стрелы —
Стрела!

Алтынай играет мечом.
Алтынай поводит плечом.
Меч надежен.
Крепка броня.
Алтынай подводят коня.
Вот она садится в седло.
Пляшет резвый конь под седлом.
Солнце яркий луч навело
На ее высокий шелом.
Следует рядами за ней
Конница в пять тысяч мечей.
Дети, женщины, старики
Войско провожают в поход.

Проводив,
Стоят у ворот,
Смотрят вдаль из-под руки,
За воротами —
Степь лежит.
По-над степью —
Воздух дрожит.
За струистой хмарью степной
То копье заблестит,
То щит.
Оседают пыль
На степной ковыль.
В ковыле кузнечик трещит,
Восхваляет палючий зной...
Больше ничего не слышать,
Больше ничего не видеть,
И опять к своим очагам,
К повседневным своим делам
Возвращается народ,
И смыкаются опять
Створы городских ворот.

В стольном городе своем,
Потрясая мечом-копьем,
Бить в набат велит Надир-шах.
На откормленных скакунах
Войско в десять тысяч мечей
Собирается у дворца.
В окружении палачей
Шах выходит.
Струится пот
По морщинам его лица.
Шах ярится:

«В поход! В поход!
Покориться
Не хочет мне

Город, где живет Алтынай.
Пусть же он погибнет в огне!
Пусть по непокорной стране
Кровь кипучая потечет!
Перебьем
Строптивый народ —
Тех — мечом,
А этих — копьем!
Нас большая добыча ждет:
Пленные,
Сокровища,
Скот!
А чего с собой не возьмем,
То пожар пожрет,
Воронье склюет!
Эй вы, тигры мои!
Вперед!»

Белые знамена, плеча,
Застилают весь небосвод.
Пушки медные волоча,
Войско выступает в поход.

Говорит Кулымсаю шах:

«Поезжай-ка с сотней людей,
Место выбери на холмах
Перед городом Алтынай
И на месте этом разбей
Шелковый шатер для меня.
Я прибуду на склоне дня».

Взяв с собою сотню людей,
Кулымсай ускакал вперед.

Если бы с небес поглядеть —
Серебробородчатый змей

По земле влачится как плеть:
Надир-шах на грабеж ведет
Войско в десять тысяч мечей.
Черный дым столбами встает,
Сотрясается небосвод:
На привалах пушки палят,
Надир-шаху слух веселят!

Ровно в полдень
Надир-шах
Повстречал везира в песках:

«Помоги, пресвятой аллах!
Где ты растерял свой отряд?
Почему ты весь в крови?
Где твой нос?
Где уши твои?
Если цел язык, отвечай,
Что случилось, о Кулымсай?»

И везир, говоря:

«О шах!» —
Разрыдался и застонал,
И кровавый слезный родник
У него засверкал
В глазах,
И сказал он:

«Аллах велик,
Уцелел у меня язык,
Но зато на этой войне
Я уродом гундосым стал,
Горе мне!
По твоей вине
Я безухим-безносим стал!
О мой шах безрассудный, знай!
Встретил я в степи Алтынай,

Если это не Азраил
Мне, страдальцу, путь преградил.
Что тут было!
Как меч сверкал!
Как десница ее сильна!
Я один оттоль ускакал,
Остальных убила она...
Эль ее — кременный утес,
И нельзя покорить его,
Даже если в долину слез
Властен ты превратить его.
На кого ты идешь войной?
Ты ее нипочем
Не возьмешь мечом.
Возвратись, повелитель мой!
Алтынай не любит тебя
И твоей не станет женой,
Алтынай изрубит тебя
И останки швырнет в костер.
Погляди на меня, о шах!
Разве меч ее не остер?
Помни, шах, о своих ушах,
Постарайся их уберечь!..»
Но свою пространную речь
Не довел везир до конца.
И у шаха, и у него
Кровь отхлынула от лица.

На мышастом коне верхом,
С боевым тяжелым копьём
И шумящим стягом в руках,
В шишаке,
В кольчатой броне,
Блещущей подобно луне,
Повергая в великий страх
Войско в десять тысяч мечей,

Скачет и, как сокол, вокруг
Озирается Алтынай;
И все больше бледнеет шах,
И, остановясь в двух шагах
От врага своего,
К нему
Со словами таких речей,
Молнии меча из очей,
Обращается Алтынай:

«Глупо, шах, аргамаком осла считать.
Глупо думать, что честному ровня — тать.
Ты — палач, я — батыр. Ты пришел за мной.
Я тебе, чернолобому, не под стать.

Вот уж, истинно, к чести бесчестье льнет!
Трудно слить воедино огонь и лед,
Трудно ворона в лебедя превратить,
Потому что у каждого свой полет.

О Надир! Ускользнул у меня из рук
Твой везир, твой сообщник и верный друг.
Вот кто стоит тебя! Только жаль, что я
Разлучить вас должна... Выходи на круг!

Я пролью твою кровь на песок степной!
Не робей, Надир-шах, выходи на бой!
Ты хотел меня силою взять? Возьми!
Что — боишься? Тогда — выходи любой!»

Как же поступил Надир-шах,
Речи Алтынай услышав?

Засучил он правый рукав,
Затянул потуже кушак,
Но в открытый и честный бой

Не посмел он с нею вступить,
Не хотел он песок сухой
Черной кровью своей поить:
Надир-шах от рожденья был
Сердцем робок и телом хил.

И взмолился этот злодей
К войску в десять тысяч мечей:

«Эй, опора моя и щит,
Десять тысяч силачей!
Эта девушка —
Мой враг.
С нею нет полка ее.
Напрочь выбейте копьё
У нее из белых рук,
Вырвите высокий стяг,
Обступите ее кругом
И возьмите ее живьем!»

Надир-шах промолвил так,
И в движенье войско пришло,
По степи грохочущий гром
Прокатился тяжело,
И уперлись в грудь Алтынай
Копий вражеских острия,
И горячей крови струя
Проложила путь меж колец
И чешуек ее брони.
Тут бы ей и пришел конец, —
На земле таких бойцов
Не было еще искони,
Чтобы десять тысяч врагов
Мог один разбить-разметать, —
Тут бы Алтынай и конец,
Да ее могучая рать
Подоспела на помощь ей.

Благородная Алтынай
Увидала яркий блеск
Сталкивающихся клинков,
Услыхала копий треск,
Пенье стрел и звон щитов,
И, копьё над головой
Занеся, рванулась в бой,
На скаку метнула копьё,
И оно впереди нее
Понеслось, издавая вой.

Алтынай отцовский булат
В руку правую взяла,
Начала рубить подряд
Всех, кого догнать могла.

Кто завалится назад,
Кто слетит кувырком с седла,
Кто, из стремени
Ступни
Высвободить не успев,
Грудью мнет степную траву,
Кто из собственной брони
Хочет вырваться, захрипев...
Поле брани — сон наяву.

Душный день на убыль идет.
Бьются воины Алтынай,
Крепко бьются;
Кровавый пот
Из-под шлемов течет
У них.
Бьются воины Алтынай,
Не считают клинков чужих:
Все равно, считай — не считай,
У Надира больше бойцов.

Бьются воины Алтынай,
Устлана вся степь от холмов
По противоположный край
Павшими за город отцов.

Сердце, плачь!
Рыдай!
Не таи
Жгучих слез!
Язык мой, рыдай!
Плачьте кровью, глаза мои!
Плачьте!
Лучших своих сынов
Потерял народ Алтынай!
В этот день большой урожай
С поля ратного смерть сняла.
Рдяная закатная мгла
Канула на лоно земли,
Солнце потонуло в пыли
Тусклое, как драконий глаз.

Шахские стрелки в этот час
Окружили со всех сторон
Благородную Алтынай.
С горьких уст ее скорбный стон,
Словно белый лебедь, слетел.
Ястребиная стая стрел,
Изорвав семь ее кольчуг,
Исклевала тело ее,
Сердце похолодело ее,
Стройный стан согнулся, как лук,
Выпал меч у нее из рук,
Из-под ног ушли стремяна,
Выпустила поводья она
И в какую-то яму вдруг
Рухнула...

Бой кипел, как вода в котле.
Всадники в густеющей мгле
Прядали, как рыбы в волнах.
Напрягая взор, Надир-шах
Издали за сечей следил.
Видел он, как его стрелки
Алтынай заходили в тыл,
Как широкоперый клинок
Выпорхнул у нее из руки, —
Видел это шах,
Но не мог
Больше разглядеть ничего:
Тщетно птичьи очи его
Силились клубящийся прах
Желтым взором своим пронзить.

И не в силах был Надир-шах
Превозмочь неотвязный страх,
Думу жгучую погасить:
Что, когда ему не судьба
Называть Алтынай женой?
Что, когда его ястреба
Разлучили ее с душой?

И взмахнул Надир-шах камчой,
И коня своего пустил,
И помчал его конь туда,
Где бежала кровь из жил,
Точно полая вода,
Где свистели стаи стрел,
Где железо, скрежеща,
Сталь кромсала,
Где гудел
Круглый щит,
Где смерть с меча
Красное вино пила...

От меча ушел Надир-шах,
Чудом у него на плечах
Панцырь золотой уцелел;
Чудом с головы не слетел
Золотой пернатый шипак;
Плача по тетиве,
Стрела
Шаха не свалила с седла...
Он с коня сошел невредим,
И джигиты его пред ним
Расступились,
И в яму, вниз,
Перестали стрелы метать,
И, увидев, что предпринять
Собирается Надир-шах,
Изумились,
И в яму, вниз,
Помогли спуститься ему.
Озирается Надир-шах
И бледнеет.

Мнится ему,
Что недобрый он видит сон.
Над израненной Алтынай
Низко наклоняется он
И кладет под голову ей
Руку трепетную свою,
Не отводит желтых очей
От лица ее,
Говоря:

«Встань!
Я лепетную твою
Речь услышать хочу.
Я жду, —
Встань, прекрасная, как заря!

Без тебя я горел в аду.
Приоткрой мне твой светлый рай.
Алтынай! Очнись, Алтынай!»

Приоткрылись, как лепестки
Белой розы,
Словно дыша,
Веки Алтынай;
И в зрачки
Вылетевшая было душа
Медленно вошла.
И тогда
Распахнулись веки;
Глаза
Вспыхнули, как двойная звезда,
И с ресниц ни одна слеза
Не скатилась.
Гневом горя,
Шаху прямо в лицо смотря,
Молвила батыр Алтынай:

«Мы только раз живем на свете, о шах!
Ты для меня раскинул сети, о шах!
Отрежь мне голову! Не мучай, добей!
Меня позорят пути эти, о шах!

О горе! Город мой разрушат враги!
За очагом очаг потушат враги!
Жен обесчестят, растерзают мужей,
Угонят скот, детей задушат враги!

Ни на земле, ни за могилой, о шах,
Не стану я твоею милой! О шах,
Отрежь мне голову! Не сломишь меня
Ни жалостью, ни грубой силой, о шах!»

И тогда он вот что сказал:

«Я воздвиг для тебя не дворец, а храм
С башнями золочеными по углам.
Я тебя не убью. Будь моей женой!
Душу я повергаю к твоим ногам.

Жгучих ран своих гневом не растравляй.
Жизнь прекрасна. Живи, моя Алтынай!
У табибов моих — сундуки лекарств,
Самые драгоценные выбирай!

Знаешь сама: я — великий шах Надир.
Под моими стопами трепещет мир.
Разве я не достоин твоей любви?
Шаха держишь в плену, Алтынай-батыр!»

И под сень своего шатра
Перенес ее Надир-шах.
Не смыкая глаз, до утра
Он сидел у нее в ногах;
Утром в колесницу свою
На пуховики положил,
Слугами тридцатью шестью
Лучшими ее окружил,
Повелел в столицу свою
Раненую отвезти;
Приказал тридцати шести
Знахарям отправить фирман:
Пусть, мол, снадобья кипятят,
Пусть, мол, в оба они глядят,
Чтоб на теле у Алтынай
Шрамов не осталось от ран.

В полдень кончилась битва.
Шах
Пленным головы сам рубил,

Кровь из жил горячую пил,
С брызгами ее на усах
В город Арыслана вступил,
Этих — полонил,
Тех — убил,
Город превратил в костер,
Стер с лица земли его,
Эль на пять частей разделил,
Утвердил свое торжество,
Кошмы на земле расстелил,
Той устроил
И потом
В стольный город свой ускакал
На лихом
Коне вороном.

В стольном городе своем
Праздновал победу Надир.
Долго длился разгульный пир,
Долго в золотых пиалах
Красное играло вино,
Много было сожжено
Саксаула в очагах,
Много сварено в котлах
Мяса было для гостей,
Прежде чем Надир-шах вошел
К пленнице прекрасной своей.

Он сказал ей:

«Мой престол
Выше всех престолов стоит,
Мой венец, как солнце, блестит,
Велика держава моя,
Беспредельна слава моя...
Но — увы! — от жгучих обид

Под узорной этой парчой
Сердце нестерпимо болит.
Кто тебя в твой черный час
Пожалел и от смерти спас?
Кто платил золотой казной
За бальзамы для тебя?
Кто, тебя как душу любя,
Изнывает в тиши ночной?
Для кого ты дворец в тюрьму
Превратила?
О, почему
Ты не хочешь меня любить?
Горе, горе мне!
Я своей любви
Не могу, не могу избыть!
Ни в хмельном вине,
Ни в людской крови
Не могу ее потопить!»

И сказала так Алтынай:

«Вырви прочь из сердца любовь.
Режь меня,
Вот нож,
На, убей!
Все равно,
Повторю я вновь:
Я не стану женой твоей!»

Крикнул шах в неистовстве ей:

«Покорись!»

И долее жить
Алтынай не могла,
И в грудь
Нож хотела вонзить себе,
Чтобы наперекор судьбе

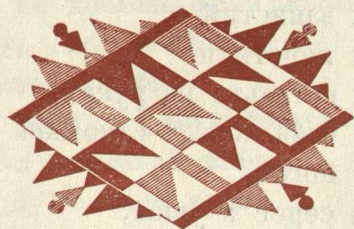
Смертный путь, широкий путь
Страждущей душе проложить.

Но костлявой рукой своей
Шах за локоть ее схватил.
И призвал палачей:

«Скорей
Отымите нож у нее,
Вместо шелка на плечи ей
Грязное накиньте тряпье!
Ни запястий,
Ни перстней
Не оставьте на руках,
Ни сафьяновых сапожков
На ногах,
Ни серег в ушах,
Ни на шее бус дорогих.
Наложите вместо них
На руки — аркан погрубей,
На ноги — цепи потяжелей,
А на шею — колодку ей
Выберите потесней!
Вы садитесь на коней
И на озеро Корык
На ремне тащите ее,
Пусть ее прекрасный лик
Опалит пустынный зной,
Только жизнь щадите ее;
И пускай она пасет
У Корыка мой скот,
Пускай
Средь рабов рабыней живет
Благородная Алтынай!»

И на озеро Корык
Отвели ее палачи.

А теперь — замолчи, язык!
Отдых дай ушам!
Замолчи, —
Все равно всего не споешь,
Как бы ты не подвел певца!
И хороший сказ —
Не хорош,
Если нет у него конца.

ПЕСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ну-ка, струны я натяну,
Про великую войну
Сказ начну!

Эй, друзья, отворите слух!
Эй, друзья, укрепите дух!
Сталь о сталь опять застучит,
И стрелу расколет стрела,
Разобьется чеканный щит,
И шишак не защитит
Побледневшего чела.
Вам услышать предстоит
Клики палачей,
Стоны матерей,
Плач детей!

Ваши взоры истомит
Страшный вид
Бесчисленных ран,
Перед вами —
Крови рудой
Море-океан
Забурлит!
Суртайша, калмыцкий хан,
Со своей ордой
На великий бой,
На грабеж идет
В Туркестан.

Тяжек путь полугодовой,
Да зато —
Где вплавь, где вброд —
Перейден широкий Чирчик,
И Саркоп уже недалек.
Скалит волчьи зубы калмык,
И со свистом кривой
Клинок
Рассекает воздух степной:

«Спи, Саркоп, в степи золотой,
Крепче, город беспечный, спи, —
Бодрствуют калмыки в степи!
Спи, пока не ударят в лоб
Сорок тысяч верховых, —
Просыпайся тогда, Саркоп,
Одолеть попытайся их!»

Кончен путь.
Желанный приют
Обретя в оврагах глухих,
Отдохнуть
Калмыки дают
Низкорослым своим коням;

Не замеченные никем,
Ладят луки по целым дням,
Длинные арканы плетут,
Ханской воли ждут...

Между тем
Несравненная Гулаим,
Сделавшая Миуели
Местопребываньем своим,
Несравненная Гулаим,
Роза туркестанской земли,
Вседержительница сердец
Гулаим,
Пред чьей красотой
Даже самый лучший певец,
Пораженный немотой,
Двух стихов не может связать,
Позабыв, что стихом одним
Сделать мог бы весь мир немым, —
Несравненная Гулаим
Сорока подругам —
Седлать
Резвых приказала коней
И в сорокадневный поход
В горы следовать за ней:
Пусть, мол, жир с коней сойдет!

Поутру, чуть зардел восток,
Взяв мечи,
Кольчуги надев,
Крепость заперев на замок,
Слету сорок батыров-дев,
Следуя за Гулаим,
Вырвались на вольный простор
И рекою в сторону гор
Потекли по цветам степным.

Об отъезде их узнав,
Суртайша захохотал
И, захохотав, закатал
Выше локтя правый рукав.

«Просыпайся, город Саркоп!»

Трубный рев, как небесный гром,
Грянул.
Утренняя звезда
Канула за окоем.
Кинулась на запад стремглав
Многотысячная орда.

«Просыпайся, город Саркоп!»

Длинных копий частый лес
В клочья мелкие изорвал
Семь небесных покрывал.
Семистолпный смерч до небес
Над широкой степью встал.

«Просыпайся, город Саркоп,
Наступил твой последний час!»

Спит Саркоп и видит сны,
Приоткрыть не может глаз.
Чу! с восточной стороны
В город буря ворвалась.

Просыпаешься народ, —
Над тобой булат свистит,
Кровь детей, как водомет,
В воздух бьет
Из-под копыт.
Суртайша, калмыцкий хан,
От безвинной крови пьян,

Город, взятый им врасплох,
Словно решето, трясет,
Вот и катятся, как горох,
Головы к ногам Суртайши,
Тьмы недвижимых тел без души,
Как снопы, вповалку лежат,
И над ними осы жужжат...

Как же тут поступили шесть
Братьев пери Гулаим?
Неужели слово «честь»
Непонятно было им?
Плохо, видно, бай Аллаяр
Ты растил сыновей своих:
Страх внезапный всех шестерых
Одурманил, точно угар,
И на статных своих коней,
Статные, не сели они,
И не обнажили мечей,
И не полетели они
На врагов отчизны своей,
А забились в щели они;
И враги, от смеха трясясь,
Вытащили их из щелей,
Ослепили всех шестерых,
Повалили наземь, слепых,
И втоптали в красную грязь.

Увидав сыновей своих .
Втоптанными в красную грязь,
Охнул-вскрикнул старый бай,
Сел в седло, вооружась,
Сел и гикнул старый бай,
Свистнул, как молодой джигит,
Поскакал Суртайшу искать —
Кровь сыновнюю отомщать.

А по улице бежит
Кумачовая река:
До того река широка,
Что не перемахнуть коню,
До того река глубока,
Что доходит по грудь коню.

Со смертельной тоской в душе,
Жгучей ненавистью дыша,
Подъезжает бай к Суртайше,
Говоря:

«Эй ты, Суртайша!
Ты, калмык, — и блудник и тать,
Твой отец — и тать и блудник,
Я тебя, безумный старик,
Не желаю ханом считать.
Воин вызов с послом пошлет:
А войной пойдет
Через год;
С бою город взяв,
Не начнет
Головы рубить без суда.
Столько из-под людской пяты
Крови не текло никогда,
Сколько из-под твоей течет.
Ты — не хан,
И не воин ты,
А переодетый мясник.

Ты, видать, с пеленок привык
Свежевать овец да кобыл,
И теперь тебя веселит
Красной крови ужасный вид.
Самозванец!
Ты погубил

Сыновей моих шестерых.
Для тебя ли я холил их,
Для тебя ли я их берег!
Все-то я, бывало, гляжу,
Не продул бы их ветерок,
Солнце бы не обожгло, —
Прячу их себе под крыло...
Растоптал ты грубой пятой
Белокрылый выводок мой,
Погубил моих лебедят!
Люди добрые говорят:
«Вор всегда поживу найдет».
У тебя, бродяга и вор,
Нет ни совести, ни стыда,
Вот и бродишь из края в край,
Губишь тысячами народ,
Грабишь мирные города!»

Молвил так престарелый бай,
И ни слова ему в ответ
Хан от злости сказать не мог,
Будто проглотил невзначай
Острый рыболовный крючок.
Потемнел Суртайша лицом,
И зубами заскрежетал,
И по площади верхом,
Словно коршун, кружиться стал,
И обуглил своим огнем
Землю на три версты кругом,
И коня перед баем вдруг
Осадил, осатанев,
И, раздувшись, точно бурдюк,
Зарычал, как бешеный лев,
И лицо его, посинев,
Исказилось:
И красный зев,
Как жерло трубы, зазиял.

Хан рычал —
И костяк земли
Сотрясался,
Горы вдали
Содрогались,
И небосвод
Кое-где осыпаться стал.

Суртайша рычать устал
И закрыл огромный рот.

Отдохнул чуть-чуть Суртайша,
В руки взял свой лук-сурыжай,
Из колчана не спеша
Вытащил стрелу и сказал:

«Выходи стреляться, бай,
С восемнадцати шагов!
Приготовься! Я — готов!»

И назад попятился хан,
Словно перед схваткой баран.
Престарелый бай Аллаяр
В руки взял свой лук-садык,
Взял стрелу —
И в этот миг
Понял бай, что бесценный дар —
Крепость духа — утратил он,
Что погас его ярый пыл
И что смертный час наступил.
Жалом робости увязвлен,
Бай почувствовал, как прошел
Холодок по спине его
И как все его существо
Сжалось,
И до чего тяжел
Стал его тонкострунный лук...

Тут на Суртайшу он взглянул.
Видит —
Свой звонкострунный лук
Суртайша уже натянул!
Встрепенулся бай Аллаяр,
Сердце дрогнувшее скрепил,
Натянул из последних сил
Свой испытанный,
Свой тугой
Исфаганский лук-садык
И морщинистой щекой
К оперенью стрелы приник —
Стал приделываться...
И вдруг
Баю мнится, что вокруг
Обступили его стеной
И прикрыли крепкой броней
Праотцы-небожители,
Утешители и хранители,
И число их — семь,
А восьмой —
Дед его, Мухаммедов друг,
Праведник, великий пророк,
Взявший некогда у него
Сто жирнокурдючных овец,
Белорунных, тучных овец...

Выстрелил калмык — не попал,
Увидал, что его запал
Попусту пропал,
Впал в великий гнев
И, расвирепев,
Бросил наземь лук-сурыжай,
Приоткрыл свой огромный рот,
Обратился к баю лицом
И сказал:
«Твой черед!»

Стреляй —
И дело с концом!»

Хорошо прицелился бай,
А попасть — не попал:
Прошла
Мимо цели его стрела.
Побледнел от страха старик,
Бросил наземь свой лук-садык,
Обратился к старцам святым
И с обидой высказал им
Первое, что пришло на язык:

«Эй вы, праотцы! Стыд и срам,
Стыд и срам, пресвятые, вам!
Зря вы ходите по земле
В долгополых своих малле,
Зря вас держит на небесах
Многомилостивый аллах!
Скот у нас без отдачи брать —
Это вы могучие львы,
А чтоб нас в беде выручать —
Словно малые дети вы.
У врага святые, видать,
Больше смахивают на волков,
Чем на белорунных овец...
А что он,
Язычник и тать,
Предал смерти моих сынов,
Так уж это и не в зачет?
В море бед, несчастный пловец,
Вас я принял за крепкий плот,
Оказалось, что морок вы!
Нищий, мерзнувший в снегопад,
Думал я, — вы шахский халат,
Вижу: вытертый спорок вы!
Ищущий вершины туман,

Отыскал я ваш горный стан,
Глядь — вершковый пригорок вы!
Соколу — догнать бы врага,
Сбить его, и вся недолга;
У вороны — другая статья:
Только б снедью наполнить зоб,
Для чего ей врага сбивать?
Быстрая моя стрела
Не попала калмыку в лоб,
Не попала, не разнесла
На куски его головы!
Что вам стоило бы чуть-чуть
На лету стрелу повернуть!
Труссы вы, лежебоки вы!
Шли бы лучше своим путем,
Чем стоять на пути моем!
И чтоб не было и ноги
Вашей впредь у моих ворот!
Вам теперь и медной денги
От меня не перепадет!»

Озирается бай кругом —
Глядь-поглядь, а старцев нет:
Как пришли они всемером,
А восьмой — Алаяров дед,
Так все вместе и прочь ушли.

Озирается бай кругом,
А на площади городской,
И поблизости и вдали,
Ни тебе повести плечом,
Ни тебе шевельнуть рукой —
Тесно-тесно за рядом ряд
Тысячи калмыков стоят,
Тысячами узких очей
За единоборством следят.
Перед ними силой своей,

Вскидывая коня на дыбы,
Похваляется Суртайша.
Рот его, как жерло трубы,
Широко-широко раскрыт,
Смех его гремит,
Словно гром,
Камни в дальних горах кроша.

Над своим врагом-стариком
Издевается Суртайша:

«Веселей, старик!
Не бледней!
Голову подыми!
Не вздыхай!
Не робей!
Постыдись людей!
Подбодрись, именитый бай!
Ох, и жаль мне тебя, старик!
Видно, ты к почету привык,
А теперь...
Погляди кругом:
Над тобою смеются все.
Был ты быстроногим конем,
Хан дивился твоей красе...
Где твои копыта, глупец?
Ты на мир глядел с высоты,
Синеву небесную пил,
Легкокрылым кречетом был...
Что же с крыльями сделал ты?
Грудь твоя разбита, глупец,
Ты, старик, святых оскорбил,
И они стерпеть не могли
Поношенья своих седин...
Сорок тысяч нас,
Ты — один!
Где твоя защита, глупец?»

Жаль тебя, но чрево земли
Все еще не сыто, глупец!
Я шипящую кровь твою
На сухой песок пролью,
Я тебе перебью крестец,
В каждой ляжке твоей копьем
Продырявлю по окну,
Голову тебе отрублю,
А потом
За окоем
Туловище зашвырну!
Как ты сил ни напрягай,
Все равно тебе конец!
Баем впредь себя не считай,
Ты теперь Аллаяр-мертвец,
Волчьего желудка жилец
И червей караван-сарай!
Зря бурлишь!
Какой ты боец?
Не бойцом,
А беззубым псом
Ты прослыл бы в краю моем!
Так не суйся в неравный бой,
Не старайся казаться львом,
Не безумствуй, бывший бай,
Сдайся лучше мне живьем!»

Вспыхнув, как степной пожар,
Зычно крикнул бай Аллаяр:

«Проклят будь твой грязный язык,
Раб, шайтан,
Самозванный хан!
Если б даже и был велик
Твой неистовый океан,
Я и то бы в единый миг
Воды черные пересек.

Злись не злись,
А твой океан —
Смрадный пересохший арык!
Тут не нужен и разбег,
Просто перешагну через грязь, —
И отца у детей твоих
Нет в живых!
Что ты рот разеваешь?
Слазь,
Слазь, тебе говорят, с коня,
Выходи бороться, бахвал,
Становись напротив меня,
Я тебя сейчас — наповал!»

И сошел, халатом шурша,
С аргамака бай Аллаяр,
Посредине площади стал.

Спешился и Суртайша.
И кипели, как черный вар,
Сдвинутые брови его.
Он призвал рабов,
И его
Цепью крепкою в семь рядов
Опоясали семь рабов.
В поясице сгибая стан,
Словно тигр — величав и зол,
Кривоногий калмыцкий хан
Медленно
Вразвалку
Пошел.

Бай, стянув кушаком живот,
Голову пригнув, как бык,
Приближения хана ждет.
Хан идет, как гора велик;
Пена у него на губах;

Он уже в десяти шагах,
В девяти,
В семи,
В пяти...
Тут шагает бай
Вперед,
Хочет справа подойти, —
Хана не перехитрить никак!
Вот идет
Суртайша в обход,
Ан уходит по кругу враг.
Круг за кругом,
За кругом круг,
Круг за кругом —
Враг за врагом.
Так над лугом —
За кругом круг
Вьются птицы
За другом друг...

Вдруг —
Схватились!
Началась
Настоящая борьба,
В руку крепко рука впилась,
Сталь вокруг стали обвилась...

Пусть решается судьба!

Хан кряхтел —
Бай кряхтел.
Бай потел —
Хан потел.
Хан бледнел —
Бай бледнел.
Бай краснел —
Хан краснел.

Не слабели ни бай, ни хан.
Мнилось, был им один удел
На двоих судьбою дан.
В бешенстве толкались они,
Точно два верблюда самца,
В ярости кусались они,
Точно два лихих жеребца.
Но согнуть в бараний рог
Ни один другого не мог.

День прошел, за ним второй —
Продолжается борьба.
Борется гора с горой —
Грудь у груди,
Лоб у лба.

Пусть решается судьба!

Землю мощь борцов тяготит, —
На семь верст кругом
Ходит ходуном,
Гулким гудом земля гудит:
Топчутся на месте одном
Две плечистые горы.
Под ногами у борцов
Нет уже ни ям, ни бугров:
С ямами сравнялись бугры.

Наступает четвертый день;
Из Саркопа чередой
Ночь уводит за тенью тень.
Продолжается трудный бой,
Борется гора с горой —
Престарелый бай с Суртайшой.
От земли себя оторвать
Ни на пядь

Не дает
Ни тот,
Ни другой.

Пятый день борьбы наступил,
Солнце показалось,
И тут,
Брызжа пеной, словно верблюд,
Суртайша из последних сил
Ребра Аллаяру сдал, —
И они подались
И вдруг
Хрустнули.

Бай выдохнул кровь.
И тогда его, точно лук,
Начал гнуть Суртайша назад;
Гнул,
Гнул,
Гнул,
Пока головой
Тот своих не коснулся пят,
И сломал хребет становой
Баю побежденному хан.

Бай у ног врага лежал,
Стужей смерти обуян,
И глядел в небесную высь,
И на веках его дрожал
Отблеск меркнувшего дня,
Ледяные слезы лились
По вискам его снеговым;
Пробегала мелкая дрожь
По щекам его ледяным...
И промолвил бай, стняя:

«Дай мне хоть попрощаться с моей душой,
Дай мне хоть попрощаться с моей семьей,
Не спеши добивать меня, Суртайша,
Дай мне высказать слово земле родной.

О душа моя! Пищей твоей был мед,
Был твоим раем круг напрасных забот.
Миром не пресытись, покидаешь мир.
Горькая вдовица, прощай! Смерть идет.

О мои черноглазые сыновья!
Так и не отомстил вашей крови я.
Волчьей стаей смерть налетела на вас,
Стал добычей голодных волков и я.

О Саркоп, мой город, прощай! Пополам
Переломлен мой меч. Мир твоим садам!
Город, где я родился и где убит,
Встань, Саркоп! Кровь мою отомсти врагам!

Свет мой, душа души моей, Гулаим!
Слез не лей из черных очей, Гулаим!
Умер я сегодня в руках Суртайши.
Не тужи, прощай, прощай! О Гулаим!»

Ноги Суртайши целиком
В землю взрытую вошли:
Окаянный калмыцкий хан
Аллаяра поднял с земли,
Замахнулся им, как мечом,
И ударил о камень...

Гром
Всколыхнул пустыню кругом.

Тут к убитому хан приник,
Взял его рукой за кадык,

И, от радости дрожа,
Стиснул рукоять ножа,
Начал голову отрезать.

Кончив голову отрезать,
Встал с колен,
Облизал
Острого ножа лезвеё,
Голову за бороду взял
И, под солнце поднял ее,
Конникам своим показал.

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ

Эй, друзья, садитесь в кружок,
Слушайте певца, и — молчок!

Продолжается сказ о том,
Как поил кровавым дождем
Окаянный калмыцкий хан
Туркестанский желтый песок.

Жил да был в Саркопе батыр
По прозванию Отбаскан.
Был он, словно тополь, высок,
Словно горный утес, плечист
И, как месяц, пригож лицом,
Да не очень-то был речист
И поспать безмятежным сном
Дней по десять подряд любил.
Он подобен верблюду был:

В снег заляжет верблюд,
И тут
Зря погонщики слезы льют,
Зря его понукают-бьют —
Не желает верблюд вставать.
Точно так же и Отбаскан —
На кошму завалится спать,
Спит-лежит,
Арваном-арван,
Тут уже его не поднять.

В спячке он пребывал, когда
Навалилась на эль беда
И прекрасный город Саркоп
Захлестнул кровавый потоп.

Спит батыр,
А в юрту к нему
Ворвались калмыки ордой,
Мягкую, точно пух, кошму
Тащат из-под него долой,
Насмерть из-за его добра
Режутся,
Кричат и вопят,
Груды золота-серебра
Черной кровью своей кропят...
Крик да шум кругом,
Гам да гром —
Спит батыр непробудным сном.

Вынули калмыки ножи,
Резать спящего принялись —
Равномерно дышит батыр,
Ничего не слышит батыр.
Кинули калмыки ножи,
За секиры свои взялись:
Пот горячий льют,

В сто секир,
Ухая, батыра секут;
Порассекли кожу, и тут,
Наконец, проснулся батыр,
Крякнул, потянулся батыр,
Глянул —
Небо над головой!
Остов юрты цел,
Да на нем —
Ни кошмы!
А кругом — разбой!
А кругом — враги!
Вскочил,
Точно потревоженный лев,
Отбаскан — саркопский батыр,
Впал в великий гнев и схватил
Звонкий многопудовый меч,
Меч свой добрый, за рукоять
И пошел пришельцев кромсать,
Головы разбойные сечь.

Налетел на вражеский стан,
Как буран,
Батыр Отбаскан.
Чести эля, чем только мог,
Тем со славой и послужил:
Тела своего не щадил,
Собственной души не берег,
И его булатный клинок
С плотью много душ разлучил,
Много порассек шишаков,
Много броней перекроил,
Много ястребов превратил
В обезглавленных петухов.

Целую неделю батыр
За родимый эль воевал,

Целую неделю весь мир
Доблестью своей удивлял,
А когда неделя прошла,
Кровь из холодеющих ран
У него перестала течь,
И коснулась его чела
Длань изнеможенья,
И он
Уронил свой тяжелый меч
И упал на землю ничком.

Торжествуя, калмыцкий хан
Взять его повелел живьем,
И — как над подстреленным львом
Обнаглевший мушиный рой —
Засновали враги над ним,
И забился в петле тугой
Отбаскан, великий батыр.
Тут, никем не руководим,
Потеряв последний оплот,
С песней горестной на устах
Безоружный восстал народ.

За темничной крепкой стеной
Изнывает батыр в цепях,
И народ растоптан пятой
Окаянного Суртайши.
Длится в городе волчий той,
И разбой идет.
И грабеж.
И лютует калмыцкий хан,
По Саркопу гуляет нож,
Вьется гибкой змеей аркан,
Рыщет ханский несытый взор
По загонам да по дворам,
Прядает калмыцкий топор
По воротам да по дверям,

Расшибает впрах сундуки,
Золото лопата гребет,
Связывает веревка тюки,
Длинный бич погоняет скот.

Превращает калмыцкий хан
Жителей Саркопа в рабов,
Город — в дымный пламень костров.
Светлые мечтанья — в дурман,
Шелест шелка — в кандалный звон,
Слово «родина» — в тяжкий стон.
Днем и ночью гонит калмык
Пленников своих на восток.

С цветником расстался цветок,
С соловьем расстался цветник,
С песней разлучился язык,
Звезды — с небом,
С луною — ночь,
Конь — с приколом,
Лебедь — с гнездом,
Со вдовицей-матерью — дочь,
Сирый сын — со вдовым отцом.

Ударяет первый мороз.
Плачет, задыхаясь от слез,
И бредет по пескам седым
Благородная Аксулу —
Мать красавицы Гулаим;
Горя ледяную стрелу
В старом сердце своем несет,
Море бед переходит вброд,
Долу клонится, как трава,
Говоря такие слова:

«Счастье не стало верным слугой моим.
Разлучилась я с городом дорогим,

Цепи рабства — раба средь рабов — несу.
Гибну я, — все мы гибнем, огнем горим.

Жены — мужей, мужья потеряли жен.
Даже капли воды мой народ лишен.
О создатель, что мы сделали тебе?
Острый меч Суртайши блестит, обнажен.

Кречет изранен стрелами злых обид,
Резвый скакун лишился крепких копыт.
В чем, о боже, виновны мы пред тобой?
Муж мой, с кем я всю жизнь прожила, — убит.

Гневом ты согрешил, как и мы грешим.
Смерть судил ты моим сынам шестерым,
С милой дочерью ты разлучил меня,
О, направь на следы мои Гулаим!

Окажите ей помощь, о семь святых —
Семь светильников рая, семь золотых
Путеводных звезд, семь щитов, семь клинков,
Отомстите мученья сынов моих!

Жизни наши спасите, отцы мои,
Цепи наши порвите, отцы мои,
На супостатов низведите огонь,
В уголь их превратите, отцы мои!

Косы мои седые треплет буран,
Пал на слабые очи мои туман...
Я на дорогу днем и ночью гляжу,
Плачу кровью глубоких сердечных ран:

Где спасительница моя Гулаим,
Исцелительница моя Гулаим,
Мстительница, воительница моя,
Утешительница моя Гулаим?»

Аксулу причитала так,
И народ,
Которого гнал
Одержимый злобою враг,
К причитаниям Аксулу
Голос свой присоединял.
И в единый немолчный стон
Скорбные слились голоса,
И от жалости небосклон
Потемнел,
И его краса
Потускнела...
Ветер кружил
Ослепляющий очи снег;
Пленники Суртайши без сил
Падали на ледяной песок;
Сборищем недужных калек
Сильный обернулся народ.
Истомил его тяжкий гнет,
Горе надломило хребты,
И пяты
Великих невзгод
Растоптали его цветы.
Суртайша, убийца и вор,
Неоглядный степной простор
Превратил в погост и тюрьму.
На противящихся ему
Он замахивался мечом,
И валились люди кругом,
Как деревья под топором.
Видя это, хан ликовал.
На привалах для очагов
Ямы рыть он повелевал,
Под котлы свои, вместо дров,
Ставил малых детей
Стоймя

И глядел, как звезды очей
Вытекают из их глазниц.

Толпы матерей и отцов
Стаей всполошившихся птиц
Устремлялись на помощь им.
Суртайша, убийца и вор,
Знак давал палачам своим,
И расстреливали народ
Ханские палачи в упор.

Хан руками, как в барабан,
Бил в трясущийся свой живот,
Хохотал, похвалялся хан,
Говоря:

«В счастливый час
Во главе несметных сил
Я покинул, ополчась,
Стольный город свой Мушкил.

Я откормленным коням
Не давал передохнуть,
По горам и по степям
Проложил широкий путь.

Я для вражеских племен
Стал вершителем судеб,
Неказненных — взял в полон,
Несоженный отнял хлеб.
На Саркоп я бросил рать,
Я поверг в огонь и лед
И заставил трепетать
Голодающий народ.

Как пшеницу жеребец,
Я его батыров грыз,

И над множеством сердец
Мой кровавый меч навис.

Я народное добро
В тысячу тюков связал,
Под девятое ребро
Детям я копьё вонзал.

Я над миром длань простер.
По ложбинам кровь течет,
Кровь течет по склонам гор,
По вершинам кровь течет.

Будто ангел Азраил,
Стадо пленных на убой
В стольный город свой — Мушкил
Я гоню перед собой.

Всех оставшихся в живых
Приведу на Ак-Дарью,
Утолю я кровью их
Жажду лютую свою.

Я себе поставил цель
И, смеясь, достиг ее —
Вот и пью блаженный хмель,
Яркокрасное питье!»

Слыша эту похвальбу,
Истомившийся народ,
Бьющийся, как сокол в сетях,
Переменчивую судьбу
Проклинал в бескрайных песках,
Проклинал врагов,
Стенал,
Брел в цепях по степям седым,
Горевал народ, вспоминал,
Призывал свою Гулаим,
Говоря:

«Девица она,
А уж как смела и сильна!
Средь своих сорока девиц,
Как тарлан-орлица она
В стае молодых соколиц.
Если разъярится она —
Гору перерубит клинком.
На коне примчится она —
Суртайшу потопчет конем.

О, ударь его по глазам
Смертоносным своим крылом!
Поспеш по моим следам,
Гулаим,
Кровинка моя,
Поникает за окоем
Солнце моего бытия.
Разразись, гроза, над врагом,
Желчью хана землю поя!
Проколи проклятому грудь
Искрометным копьём своим!
Как бы ни был труден твой путь —
Выручи меня, Гулаим!

Встанет ли гора до небес,
Разрастется ли частый лес —
Для тебя преграды нет!
Ниспадет ли густой туман,
Разольется ли океан —
Для тебя преграды нет!
Обернется ли мраком свет,
Черной падью — горный хребет —
Для тебя преграды нет!
Да умрет палач-людоед!
Принеси мне воды живой,
Да воспрянет родимый твой,
Уводимый в рабство народ!»

И народ расспрашивал птиц,
Улетающих на юг:

«Скоро ли своих соколиц,
Сорок милых своих подруг,
Дочь моя на бой поведет?
Скоро ли спасения мед
Поднесет к моим устам?
Скоро ли на грудь мне прольет
Свой целебный бальзам,
Возвратит плененных сирот
К незабвенным их очагам,
Приведет моих сыновей
В город молодости моей?»

Отвечали птицы:

«Не плачь,
Не рыдай, гонимый народ, —
Солнце и для тебя взойдет.
Сорок дочерей твоих
На конях —
Где вскачь,
Где влет —
Поспешат по твоим следам,
И клинки мечей боевых
Зазвенят-заблестят в ночи,
Вражью кровь на песок прольют...
А когда совершится суд,
Эти доблестные клинки
Трижды благословит певец.
Хану — смерть,
И плену — конец.
Ты восставишь высокий кров
И затеплишь яркий очаг
На священной земле отцов.
Мир тебе во веки веков,
И да будет проклят твой враг!»

Скованный по рукам и ногам,
На убой гонимый, как скот,
Но непокоренный народ
По глухим пескам,
По немых тропам
Шел, сопротивляясь врагам,
Задыхался от жгучих слез,
Ждал народ свою Гулаим
И в истерзанном сердце нес
Веру в будущее свое.
Измывался палач над ним,
Но не мог его побороть,
И впивались в живую плоть
То стрела,
То меч,
То копьё...

Расстелила смерть по земле
Цепкую и крепкую сеть,
Души ловит в беззвездной мгле, —
Душам не уйти от ловца.

Горько, горько, друзья мои,
О страданиях народа петь, —
И немеет язык певца...

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Нам запевки петь — недосуг,
Мы помчимся, друзья мои,
В горы, на заснеженный луг;
Возвратимся, друзья мои,
В тесный круг
Сорока подруг,
Сорока сестер Гулаим;
Подивимся, друзья мои,
Силе и красоте ее;
Постоим, друзья, поглядим,
Как сверкает солнечный блик
На мече, на щите ее,
Как весельем пылает лик
Этой красавицы Гулаим,
И заслуженную хвалу
Статной дочери Аксулу
В умилении воздадим.

Травы приминая в степях,
Снежный прах
Взметая в горах,
Сорок дней и сорок ночей
Вдалеке от своей земли
Сорок девушек провели.
Сорок дней и сорок ночей
Радовались воле своей,
Закаляя борзых коней
И участь науке войны.

Молвит, наконец, Гулаим:

«Ну-ка, милые, поглядим —
Хорошо ли закалены
Ваши резвые скакуны,
Поглядим — на что вы годны!
Время ветру подставить грудь,
Время, сестры, в обратный путь!»

Мчатся девушки на конях,
Привставая на стременах,
Стрелы звонкие вдаль меча,
Плотный воздух рубя плеча.

Мчится Гулаим впереди,
Актамкера камчой хлеща,
И неведомо ей самой,
Отчего у нее в груди
Сердце храброе, трепеща,
Полнится тревожной тоской,
Отчего за слезой слеза
Набегает ей на глаза?

Чем быстрее скачет она
И чем ближе город Саркоп,
Тем сильнее плачет она,

И горит Гулаим, бледна,
Словно утренняя луна,
Бьет ее озноб,
Влажен лоб,
Руки у нее — точно лед;
Стонет Гулаим, слезы льет...
Сорок девушек ей кричат:

«Что с тобой, сестра, погоди!»

Мчится Гулаим впереди,
Не оглядывается назад,
Сорок девушек мчатся в ряд
И не могут ее догнать.
Лебеди в Египет летят
И не могут ее догнать.
На чужбину издалека
Снежные бегут облака
И не могут ее догнать.
Конь храпит, грызет удила —
Хоть устал, да не пристаёт;
Гулаим не сходит с седла,
Не даёт коню отдохнуть.
Пышет запад красным огнем —
Гулаим продолжает путь.
Молкнет степь, ни души кругом,
Стелется вечерняя мгла —
Гулаим не сходит с седла.
Ночь-вдовица черным платком
Занавешивает небосвод —
Гулаим не сходит с седла.
Мучась нетерпеливой тоской,
Бьет коня камчой,
Слезы льет...

Конь дрожит, на дыбы встает,
Чует запах крови людской.

В льдистом вихре, в снежной пыли
Первый луч сверкнул над землей.
Гулаим на Миуели
Прискакала ранней зарей.

Огляделась она вокруг —
Вскрикнула...
Прямой, как стрела,
Стан ее согнулся, как лук.
Стремена потеряла вдруг,
Выронила поводья из рук
И, лицом, словно снег, бела,
Замертво упала с седла.

Здесь был враг.

Песок перерыт
Множеством копыт.
У ворот
Раздувает ветер степной
Черный иноземный шатер.
На воротах стальной запор
Весь в царапинах.
Вбит в замок
Иноземный кривой клинок
И оставлен так.
Враг не мог
Сбить замок и запор сломать,
Крепость Гулаим разметать, —
Загрязнил островной песок
И ушел без добычи вспять.

Здесь был враг.

Словно труп,
На земле Гулаим лежит,

С лепестков побелевших губ,
Со стрельчатых ее ресниц
Резкий ветер сдувает снег.

Чу! Земля дрожит!
Сорок посестрин,
Сорок соколиц Гулаим
Серебристый взметают прах,
Прилетают в снежных столпах,
Спешиваются на скаку
И, ломая руки, в слезах
Окружают Гулаим,
Распростертую на снегу:

«О сестра, очнись, отзовись!
Горе нам!
В Саркопе враги!
Черный день пришел!
Помоги,
Помоги нам, сестра!
Очнись!»

Девушки рыдают,
Скорбя
О родимом крае своем.
И, услышав стенанья их,
Причитанья-рыданья их,
Забытье свое одолев,
Гулаим приходит в себя,
И все ярче огнем живым
Разгорается взор ее.
Озирается, словно лев,
Опирается на копье,
Подымается Гулаим
И с увещеваньем таким
К сорока подругам своим
Обращается, говоря:

«Юницы-батыры, сестрицы мои,
Подружки мои, соколицы мои!
Утешьтесь, не плачьте, не мучьте себя,
Мы — вместе, мы — ветви единой семьи!

Крепитесь! Настал испытания час,
А вы проливаете слезы из глаз.
Да будут глаза ваши сухи, не то
И камень расплачется, глядя на вас...

Не лучше ли стан свой стянуть кушаком
И — на конь, чтоб вихрем лететь за врагом,
К седлу прирасти хоть на месяц пути,
Без усталости мчаться и ночью и днем.

В Саркоп! — если город еще не сожжен
И в городе враг... Если двинулся он —
Догоним в пути, перебежим, истребим,
Оставшихся вживе — захватим в полон!

Не плачьте, батыры, и смело вперед!
Нам кони — надежда, мечи — наш оплот.
Коль родичей наших угнал Суртайша,
Мы выйдем на бой и умрем за народ.

А если он станет рабом Суртайши —
Как дикие звери в пустынной глуши,
Мы воем на сирой земле изойдем...
Батыр без народа — что плоть без души.

А вы, тридцать девять, и ты, Сарбиназ,
Не пламя, а слезы струите из глаз,
Меж тем как в оковах томится народ,
Который Сатырами вырастил нас!»

Девушки в ответ Гулаим
Говорят:

«Прости нам, сестра,
Слезы наши:
Смутились мы,
Растерялись мы в трудный час.
Ты пред нами — батыр-гора,
Мы перед тобою — холмы.
Не кори нас, о Гулаим!
Научи,
Как нам быть теперь.
Мы сердца свои укрепим,
Больше ни слезы не прольем,
Разгоримся твоим огнем,
В том огне мечи закалим,
Прикажи умереть — умрем!»

Смоляные брови свои
Гулаим свела,
Точно два крыла.
Грозный вид она приняла
И сказала так:

«Не беда,
Если плачет кровью джигит
И на сечу потом спешит,
А беда, говорят, когда
У джигита не кровь-руда,
А вода по жилам бежит!
Хан — отсохни его рука! —
Вбил в замок воровской клинок,
Выбейте клинок из замка!
Отомкните замок тугой,
Отведите засов стальной,
Распахните створы ворот

И в твердыню Миуели
Чередой
Войдите за мной.

Здесь мужали мы и росли,
Чтобы лечь костями за народ,
Здесь, вдали от зла, провели
Не один безмятежный год.
Земно поклонитесь гнезду,
Где окрепли ваши крыла,
Крепости воздайте почет,
Сорок верных моих подруг;
Выкопайте стрелы в саду
И возьмите из тайников
Сорок драгоценных кольчуг,
Сорок несравненных клинков,
Сорок золотых шишаков,
Сорок луков, сеющих страх,
Бьющих за девятьсот шагов,
Сорок седел о стременах
Среброзвучных, как соловьи,
Снаряжайтесь в дальний поход
И — вперед, орлицы мои,
Милые сестрицы мои,
На врага, за родной народ!»

Девушки в ворота вошли,
Поклонились Миуели,
Корму задали коням,
Сорок тысяч стрел принесли,
Ополчились на страх врагам,
Снарядились в дальний поход.

«Помните! — батырам своим
Гулаим сказала еще. —
Тот, чье сердце не горячо,
Кто на поле чести не смел,

У кого ни меча, ни стрел —
Тот не настоящий батыр.
Кто во славу земли своей
Кречетом не кинется в бой —
Тот не настоящий батыр.
Кто не глух, но для чьих ушей
Слово «родина» звук пустой —
Тот не настоящий батыр.
Кто не слеп, но для чьих очей
Степи отчие не милей
Зарубежных тучных полей —
Тот не настоящий батыр!»

Ярко блещут шишаки,
На ветру щиты гудят —
Через Красные Пески,
Строй держа по восемь в ряд,
Сорок соколиц летят,
Сорок девушек верхом
Следом за своим вожаком
Скачут в город напрямик
И широкие пески
Озирают из-под руки.

Погулял с топором калмык
По широким Красным Пескам,
С кровью красной пополам
Красный прах смешал —
И ушел.
Не было здесь прежде холмов,
Место было ровным, как пол,
А теперь —
Не пройти коням:
Воронье снует по холмам,
Сложенным из мертвых голов,
Мясо мертвое клювом рвет,
Очи мертвые жадно пьют,

Бьет крылом
О кровавый лед
И шакалов на той зовет...

Здесь — растоптанные конем,
И обугленные огнем,
И заколотые копьем
Крепко спят на мерзлой земле.
Там, как тополя на юру,
Чуть покачиваются на ветру
Задохнувшиеся в петле.
Там — белеют кости в золе...

Не тарлан-орел,
Озирая дол
С победоносной высоты,
Острым взором ищет врага.
Побелевшие свои
Гулаим сжимает персты,
Онемевшие свои
Гулаим кусает персты,
Острым взором ищет врага.

От Саркопа за три версты
Осадив коня на скаку,
Гневом заглушая тоску,
Гулаим с высоты седла
Смотрит на сожженный дотла,
Мертвый, разоренный Саркоп,
Снегом запорошенный Саркоп,
На пустынные берега
Сонной, обмелевшей реки,
Где тому сорок дней назад
Пели у костров рыбаки;
На заброшенные луга,
Где не видно более стад, —

Смотрит Гулаим на Саркоп,
Острым взором ищет врага.

Враг ушел и угнал народ.

И на стременах привстает
Гулаим,
И на стременах
Сорок девушек привстают,
Кони их за единый мах
Три последних версты берут.

Здесь был город.
Во всю его ширь
Протянулся пустырь сплошной.
Щебнем завалило пустырь,
Занесло зыбучей золой.
Где саркопцы?
Где кузнецы,
Гончары,
Батыры,
Купцы,
Медники,
Оружейники,
Знать?
Ни души нигде не видать.

Только псов одичалых вой
Да шакалов унылый плач
Нарушают мертвый покой
Круглой площади городской...
Здесь кровавой своей рукой
Невиновных казнил палач.

Гулаим ожидать ее
Приказала спутницам здесь

И, сойдя на землю с седла,
Отдала им щит и копьё,
Только меч с собою взяла
И пешком, в одиночку,
Весь
Город не торопясь обошла.

И негромкий шорох шагов
Гулаим услышала вдруг,
И потряс ее этот звук.
Услыхала людскую речь
И схватилась она за меч —
И увидела стариков,
Шедших с заступами в руках
И носилками на плечах
Предавать земле мертвецов.

Но сынов Адама признать
В этих сумрачных стариках
Сразу Гулаим не могла.
Мнилось ей:
Седая зола,
Битый камень,
Горбы руин,
Прах и тлен
Породили их —
Слабых, высохших и больных,
И в рабов превратили их
Страх-везир и смерть-властелин —
Одарили своим тряпьем
Из сокровищниц гробовых.
Каждый шаг им стоил труда.
Голод высосал кровь из жил
И лишил их последних сил.
Пошатнулся один из них
И со стоном упал...
Тогда

В этих выходцах из могил
Гулаим признала живых.
И, носилки наземь сложив,
Старики потянулись к ней,
Будто ветра слабый порыв
Листья желтые сбил с ветвей
И погнал по нищей земле,
По земле родной,
По крови людской,
По золе...

Горше несмышленых детей
Старики рыдали, прильнув
К маленьким рукам Гулаим —
Белым голубкам Гулаим,
К розовым перстам Гулаим —
Десяти цветкам Гулаим,
И, прильнув к рукам Гулаим —
Аравийским львам Гулаим,
К молнийным перстам Гулаим —
Десяти мечам Гулаим,
Старики обратились к ней
Со словами таких речей:

«Гулаим, о Гулаим,
Сколько мощи в твоих руках!
Будь защитой нам,
Отомсти врагам,
Сокрушившим твой город впрах!
Всеблагой аллах головой
Выдал нас калмыцким богам.

Погляди на город Саркоп:
Здесь гулял Суртайша в гостях,
Пировал на людских костях.
Свист разбойный да конский топ
Не смолкают у нас в ушах.

Всех угнал Суртайша в Мушкил,
Нами только и пренебрег,
Храбрости джигитов лишил
И согнул их в бараний рог.
Веришь ли ты нам, Гулаим?
Львы Саркопа, наши сыны —
Саимбет-стрелец,
Еримбет-храбрец,
Шеримбет-гордец,
Баимбет-батыр, муж войны, —
Говоря:

«Мы побеждены»,
Голову склонили пред ним.
Хмелем ярости одержим,
Суртайша, как верблюд-самец,
Разъярился и растоптал
Всех, кто не покорился ему.
Пал в честном бою твой отец.
Баем и богачом он был,
А родимый город любил,
Не в пример своим сыновьям,
Недостойным братьям твоим,
Этим шестерым хвастунам,
Этим бражникам шестерым,
Этим шестерым блудникам,
Не посмевающим поднять мечей
Ни во имя земли родной,
Ни во имя чести своей.
Где же ты была в этот час,
Ты и сорок твоих подруг?
Почему, о свет наших глаз,
Не пришла ты на помощь нам?
Повело ли твой крепкий лук,
Сломан ли твой меч пополам?
Если ты батыр — отточь
Неиспивший крови булат,

Сорок девушек ополчи
И веди на город Мушкил
И не возвращайся назад,
Прежде чем не выпьешь до дна
Чаши славы в стане врагов.
Ратный подвиг превыше сил
Ты, дитя, совершить должна.
Помни:
Груз позорных оков
Твой народ влечит.
Сокруши
Крепость ханскую.
Задуши
Суртайшу.
И грудь Суртайши
Рассеки ножом.
Из груди
Вырви сердце и псам швырни.
Полоненных освободи,
Призывают тебя они.
Если ты возвратишь народ
На святую землю отцов,
Имя Гулаим не умрет
На устах грядущих певцов».

Гулаим при этих словах,
Как сосновая смола,
Загорелась жарким огнем;
Раскалившийся добела
Меч сверкнул у нее в руках;
Сорок верных подруг своих
Громким голосом позвала.
И призыв еще не затих,
А уже на конях лихих
Подоспела дружина к ней.
Тут, при виде батыров-дев
И буреподобных коней,

Так воскликнули старики,
Руки над головой воздев:

«О, не уезжай, Гулаим,
Не простив нам дерзких речей!
Обезумели мы от слез,
Превратились в малых детей —
Вот пустое и говорим.
Верим — ты отомстишь врагу,
Дух твой мощен, рука тверда,
Перед Суртайшой
Никогда
Не останешься ты в долгу.
Ночью заплутаешь в степи.
Утро вечера мудреней.
Прикажи расседлать коней,
Расстели кошму и поспи.
Завтра выроем шесть могил,
Предадим земле шестерых
Малодушных братьев твоих:
Старый бай на битву спешил,
Не успел их похоронить.
Жизнь людская — тонкая нить,
Бурей налетит Азраил...
И скажи нам, кто совершил
Все, что замышлял совершить?
Посети могилу отца —
Он любил тебя, Гулаим,
Призывал тебя до конца.
Не был он в народе любим,
И никто не плакал над ним.
Порыдай над прахом родным,
Над злосчастным твоим отцом.
Увенчал его Азраил
Мученическим венцом.
Суртайша становой хребет
Баю старому сокрушил...»

Гулаим сказала в ответ:

«Отрекаюсь от шестерых
Малодушных братьев моих.
Я не стану их предавать
Этой многострадальной земле.
Пусть горит у них на челе
Срама и позора печать!
Пусть горит, пока воронье
Мясо их не склюет с костей,
Не размечет костей зверье
По седому песку степей.

Оскорбленной земли своей
Грудью не заслонившим —
Позор!
Отчему народу мечом
В битве не послужившим —
Позор!
Отступившим перед врагом,
Меч свой уронившим —
Позор!
Трусам, сдавшимся в плен живьем,
Родине изменившим —
Позор!

Даже от укуса змеи
У табибов лекарство есть.
Почему, о деды мои,
Нет у них от смерти лекарств!
Говорят, велик этот свет,
И бессмертные царства есть,
Где ни горя, ни смерти нет.
Почему, о деды мои,
Туркестан не из этих царств!
Покажите мне, где зарыт
Мой отец, убитый врагом.

Дайте мне поплакать над ним,
Ибо сердце мое горит
Нестерпимо жарким огнем!»

Плачет над отцом Гулаим:

«Дрожу, словно лист под грозой, и, дрожа,
Стенаю у смертного я рубежа.
Растерзано сердце, душа — без души, —
В могиле отец, и могила свежа.

Прости мне, отец, прегрешенья, — их тьмы!
О, как неразумны и ветрены мы!
Зачем я гранатовой роши твоей
Щитом не прикрыла с приходом зимы!

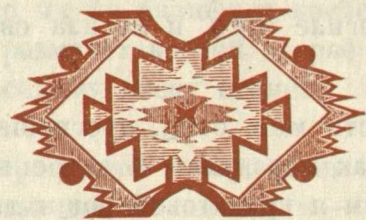
О, как я посмела расстаться с тобой!
Зачем ты оставил меня сиротой?
Зачем я гляжу на земные красы,
Дивуюсь на солнечный лик золотой?

Когда я с коня упаду — поддержи!
Уныньем, как тучей, укроюсь, — скажи:
«Дитя мое! К мести взывает Саркоп», —
И ринусь на вражеские рубежи.

Пусть кровь твоя в жилы мои перейдет,
Любовь твоя силы мои всколыхнет,
Рука твоя меч мне поможет держать!
Да будут свободны Саркоп и народ!»

Поздним вечером Гулаим
Знак дружинницам подала
Мановеньем белой руки —
Прянул Актанкер, как стрела...

Глянули вослед старики —
Никого, кроме них, кругом, —
Голубая клубится мгла,
Мелкий снег мелькает во мгле,
Спит Саркоп непробудным сном,
Спит, как мертвые спят в земле...

ПЕСНЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Жизнь — как мед, сладка,
Смерть — как желчь, горька,
Ханский плен —
Что могильный тлен,
Горше смерти злая тоска.
Кто погиб за народ — блажен.
Степь весенняя — хороша,
Хороша, пестра и светла...

Но еще метель мела,
Степь еще нема, и бела,
И страшна была.
Суртайша
Торопился в город Мушкил
И, полуослепших от слез,
Гнал саркопцев...
Пушистым льдом
Цепи их покрывал мороз,

Ветер их опалял огнем,
Смерть над ними склоняла лик...
И однажды, меркнувшим днем,
Хан столицы своей достиг.

Сотни сотен голов скота
Суртайша с разбоем пригнал,
Много пленных в свои места
Он перед собою пригнал;
Много утвари золотой,
Много шелка-парчи привез,
И от радости выл, как пес,
И великий устроил той.
И на той батыров позвал,
И стрелков позвал, и борцов,
И дутарщиков, и певцов.

Пировал и торжествовал,
Ликовал
Суртайша — бахвал,
И сказали гости ему,
Поглядев на пленный народ:

«Суртайша, скажи, почему
Не народ
У ворот,
А сброд?
Эти люди больны, бледны,
Босы, полубнажены,
Лица — ветром опалены,
Руки — за спину сведены.
Ты позвал нас в Мушкил на той,
Мы похвалим твой дастархан, —
В чем, скажи вперед, пред тобой
Провинились они, о хан?
Разве этот мирный народ
Мог бороться с твоей ордой?»

Плач сирот тебе нипочем,
И певец тебя назовет
Кровопийцей и палачом.
Отвечай, Суртайша, не трусь:
Разве человек — это гусь?
Подстрелю его,
Ошиплю,
Изрублю его,
Посолю,
Испеку, мол, и есть примусь?
Ты и нам, неправедный хан,
Жизнь устроил хуже тюрьмы.
Испокон веков Астархан —
Рыбаки — бороздили мы;
Скотоводы — свои стада
Мы пасли в привольных степях,
А с тобою — пришла беда,
Привела за собою страх.
С наших обнаженных степей
Ты не сводишь насытых глаз.
Тяжко нам под пятой твоей,
Ты поборами душишь нас.
Рыбаков ты лишил сетей,
Скотоводов —
Последних стад,
У голодных наших детей
Отнял ты ягнят и козлят;
Кровь с мечей
Твоих палачей
Хлещет с шумом, как водопад.
Мы — народ калмыцкий,
Ты — хан,
Мы — душа и плоть,
Ты — шайтан,
Вот что про тебя говорят.
Отпусти саркопцев, не то
К праотцам отправишься в ад!»

Обезумел калмыцкий хан,
Услыхав такие слова;
Стала у него, как шаман
Под венцом, трястись голова,
Заплясал язык между губ,
Засверкали волчьи клыки,
Посинел Суртайша, как труп,
Выронил бунчук из руки,
Ловит воздух открытым ртом,
Словно сом
На песке сухом.

Отдышался хан, заорал:

«Я на той вас, кажется, звал,
Вы же, выродки, ишаки,
Распускаете языки!»

Крикнул Суртайша:

«Палачи!»

Гикнул Суртайша:

«Палачи!»

И умылся кровью народ,
Льющейся и днем и в ночи.

Не один калмыцкий джигит
Был сожжен, замучен, убит
Или брошен в черный зиндан.
А саркопцев бешеный хан
Вешал, резал, железом жег,
Утолиться никак не мог.
Вот однажды ханский палач
Отбаскана в застенок ввел:
Руки связаны, бос и гол,
Тело в ранах...

Плачь, сердце, плачь,
Плачь, правдолюбивый народ,

Плачьте вы, седины мои,
Плачьте, словно весенний лед,
Плачьте над благородным львом,
Гибнушим от жала змеи!

Перед ханом и палачом,
Изъявленный огнем-бичом,
Отбаскан стоит недвижим,
И глумится палач над ним;
На его исполинский стан,
Холодея, косится хан:
«Что когда батыр Отбаскан
Цепи на себе разорвет?»
Суртайшу прошибает пот,
И робеет хан, и орет:

«А, драконье жало, ишачий помет!
Жизнь, видать, не сало, не кумыс, не мед!
Руки-ноги в струпьях, от болячек — смрад...
Хоть и жил ты мало — глянь-ка: смерть идет!

Много ли калыма старой заплатил?
Видишь клубы дыма — перья грозных крыл?
Это смерть-невесту сват-палач ведет,
На кошму любимой упадешь без сил!

Встретишь, раб строптивый, под пыткой зарю!
Слушай, шелудивый, что я говорю:
Со смиреньем хану в ноги поклонись,
И тебе, смутьяну, жизнь я подарю!»

От обидных этих речей
Так и вскинулся Отбаскан;
Грохоча железом цепей,
К хану двинулся Отбаскан;
Разъярясь, как раненый лев,
Он глазами его пронзил,
Но потом усмирил свой гнев
И мучителю возразил:

«Эй, ты, хан Суртайша, кривая душа,
Слушай, что я скажу, палач Суртайша:
Смерти не боюсь, тебе не корюсь,
Хоть прекрасна земля и жизнь хороша.

И пока еще мозг у меня в костях,
И душа моя в теле, как гость в гостях,
И пока твой палач не занес ножа,
Я держу свою правду зерном в горстях.

Твердой воли моей не сломаешь, пес,
Я, как знамя, ее с малолетства нес.
Не услышишь предсмертных воплей моих,
Не увидишь последних, кровавых слез.

Если б ты, Суртайша, справедливым был,
Ты бы подданных, словно отец, любил,
Не ограбил бы ты, не расслабил их,
А кипучие силы им в души влил.

Преходяще слепое счастье твое,
Ненадежно несправедное житье.
Час придет, и проснется народный гнев,
Заблистав, как булатное лезвье.

Гнилью станешь и в пыль превратишься ты,
А народ из погибельной темноты
Гордо выйдет на яркий солнечный свет,
Где ни рабства, ни вековой нищеты.

Изруби мое тело, казни меня,
Вырви сердце и печень, кляни, казня,
В чистом поле повесь — не боюсь петли,
Жги меня на костре — не боюсь огня!

Я плюю на разбойника Суртайшу!
Я плюю на разбойника Суртайшу!
Лью горячую кровь, на своем стою
И плюю на разбойника Суртайшу!

Потому что я правду свою вершу,
Потому что я кривду твою крушу,
Потому что я верен земле отцов,
Потому что служу ей, пока дышу.

Ты хоть лопни от злости — я не умру,
Раздоби мои кости — я не умру,
Очи выколи — буду, как сокол, зряч,
Ибо призван к отмщению и добру!

Если ж не по плечу мне благая цель —
Этой цели достигнет мой гордый эль.
Рассекающий камень — да рассечет!
Вижу славу родимой земли отсель!»

При суровых этих словах
Суртайша завыл, как шакал,
И в заплывших его глазах
Уголь ярости засверкал.
В бешенстве ногами суча,
Суртайша позвал палача,
И кровавый палач сплеча
Отбаскана нещадно бил,
Сек бичом, топором рубил,
Кости мраморные дробил,
Сухожилия медные рвал,
Раны кипятком поливал...
Лютовал всю ночь напролет,
А когда рассвет наступил,
Стер со щек своих желтых пот
И швырнул батыра в зиндан.

Насыщенный мщением хан
Восемь дней на тое гулял,
В золотую тыкву стрелял,
На могучих глядел борцов,
Слушал песни льстецов-певцов

И поил батыров своих
Из саркопских чаш золотых.

А когда утомился он,
Под престол повалился он
И заснул...
И увидел сон.

Хан проснулся —
Темен дворец.
Ужаснулся:
Ужель конец?

Разрывает ворот рука,
Кровь клокочет,
Слюна горька,
Бьется в горле тугой комок...

С пола встал, на ложе прилег.
Но не спится хану никак,
Все клубится кровавый мрак,
А в ушах неотступный звон...
Звон темничных ключей,
Звон цепей,
Звон мечей...

И призвал гадателя он
И сказал:

«Этой ночью мне
Сам шайтан явился во сне.
Душит,
Мучит,
Мясо крошит,
Ногти рвет
И кости крушит.
Вдруг я вижу птицу-орла:
По лицу меня полоснув,

Плещут яростные крыла,
Пред глазами —
Раскрытый клюв.
Чудище потом приползло,
Голову мне стало глодать...
Кликнул я родимую мать —
Ни души кругом, как назло.
Тут мне руки-ноги свело,
Пот холодный хлынул рекой...
Что за сон ужасный такой?»

Побелел гадатель как снег,
Взял кобыз дрожащей рукой,
С ханом затворясь ото всех, —
И пошел крутиться юлой,
И глазами дико вращать,
И по-страшному верещать.
А когда вошел в него джинн,
Он издал пронзительный стон
И воскликнул:

«Мой господин!
Я могу разгадать твой сон!

Могучий властитель затеял войну,
Саркоп разорен, и саркопцы в плену,
Тебя неотмщенные слезы сирот
Душили, когда отошел ты ко сну.

Орел распростер над тобою крыла.
Премудрый мой хан! То не птица была:
Отвага саркопских батыров тебе
Представилась в грозном обличье орла.

Батыры тебе отомстят, отомстят,
Они, как самум, на тебя налетят,
Их кони крылаты, их копыта остры,
Щиты и кольчуги, как солнце, блестят.

А чудище — черная совесть твоя,
Она и глодала тебя, как змея.
Прости, о пресветлый, раба твоего, —
Он плачет, кровавые слезы лия...»

На себе халат
Разодрав от горла до пят,
Хан рычит,
И дворец дрожит,
А гадатель навзничь лежит,
И протянут ко лбу его
Желтый указательный перст,
Гневом хан объят,
Красный зев отверст
Шире адских врат.

Люди говорят,
Что и утром хан бушевал,
Что и в полдень ярился он,
А в обед палача позвал,
И гадатель был умерщвлен.

День проходит, другой идет,
Хан меж тем не ест и не пьет,
Хан не ест, не пьет и не спит,
Бьет, как в бубен, в свой круглый щит —
И военачальников рой
На тревожный призыв спешит.
Суртайша говорит им так:

«Хочет враг
Мой ханский очаг
Ханской кровью моей залить,
Мозгом ханских моих костей
Волчий голод свой утолить,
Дорогих моих сыновей
Отчего престола лишить.
Будто я не великий хан,
А дитя колыбельных лет,

Будто наш воинственный стан
Бледной немочью обуян
И в Мушкиле батыров нет...

Слушайте мой ханский фирман:

Собирайте мои войска,
И да будет спутником вам
Слава моего бунчука:
Послужите мощи моей,
Мчитесь вихрем по берегам
Астархана — венца морей —
И, достигнув Дербент-горы,
Ждите: скоро нагрянет враг.
Стойте под горой до поры,
От горы назад — ни на шаг.
Я изменников не прощу,
С трусов по три шкуры спущу,
Страшной пыткой буду пытать,
Страшной мезтью отомщу».

И войска на Дербент пошли.

Содрогаются грудь земли,
Ходят вихри, вьется снег,
Ничего не видать вдали...

ПЕСНЯ ДВАДЦАТАЯ

Трудные пришли времена.
Кони ржут,
Звенят стремяна,
Льется кровь,
Становья горят,
Гибнут мирные племена,
Разоренный стонет край...
Догорает рдяный закат,
Кони ржут,
Стремяна звенят,
Не смолкает вороний грай.
Дочь Саркопа Гулаим
С боевым отрядом своим
Шла в такой густой темноте,
Где лисе — и той не пройти,
По такой крутой высоте,
Где и соколу нет пути,

Сквозь такие заросли шла,
Где и мыши не проползти.
Долго не сходила с седла
Девушка-батыр Гулаим —
По седым степям,
По крутым горам,
По густым лесам,
По снегам
Днем и ночью подруг вела.

Ночь редет, и бледный свет
Льется долу, как молоко...
Далеко Мушкил, далеко,
И конца переходу нет.
На лету Гулаим-батыр
Озирает пустынный мир.
От засыпанных снегом гор
Вплоть до моря —
Степной простор
Дымным пепелищем лежит,
Сиротой и нищим лежит.

О, кровавая стезя
Неминучей беды!

Нельзя
Счесть почивших последним сном.
На дорогах и у дорог
Спят-лежат в пуху снеговом
Те — без рук
А эти без ног,
Обезглавленные мечом,
Обесславленные палачом...

Поле поражения!
Твой вид
Сердце робкое леденит:

А батыр, взглянув на тебя,
О народе своем скорбит,
Отомстить клянется, скорбя,
Соль народных слез,
Желчь обид,
Ссадины от жгучих плетей,
Смерть батыров
И плач детей.

Гулаим, соскользнув с седла,
Поле бранное обошла,
Возле каждого мертвеца
Причитала, слезы лила,
И легла на ее чело
Ночь печали.
Потом в седло
Прянула она, как стрела,
И помчались, как вихрь, за ней
Сорок стрел, покинувших лук,
Сорок смелых ее подруг.

Прискакали они к морским
Берегам,
И открылся им
Животрепещущий сапфир
И колеблющаяся вязь
Волн.
Тогда Гулаим-батыр,
К девушкам своим обратясь,
Молвила:

«Орлицы мои,
Спутницы-сестрицы мои,
Здесь мы остановим свой бег,
Восстановим силы свои.
Жалко мне, что я человек:

Прянуть бы в морские струи.
Плыть бы мне напрямик в Мушкил
Змеем водяным
И врасплох
Взять врага...
Нам стольких сил
Стоил наш некороткий путь,
Что его прервать мы должны
У границы вражьей страны.
Пастбища степные щедры,
Здесь дадим коням отдохнуть.
Спешимся,
Раскинем шатры.
Но не станем сиднем-сидеть,
Будем по сторонам глядеть,
Всю окрестность мы облетим,
Что за местность — мы поглядим...»

Так промолвила Гулаим,
И по слову старшей сестры
Сорок верных ее подруг
Белые разбили шатры
И, освободив от подпруг,
Разнуздали потных коней,
Спать легли.
А ранней зарей,
Сев на быстролетных коней,
Понеслись по степи седой...

А в степи, как тяжелый дым,
Снежный столп стоял над землей.
И воскликнула Гулаим,
Привставая на стременах:

«Девушки-сестрицы, вперед!
Изымите из сердца страх,
Мшенью наступает черед!»

Актамкер полетел стрелой,
Степь — и та рванулась за ним,
А в седле джигит удалой —
Азраил — батыр-Гулаим.

Грозно пред лицом Гулаим
Загудел костер снеговой,
Туча, словно тяжелый дым,
Закружилась над головой,
По глазам бичом ледяным,
Злобствуя, хлестнула пурга:
Длинной чередой
По степи седой
Шел большой караван врага.

И передового с седла
Гулаим на скаку сняла,
Разрубила его клинком
И других разить начала.
Был ужасен праведный гнев,
Озаривший ее лицо.
Сорок девушек, налетев,
Караван замкнули в кольцо.

Астарханские берега
Кровью вражеской окропив,
Наступив
На горло врага
В сталь обутой, твердой стопой,
Гулаим увидела вдруг
Ханских пленников пред собой:
Руки — связаны за спиной,
Ноги слабые — в кандалах,
А на лицах — смертельный страх.
Сорок девушек и одна
Пленных бросились обнимать;

Каждая из них, словно мать,
Ласкова была и нежна.
Крепко целовали — живи!
Раны врачевали — живи!
На измученные сердца
Проливали бальзам любви.
А потом огонь развели,
Верблюжатины принесли,
Облитые жиром куски,
Щедро посолив, испекли.

И саркопские старики
Говорили:

«От злой судьбы
Златокованным щитом,
Львиной храбростью своей
Ты прикрыла нас, Гулаим.
Слуги мы тебе и рабы.
Вы, друзья по плену, скорей
Снаряжайте караван,
К трудному готовьтесь пути:
Суртайши разбойничий стан
Гулаим поможем найти!»

Слышен гул негромких речей,
Мерный звон мечей и стремян:
День и ночь — семь дней и ночей —
По степи идет караван...
И в начале восьмого дня,
Высока и, как мир, стара,
Рдяный небосвод заслоня,
Показалась Дербент-гора.
И от той горы напрямик,
В правой — меч, а в левой — щит,
Мчится на саркопцев калмык,
Суртайши лихой джигит.

А за этим джигитом вслед —
Ни конца ей, ни краю нет, —
Словно полая вода,
Льется ханская орда.

Мчится, словно ветер степной,
Гулаим:

«Подруги, за мной!
Плен Саркопа калмыцкий хан
Дорогой оплатит ценой!»

Сшиблись конные — меч о меч,
Покатились головы с плеч.
В воздух ввинчивались пращи,
Воя, скрещивались мечи,
Небосвод почернел
От пернатых стрел,
Снег — от обезглавленных тел.
Сорок девушек и одна
Думали: победа видна —
Поредели вражьи полки,
Притупились вражьи клинки...
На поверку вышло не так:
Пуше раззадорился враг,
В бой бросает за ратью рать,
Не желает зря умирать.
И еще всю ночь до утра
Сотрясалась Дербент-гора.

А когда совсем рассвело,
Увидала Гулаим,
Что батырам ее троим
Роковую свою печать
Наложила смерть на чело.
И тогда, боясь потерять

Над рассудком власть,
Закричать,
Замертво упасть,
Гулаим с седла
Тяжело сошла,
Вниз лицом на снег,
Застонав, легла,
Косы расплела,
Говоря:

«Не надо мне хлеба, не надо огня,
Ни света, ни мрака, ни ночи, ни дня!..
Кровавый разбойник, палач Суртайша
Похитил батыров-сестер у меня!

Ответьте мне, где вы, сестрицы мои,
Бесстрашные девы, орлицы мои!
Во имя отчизны в неравном бою
Вы, храбрые, пали от жала змеи.

Клянусь благодатного солнца лучом,
Желанной победой и верным мечом,
Дочерней любовью к Саркопу клянусь —
Мы скоро в Мушкил черноюртый войдем!»

И пока причитала так
Над подругами Гулаим,
Черной злобой одержим,
Грозный враг
Собрал в кулак
Разобщенные полки,
На саркопцев лавой пошел,
Кровью переполняя дол.

Гулаим рубила сплеча,
Била, стаскивала с седла
Диких ратников Суртайши.

Пролетала, конем топча
Их растерзанные тела.

Дева храбрости — Сарбиназ
В этом незабвенном бою
Сотни сотен и сотню раз
Обагрила кровью их
Смуглую десницу свою.

Поглядим на остальных
Соколиц — сестер Гулаим,
Храбрым девушкам воздадим
Всенародную хвалу,
Рядом с ними в бой пойдем,
От шоломов их золотых
Меч, секиру, копье, стрелу
Отведем
Крылатым стихом.

Бой гремел семь дней и ночей,
Стало тесно от мертвых тел.
И никто семь ночей, семь дней
Не поил, не кормил коней,
Сам не пил, не спал и не ел.

На исходе восьмого дня
Силы стали ослабевать:
Гулаим валилась с седла,
Сарбиназ давила броня —
Стало трудно им воевать.

А калмыцкого вожака
Разбирает страх и тоска,
И рука у него дрожит —
В чистом поле наверняка

Тысяч более сорока
Воинов убитых лежит.
Да и Гулаим не могла
Соколиц своих убересть:
Трех подруг обезглавил меч,
Семерых задела стрела.

А когда рассеялся мрак
И девятый день наступил,
Кровью истекающий враг
Сталь булатную иступил.

Что, калмык, иль спишь наяву?
Пальцы, что ли, тебе свело?
Отчего под тобой седло
Словно битое стекло,
Сил нет натянуть тетиву?
Не ложится в прицел стрела,
Пика — во сто пуд — тяжела,
Меч твой сломан, потерян щит,
Кровью твой шишак залит.

Зарыдал калмыцкий вожак,
Бросил меч и промолвил так:

«Говорили тебе, дурак Суртайша,
Зря затягиваешь кушак, Суртайша!
Не губи народ, не готовь себе гроб,
Не ходи на Саркоп, ишак Суртайша!

А теперь твоим воинам — души прочь,
Прямо в зубы шайтану, в огонь и ночь,
А теперь нас повергла во прах и страх
Золотого Саркопа грозная дочь.

Да сгниешь ты живьем, да сгоришь огнем,
Сам сожрешь ли себя — слезы не прольем,

Не устроим поминок, устроим той,
На твоём погребеньи плясать пойдём!»

Вытер слезы, тяжело вздохнул,
Меч свой поднял, в ножны вложил,
Ханских ратников повернул
От Дербент-горы на Мушкил.

Гулаим с отрядом своим
Долго их по степи гнала —
По снегам голубым,
По тропам глухим...
Отступающих Гулаим
Голыми руками брала.
А когда исчезли из глаз
Низкорослые кони их,
Гулаим и Сарбиназ
Повернули спутниц своих
И помчались к Дербент-горе,
Где теперь тишина была,
Где в крови, на серебре, —
На широком снежном одре,
Мертвые лежали тела.
Гулаим велела найти
Раненых батыров-сестер,
Приказала разбить шатер
И в шатер их перенести.
Девушки сновали вокруг
Изнемогших своих подруг,
Словно ласточки над водой.
Развязав тугие ремни
Обагрённых кровью кольчуг,
Нежно врачевали они
Раны тяжкие семерых
Дорогих подруг своих.

Трёх погибших в этом бою
Под горой они погребли

Вдалеке от Миуели,
В чужом неприютном краю.

Говорит Гулаим-батыр:

«Павшим — вечный покой и мир.
Славу их людская молва
Разнесет по стране
Родной.
На могилах этих весной
Разрастется плакун-трава.
Ох, и тяжело мне, горько мне!»

И еще такие слова
Произносит Гулаим:

«Из смертного плена не вырвать подруг.
В обители тлена ни встреч, ни разлук,
Ни гнева, ни скорби, ни света, ни тьмы...
О сестры, я плачу: редеет наш круг.

Земля холодна, тяжела и черна.
Да будет, подруги, вам пухом она.
В обители смерти рождается жизнь,
Печалью крепка и слезами сильна.

Редеет наш круг. Но за родину-мать
Не жалко и юную душу отдать.
И мертвые с нами, о сорок подруг!
И что нам, бесстрашным, калмыцкая рать!»

Тут склонились ниц
До земли
Сорок девушек-соколиц,
Сорок молний Миуели.
Говорит саркопский старик,
Бывший пленник Суртайши:

«Не горюй, Гулаим-батыр,
Мужества тоской не круши.
Обрати на меня свой лик,
Не гляди, что я стар и сир,
Я душой и телом не слаб.
Если нужен слуга и раб,
Дай мне знак, прикажи, пошли, —
Я пойду хоть на край земли!»

Говорит ему Гулаим:

«Отправляйся к моим врагам.
В черноюртый город Мушкил.
Ты в оковах томился там,
Слезы лил, бедовал-тужил,
Ты стада калмыцкие пас,
Ты калмыцкий знаешь язык,
У тебя наметанный глаз...
Отыщи в укреплениях лаз
И проникни в город, старик!
Много там саркопцев найдешь —
Обними их, поведай им,
Что вослед за собою ждешь
Избавительницу Гулаим.
Передай саркопцам: иду!
Расквитаюсь я с палачом!
Не рукой беду разведу,
А копьём, стрелой и мечом».

И ушел посланец в Мушкил...
В это время закат остыл,
И укрылись девы в шатры
У подножья Дербент-горы.

Вечер зажигает звезду,
Землю прикрывает щитом...

А о том, что было потом,
Завтра я рассказ поведу.

Вечер зажигает звезду,
Время заглушает беду...

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Пожелайте, друзья мои,
Следа верного — ловцу,
Мирной пристани — пловцу,
Судей праведных — истцу.
Долголетия — бойцу,
Сына доброго — отцу,
Утешения — вдовцу,
Просветления — глупцу,
Исцеления — слепцу,
Погребения — мертвецу!
Пожелайте, друзья мои,
Вдохновения — певцу!

Потерял овец чабан —
Рыщет-ищет чабан овец.
Затянул певец дестан —
Где, друзья, дестану конец?

Эй, чабан, гляди не спи —
Волки рыщут по степи!
Эй, певец, гляди: народ
Окончанья дестана ждет.

На созвучье молкнет стих —
Нарождается другой.
Народился и затих.
И летят за роем рой
Хлопотливые стихи,
Торопливые стихи,
Говорливые стихи,
Словно пчелы по весне;
Белым облачком вьясь,
Разлетаются, народясь,
По степной стороне,
По земле родной;
Встречных не пытаются они —
Скоро им конец или нет?
Спросишь их — не знают они —
Умер их певец или нет?

И летят за роем рой
Торопливые дни,
Хлопотливые дни...

Много раз над Дербент-горой
Солнце красное росой
Умывалось поутру,
И обонюл земли в туман
Погружалось ввечеру
С той поры, как свою сестру
Бросил на произвол судьбы
Хорезмиец Арыслан.

Он, обиду в душе тая,
Многие объездил края

И приют себе отыскал
Средь негостеприимных скал
На горе Дербент у ручья.

На охоту батыр ходил,
То верхом скакал,
То пешком бродил,
За семьсот шагов наповал
Горных туров убивал,
Сам добычу свеживал,
Мясо красное пек в золе
Вместо вертела —
На стреле,
Сам чинил свой саженный лук,
Обходился один, без слуг,
Вел беседы с конем сам-друг,
Вспоминал Хорезм, тосковал,
Проклинал постылый привал,
Говоря:

«Ох, и тошен мне, горькому, белый свет!
Мне бы стоном стонать, да болезней нет...
Хоть бы ты провалилась, Дербент-гора!
Дел всedневных моих — бесполезней нет...»

Как же вышло так?
Почему
Вместо меда и вина
Пьет он воду из ручейка,
И стоит над ним тишина,
И терзает сердце ему
Неотвязная тоска?

Нет, не знает бедный батыр,
Что всему виной шах Надир
И везир его Кулымсай.

Некому батыру сказать,
Что его злосчастная мать
Умерла у шаха в плену,
Что разграблен родимый край,
Что сестра батыра пасет,
Как простая рабыня, скот,
Что давно его дом родной,
Башнями касавшийся звезд,
Под кровавой шахской пятой
Пал
И превратился в погост.

Миновало много дней,
Миновало много ночей
Безысходной скуки скучней,
Мрака преисподней мрачней.

Все на свете Арыслан
Отнял у самого себя.

Спал батыр.
Так орел-тарлан
В клетке спит тяжелым сном;
Спит, живую душу губя,
Спит, чтоб жизнь скорей прошла,
Спит, чтоб ослабели крыла,
Чтоб не видеть,
Как блестит
За решетчатым окном
Солнца искрометный щит;
Спит орел тяжелым сном,
Чтоб не слышать,
Как шумит
Воля-вольная кругом,
Как скрежещет и звенит
Цепь железная на нем...

Спал батыр — и странный звук
Сонным слухом услышал
Сердца собственного стук,
Заглушенный звон мечей,
Смутный зов родной земли.
То ли это пел ручей
Где-то меж безлюдных скал...

На ноги батыр вскочил,
Ржавую кольчугу надел,
Из ручья коня напоил
И в седло золотое сел.
И неведомо почему
Просиял его бледный лик,
И неведомо почему
Просветлела его душа,
И, взлетев на Кара-Шарык,
Где охота так хороша,
Горных коз,
Хмелея от слез,
Арыслан погнал под откос.

Утром следующего дня
Он к седлу приторочил дичь
И спешит,
Горячит коня,
Пожелав до первой звезды
Своего зимовья достичь.
День еще в середине,
А он
Спешивается у горы.
Что же это?
Явь или сон?
Снега белого белей
У горы белеют шатры —
Стая белых лебедей,

Пересекшая море вплавь.
Что же это?
Сон или явь?

Арыслан подходит к шатрам
И не верит своим глазам,
И приподымает слегка
Полог бóльшего шатра,
Белоснежную кошму,
Легче птичьего пера;
И дрожит, дрожит рука,
И отходит полог, скользя,
И горит батыр,
И нельзя
Полной грудью вздохнуть ему,
И в шатер заглянуть ему
Страшно-страшно,
И смотрит он,
Смотрит —
И нестерпимый жар
Проникает в грудь ему;
Смотрит он,
Полуослеплен,
Видит — бел изнутри шатер,
А на белом —
Розы лежат,
Нет, не розы,
Зори лежат,
Нет, не зори,
Девы лежат,
В боевых доспехах лежат...
Смотрит, смотрит —
Слезы дрожат,
У него во взоре
Дрожат, —
Вот и кажется,

Что в шатре
Розы или зори лежат,
Не в кольчатом серебре —
В ледяном уборе
Лежат...

Красота одной из них
Воздвигалась, как небосвод,
Над глубоким покоем вод,
Млечно-розовых, золотых;
И лицо ее, как фонарь
С восковой свечой,
Сквозь янтарь
И рубиновое стекло
Проливающей лучи,
Безмятежно и светло
Брезжило в окрестной ночи.

Живописцы нашей земли
Терли тушь семь лет подряд,
Припасли, как говорят,
Тьмы наитончайших кистей,
Но изобразить не могли
Этих смертоносных бровей,
Этих чернострельчатых ресниц —
Верного оружия вежд,
Охраняющих сон зениц.

И, лишась последних надежд,
Арыслан кошму опустил,
Приказал себе: погоди!
В знак покорности на груди
Руки сильные скрестил,
Восемь раз шатер обошел,
Разум свой, как меч, заострил,
Нужные реченья нашел,
Громозвучно заговорил:

«Жалок я и безумен. Кремнист мой путь.
Вы меня отравили. Я ранен в грудь.
О луноподобные в белом шатре,
Помогите мне! Я не могу вздохнуть.

Кто вы? Луны, лебеди, розы — кто вы?
Джинны, девы, горные козы — кто вы?
Если вы бессловесны — подайте знак:
Звезды, пери, гибкие лозы — кто вы?

Камни глодал я, огонь глотал, к вам взывал.
Копья ваши сверкают меж черных скал,
Кони ваши копытами рубят лед...
Горе мне! Сотрясается горный вал!

Молвите имя старшей своей сестры,
Я не ведаю — злы вы или добры,
Все равно! Осудите на смерть — и я
Камнем брошусь на камни с Дербент-горы!»

А в шатре,
О друзья мои,
А в шатре спала семья
Соколиц Миуели,
В эти снежные края
Прилетевшая издали.

Услыхала Гулаим
Арыслана протяжный клик,
Услыхала —
И в тот же миг
Сон свой сладкий разогнала,
И прекрасный лик подняла,
И вскочили девушки с мест,
Кто — с мечом,
Кто — с копьём...

Выбегают босиком,
Озираются окрест.

Догадался Арыслан,
Что за девушки перед ним,
Обессилел, точно от ран,
Поглядел на Гулаим —
Хоть вина не пил, а пьян —
Задохнулся, побледнел,
Пошатнулся, бел, как мел,
И, любовью одержим,
Добежал
До черных скал
И на белый снег упал.

Долго он лежал недвижим,
А когда, едва дыша,
Возвратилась к нему душа,
Он увидел у самых глаз
Некий пламень ледяной —
Серебряный, голубой
Меч воительницы Сарбиназ.

Сарбиназ ему говорит:

«Если ты калмык — встань, джигит,
Вызываю тебя на бой!
Я с тобой рубиться хочу.
Трепещи!
Вот
Мой
Меч.
Имя этому мечу —
Голова-Долой-С-Плеч!»

Арыслан улыбнулся ей —
Будто золотом одарил;

Засветилось его лицо,
Слезы потекли по лицу;
Стал он речь вести,
Что веночек плести,
Подбирать словцо
К словцу;

Так в ответ заговорил:

«Лебеди на север улетят весной.
Ледяную реку выпьет летний зной.
Мы еще успеем иступить мечи!..
Девушкам-батырам мой поклон земной!

Зимние метели гору замели.
Кто видал, чтоб розы на снегу цвели?
Мы поспорим после; расскажите мне,
На кого покинут ваш Миуели?

Чем я провинился, что судьбой гоним,
Что моей печали гнет невыносим?
Долго я скитался и тебя искал.
Здравствуй! Протяни мне руку, Гулаим!

Тайной поделиться я ни с кем не мог.
Робости и гнева я равно далек.
Ты мне душу ранишь, Сарбиназ-батыр!
Бойся кровью брата обагрить клинок...»

Девушки наперебой

Говорят ему:

«Встань, джигит!»

А другие:

«Джигит, лежи!»

Третьи:

«Кто ты, джигит? Скажи!»

А четвертые:
«Что с тобой?»
Пятые:
«Не ранен ли он?»
А шестые:
«Он невредим!»

Над батыром со всех сторон,
Словно солнечные лучи,
Блещут боевые мечи.
Звон стоит кругом,
Лязг и гром,
Птичий гомон стоит кругом:
«Что с тобой?» да «кто ты такой?»

Несравненная Гулаим
Размыкает их шумный круг,
Отстраняет рукой подруг,
И рука у нее дрожит...

Гулаим говорит:

«Встань, джигит!»

Арыслан встает
Пред возлюбленной своей,
И чуть слышно журчит ручей
Среброзвучных ее речей:

«Метель запекает, и кружится снег,
И слезы бегут у меня из-под век.
Как звать тебя? Кто ты? Высоких небес
Жилец иль такой же, как мы, человек?»

В глазах твоих тайная радость видна
И горе... А речь поговорок полна...

Ты не жил в Саркопе... Откуда, батыр,
Ты скромные наши узнал имена?

Ты плачешь? Гляжу я и в толк не возьму —
О чем, почему? Говоришь — не пойму,
Что хочешь сказать... Успокойся, не плачь!
Как слезы бегут по лицу твоему!»

Арыслан говорит в ответ:

«Быстрокрылым я был — и лишился крыл,
Резвоногим я был — и упал без сил,
Жил с людьми, был батыром, а ныне — кровь
Лью в пустыне скупой из негибких жил.

Клевета и позор мне на лоб легли,
Все отвергли меня, и года текли...
Тщетно смерть призывал я... О, горе мне!
Горе мне! Я лишился родной земли!

Был я лебедем. В сердце мое стрела
Красным углем вошла. Я сгорел дотла,
Но живу, и бессмысленна жизнь моя,
И напрасны пустые мои дела.

Яд изгнания мне изъязвил уста.
Я — казненный, но совесть моя чиста.
Я родился в Хорезме. Я — Арыслан.
Жизнь моя — нищета, пустота, тщета...»

Замолчал Арыслан-батыр.
И — полночной луны двойник —
Несравненный лик, белый лик
Благородной Гулаим
Светом внутренним просиял.

И выиграла ее душа,
Как ручей, рожденный меж скал,

Разливаясь, бурля, спеша
Вырываясь на простор...
Но ничем горделивый взор
Благородной Гулаим
Тайны сердца не выдавал,
Хоть и волновался в груди
Слез неистовый океан.

Приближаясь к ней, Арыслан
Говорит:

«Гулаим, во сне
Образ твой явился мне.
Душу горькую губя,
Я всю жизнь искал тебя.
Все пути к тебе вели.
Песней о Миуели
С наступленьем тьмы с ума
Соловей меня сводил.
И порой редела тьма,
И являлась ты сама,
Госпожа ночных светил.
За тобою сорок звезд
Следовали по пятам,
И меж нами зыбкий мост
Пролегал по небесам.
Словно лань, была дика
И робка моя тоска;
Был не шире волоска
Мост, соединявший нас,
И, пока на твой призыв
Я спешил, ни мертв, ни жив,
Твой прозрачный пламень гас,
Лик недостижимый твой
Исчезал за пеленой
Наступающего дня.

О, не покидай меня,
Роза неба, Гулаим.
Дети праха, мы гостим
Лишь однажды на земле.
О, не тай в рассветной мгле,
Подтверди словом одним,
Что когда-нибудь с тобой
Мы сердца соединим.
Не бледней, не улетай
Лебедем в далекий край!
Не кручинься, слез не лей,
Будь здорова, Гулаим!
Прочь разлуку, жизнь моя,
Молви слово, Гулаим,
Дай мне руку, жизнь моя!»

Руку маленькую свою
Подала Гулаим в ответ
И сказала:

«Руку даю —
Как поруку.
Тверда рука.
Тверже поруки нет.
Клятву даю —
Клятва крепка,
Крепче крепкого мой обет.
Нам разлуки нет!
Нам разлуки нет!
Нам разлуки нет!
Если ты земля — я луна.
Если ты океан — я волна.
Ты — гора-великан,
Я — горный туман,
Ты — желанный гость,
Я — дастархан.
И на вечные времена

Ты — мой муж, я — твоя жена.
Честь тебе и почет, Арыслан!»

Арыслан поцеловать
Милую свою захотел:
На глаза — печать,
На чело — печать,
На уста — печать:
Закрепить союз захотел.
Не позволила Гулаим
Черные глаза целовать,
Белое чело целовать,
Алые уста целовать:

«Люблю тебя, мой суженый, так люблю,
Что о своем девичестве не скорблю.
Жены своей возлюбленной не целуй.
Забывать любовь до времени я молю.

Завыли ветры буйные по зиме.
И ночь пришла, и кружится снег во тьме.
Едва бреду — не сладкий мед у меня,
А корка хлеба черствого на уме.

Я встретила влюбленного на пути,
А мне бы — друга верного обрести.
Мой сокол, подели со мной ратный труд,
Не мучь меня, избранник мой, не когти!»

Гулаим закончила речь,
Обнажила булатный меч,
В левую — поводья взяла
И легко вскочила в седло.
С хрустом закусив удила,
Конь послушный встал на дыбы
И рванулся в степной простор

На призыв боевой трубы,
И помчался, камчой гоним,
Через горные горбы.
А на нем — батыр Гулаим,
Леворучь — Арыслан-батыр,
А за ними — снежный буран,
А в буране — сорок подруг,
Буйным вихрем — на вражий стан...

Хан,
Ты слышишь ли посвист крыл?
Смерть летит за тобой в Мушкил.

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Говорит кобызу певец:

«Пой, кобыз громовитый мой,
О страданиях земли родной,
Пой, кормилец верных сердец!

Я с тобой —
Средь мертвых живой,
Без тебя —
Средь живых мертвец».

Лад найду.
Певучую речь
О былых делах поведу...
По степям седым,

По тропам глухим,
Где по снегу, а где по льду
Вспять уходит от жарких сеч
Дикая орда Суртайши.

Редкая борода Суртайши
Затряслась от гнева,
Когда
Возвратились в город Мушкил
Всадники без коней,
Пращники без пращей,
Меченосцы без мечей,
Лучники без луков и стрел,
Соколы без крыл,
Силачи без сил.

Суртайша рассвирепел,
Всех схватил, кто остался цел,
Всех схватил,
Посадил на цепь,
Никого не пускает в степь.

А саркопцев-пленников хан
Загоняет в загон, как скот,
Не дает воды ни глотка,
Не дает еды ни куска,
Злобствует, как дикий кабан,
Рвет и мечет,
В застенках жжет,
Бьет-калечит
Свой же народ;
Обезумев, берет в войска
Стариков и малых детей;
От коня высоких статей
До цыпленка — хватает все, —
И в народе говор идет:

«Родовое добро — отдай!
Золото-серебро — отдай!
И седло и узду — отдай!
И котел и сковороду — отдай!
Головной платок — отдай!
Из косы шнурок — отдай!
Рванный прадедовский чекмень,
Сыромятный гнилой ремень,
Сломанное колесо,
И халат и малахай —
Всё! Всё! Всё! Всё!
Всё постылому отдай,
Ничего не утай!

А, будь прокляты дни твои,
Хан-палач, тиран-истукан!
Иль пшеница тебе невпрок,
Что воруеть у нас бурьян?
Иль парча
Тяготит плеча,
Что неспряденной шерсти клок
Вырываеть из рук у нас?

Горе жить под ханом таким,
Под лихим шайтаном таким:

Кто бы нас от гибели спас?

Если б у ворот городских
Стали воины Гулаим,
С ними бой затевать — не нам,
В них из луков стрелять — не нам,
Копья в них метать — не нам!
Нам сказать бы им как друзьям:
«Смерть разбойнику Суртайше! —
Ну-ка силы соединим.
День пришел посчитаться с ним!»

День пришел, когда Гулаим
Вкруг мушкильских высоких стен
Шумный свой раскинула стан.

Стан раскинув, девы-стрелки
Сыпят стрелы на Мушкил.
Стены высоки,
Враг незрим.

Тих Мушкил.
Бог весть:
Много ли у казмыков сил?
Как счесть?

Девушка-батыр Гулаим
К самой крепости подошла,
Над челом
Подняла шелом,
Приложила ухо к стене
И слышала в тишине
Голос матери —
Вопль и стон,
Голос матери —
Плач и крик.

Он в сыром зиндане возник
И до слуха Гулаим
Сонным ветром был донесен.

К ледяным камням крепостным
Гулаим прильнула в слезах,
Захлебнулась в потоке слез...

Подбежал к ней Арыслан,
Подхватил —
И на руках

В белоснежный шатер отнес,
Обратился к милой своей
Со словами таких речей:

«Рыданья рвущиеся сдержи в груди!
Не смерть-губительница — жизнь впереди!
Воспрянь, бестрепетная, и свой народ,
В плену измучившийся, освободи!

Врага зазнавшегося мечом карай,
А слез невыплаканных — не выдавай!
Всей силой мстительности воспомяни
Пустыню страждущую — родимый край!»

И от этих слов — другим
Гулаим показался мир,
Будто прежние цвета
Возвратил ему Арыслан.
И припомнила Гулаим
С детства милые ей места —
Заросли в горах,
Ширь лесных полян,
И Саркоп,
И юрту отца,
И прекрасный Миуели,
И степной простор без конца,
С небом слившийся вдали...

Молнии меча из глаз,
Гулаим отдает приказ:

«На коней!
На этот раз
Враг не скроется от нас!»

Натиск был горяч и смел,
Грозен сорокогорлый крик.

Только мелкие черепки
Разлетаются дождем...

И калмыцкие стрелки
От чугунного дождя
В юрты прячутся, отойдя.

Гулаим говорит:

«Войдем!»

Входят в черноюртый Мушкил
И бросаются за врагом.
Здесь калмыцкий хан казнил
И саркопцев и свой народ.
Душный пар стоит кругом.
Вот тела казненных.
Одни
Перерублены топором
Пополам:
Эти напоминают пни.
У других ни ног, ни рук:
Эти напоминают слуг —
Коленопреклоненных,
С челом,
В пол упертым...

Груды голов
С пеной недосказанных слов
На полуотверстых устах,
С красной солью слез на глазах...

Виселицы о трех жердях...
Мертвые — и нет им числа!

Много, много на свете зла!

Далее уже не могли
Ханские полки отступить.

Шел

Бой

За каждую пядь

Каменной мушкильской земли,

Сталь не уставала сверкать,

Красные потоки текли...

Между тем батыр Сарбиназ,

Выполняя строгий наказ

Повелительницы своей,

Пролетела сквозь тучу стрел,

Невредима, пересекла

Копий вражеских частый лес

И сошла у ханских дверей

Наземь с боевого седла,

Как заря с престола небес,

И такую речь повела:

«Пристало ль батыру стоять у дверей
И ждать появления особы твоей?
Я послана мстительницей Гулаим.
Эй ты, Суртайша, выходи поскорей!

Склонись перед стягом Саркопа во прах,
Пока у тебя голова на плечах!
Престол твой железной рукой сокрушен,
Тебя не спасет ни шайтан, ни аллах!

Ты спишь, а в Мушкиле — бестрепетный лев,
Могучий вожатый воинственных дев.
Злодей, ты падешь от меча Гулаим:
Грозна ее мощь и велик ее гнев!»

Эту речь услышал хан
И, услышав, подскочил,
Как подстреленный джейран,

Меч схватил и засучил
Выше локтя рукава, —
Необут-неумыт
По дворцу бежит,
По дворцу бежит —
Весь дворец дрожит,
Валятся рабы, как трава.

Выбегает хан из дверей,
Перед ним стоит Сарбиназ.
Он взглянул на Сарбиназ,
И озноб его затряс,
И ногами он застучал,
И схватился крепче за меч,
Громким голосом закричал,
Непотребную начал речь:

«Потаскуха!
Ведьмина дочь!
Клещевитая овца!
Убирайся отсюда прочь!
Не погань дворца!

Как ты смеешь дерзкой рукой
Меч пред ханом обнажать?
Как ты смеешь ханский покой
Грубым словом нарушать?
Как ты смеешь хану мешать
Сон вкушать?

Худо знаешь, Сарбиназ,
Хана своего Суртайшу!
Вон отсюда сей же час,
А не то — задущу!»

Меч при этих наглых словах,
Точно молния в облаках,

Вспыхнул у Сарбиназ в руках,
И назад попятился хан,
Потому что взял его страх.

Тут посланница Гулаим
Зажимает сердце в кулак
И надменному хану так
Молвит голосом громовым:

«Эй ты, хан Суршайтан, закрой свою пасть;
Я ногами твою попираю власть.
Я — Саркопа несдавшегося посол,
Не тебе моей кровью напиться всласть.

Гулаим не желает народу зла,
И в столицу твою не затем вошла,
Чтоб народ неповинный карать-казнить
И обители мирные жечь дотла.

Не шути с Гулаим, кровопийца-хан!
Мы твой эль пошадим, кровопийца-хан,
Власть твою — сокрушим! Мы в степи хотим
Биться с войском твоим, кровопийца-хан!

Если скажешь: не ждал нападения — ложь!
Ты давно уже мстителей втайне ждешь.
Если скажешь: напали из-за угла! —
На колени падешь и как пес умрешь!»

В стан сестры своей Гулаим
Ускакала Сарбиназ,
И взъярился калмыцкий хан.
Диким бешенством одержим,
Побежал по покоям он,
Ничего кругом не щадил;
С диким лаем и воем он
Драгоценную утварь бил,

Ткани тонкие раздирал
И, очнувшись в конце концов,
На престол вскочив, заорал:

«Эй, позвать ко мне мудрецов!»

На призыв пришли мудрецы —
Лисы,
Лизоблюды,
Льстецы,
Прихлебатели
И лжецы.

Суртайша им сесть приказал
И такое слово сказал:

«Советники! Меркнет в глазах моих свет.
Мне воздуха мало. Мне роздыха нет.
Когда успокоится скорбный мой дух?
Куда мне уйти от бесчисленных бед?»

Войска у Дербента костями полегли.
Врага мы к покорности не привели.
А, будьте вы прокляты, сорок волчиц
Из грязного логова Миуели!

Что делать? Точить ли мечи поострей,
Иль сесть на коней да бежать побыстрей?
Как быть, посоветуйте, как поступить?
Престол мой в опасности: враг у дверей!

Еще меня мучит сомненье одно,
Как злой скорпион меня жалит оно:
Ужели сбывается вещий мой сон?
Изменишь ли то, что судьбой решено?»

Тут один из мудрецов —
Самый мудрый, самый седой,
Самый хилый, самый худой,
Говорит:

«О властитель мира, щит мой и покров!
Нам теперь, пресветлый, не до вещих снов.
Гулаим погибнет, но немало с плеч
Свалится дотоле удалых голов.

Наше дело — пытки, казни, грабежи,
Плети да удавки, пики да ножи.
Но, высокородный повелитель мой,
Можно ли иначе ханствовать — скажи?

Если ты наездник, жребий твой — седло.
Может быть, и правда, что, содеяв зло,
Черною печатью предстоящих бед
Мы себе мараем белое чело...

Не тужи, премудрый, не печалься так!
Повели народу подтянуть кушак,
Созови батыров, изостри свой меч, —
Будет опрокинут ненавистный враг.

А когда с победой мы придем домой,
Гулаим прирежем и устроим той,
Подати умножим, усмирим рабов...
Так я полагаю, повелитель мой!»

И тогда сказал Суртайша:

«Эта речь и впрямь хороша,
Я об этом думал и сам...
О друзья мои,
Вознесем
Жаркие мольбы к небесам,

Чтобы вам удача во всем
Ныне и до смерти была,
Чтобы в предстоящем бою
Воинов победа ждала.
Я судьбе, смирясь, предаю
Свой престол и душу свою».

Между тем батыр Сарбиназ
Мчалась на коне боевом,
Раздвигая копья мечом
И щитом оборонясь
От каленых калмыцких стрел.
По следам ее Азраил
Белостолпной бурей летел,
Крылья стер и отстал...
И вот
Сарбиназ подробный отчет
Благородной Гулаим
О посольстве своем дает.
Гулаим благодарит
Смуглолицую Сарбиназ
Наклонением головы
И, поблагодарив,
Говорит
Сорока подругам своим:

«О мои бесстрашные львы!
Суртайша, кровавый зверь,
Станет буйствовать теперь.
Не бездействуйте и вы.
Захватите город весь,
Дайте всем и пить и есть,
И пускай из веси в весь,
В град из града
Весть идет,
Что на свете правда есть,
И пускай вокруг меня

Собирается народ:
Вместе будем супротив
Злого хана воевать,
Да не будет мучитель жив!
Да исчезнет кровавый тать!»

Смуглолицая Сарбиназ
Двинулась выполнять наказ,
Тридцать девять других —
За ней
Устремили своих коней.
И остались на месте том
Арыслан с Гулаим вдвоем,
Первый раз —
Вдвоем с Гулаим,
В сладкий час —
Вдвоем с Гулаим...

Побелел Арыслан лицом,
А потом
Горящим крылом
Нетерпенье забило в нем,
И огонь забурился в крови,
И, не сдерживая любви,
Он прекрасную Гулаим
Заклучил в объятья свои.

Вдруг раздался гром в тишине:
На кудлатом скакуне,
Завывая, будто шакал,
Взвизгивая, как пес,
Предстал
Перед ними хан Суртайша,
Пасть разинул во весь оскал,
Захихикал, смрадно дыша,
И такие слова сказал:

«Я — хан Суртайша. Обойдите весь свет —
Сильнее меня повелителя нет.
Эй вы, голубки! Бросьте ласки свои!
Под виселицей целоваться не след!»

Грянул гром,
Раскололся мир,
И от милой своей батыр
Прочь отпрянул,
А Гулаим,
Белого полотна белей,
Алого кумача алей,
К Суртайше подошла,
Грозные глаза подняла,
Глянула на него —
И хан
Закачался, злобой горя,
И, собрав остаток сил,
Захихикал и загнул,
Непристойно говоря:

«Эй ты, пери Гулаим!
Может быть, повторишь со мной
То, что делала ты с ним?
Чем ходить на меня войной,
Лучше стать моей женой,
Понапрасну сил не трать,
Приходи ко мне во дворец,
Дай мне ручку, рядом сядь, —
Вот и будет вражде конец!»

Гулаим побелела так,
Будто выпили кровь ее,
И сказала:

«Ты — мой враг,
Ты — позор и горе мое!

Кровью ты залил город мой,
Душу мою окутал тьмой,
Дом соловьиный — вешний сад
Преобразил в кромешный ад,
Стужей дохнул на мои цветы...
Вот что со мною сделал ты.

Стала я пламенем, чтобы в нем
Испепелить тебя живьем.
Вор, ты украл у меня семью,
Родину сладостную мою,
Молодость радостную мою:
Ты обездолил мой народ,
Сделал вдовицей мою страну,
Держишь, кровавый сумасброд,
Горькую душу мою в плену.
Раб суеты,
Отец нищеты,
Вот что со мною сделал ты!

Я утолю жажду степей
Кровью нечистою твоей,
Смертной мукой тебя изведу,
И сокрушу твой престол во прах,
И растопчу твою орду!»

Суртайша при этих словах
То как мел
Становился бел,
То краснел,
Словно камень-лал;
Он и холодел,
И пылал,
И такие слова,
Наконец, сказал:

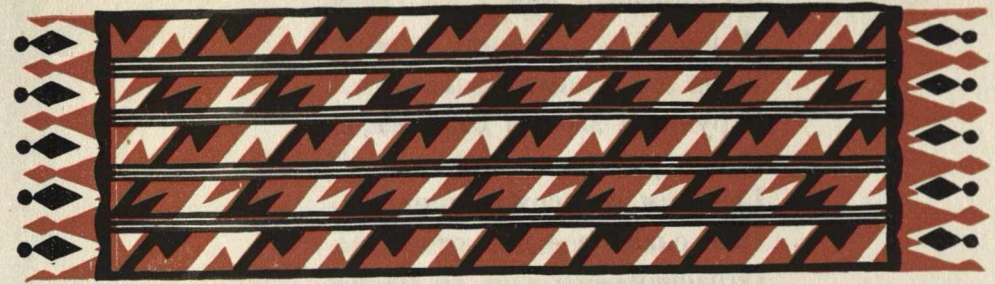
«Ты права,
Я твой город сжег,

Я оставил много сирот,
Я насытил кровью песок,
Обездолил я твой народ.

Все же я не трус, Гулаим,
И не спрячусь я во дворце,
А с девичьим войском твоим
В спор вступлю о смертном конце.

Дай мне сроку ровно семь дней,
А когда настанет восьмой,
Сорок дев сажай на коней,
Начинай наш последний бой!»

Благородная Гулаим
Суртайше отсрочку дала.
И, пригнувшись к луке седла,
Смерив деву взглядом косым,
Хан со зла —
Как хлестнет коня!
Кровь потоком с камчи бежит;
Мчится хан —
И земля, как щит,
Поворачиваясь, гудит,
Стремена трещат, звеня...

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вы не спрашивайте, друзья,
Можно ли две жизни прожить,
Можно ли прожить хоть одну,
Чтобы никогда не тужить?

Лучше вы спросите, друзья,
Кто злосчастный, в ханском плену
За пятью замками сидит,
Девятью цепями гремит,
Ничего не ест и не пьет,
Взор вперяет в камень-гранит,
Указательный перст грызет:
Пыткам перенесенным счет,
Как доходам — купец ведет,
Как заимодавец, не спит,
Потеряв покой, как скупец
Копит жадно казну обид?

Вы спросите так,
И певец
Волю даст кипучим словам,
Струнным звоном ответит вам,
К состраданию воззовет,
Громким голосом запоет,
Имя славное —
Отбаскан —
Троекратно произнесет, —
Ибо это он,
О друзья! —
Он из каменного мешка
Молотом своего кулака
Извергу Суртайше грозит,
Он, трехпрозвищный Отбаскан —
Отбаскан-Затопчи-Огонь,
Отбаскан-Саркопа-Не-Тронь,
Отбаскан-Стальная-Ладонь,
Он, батыр, в калмыцком плену
За пятью замками сидит,
Девятью цепями гремит,
И хоть клонит его ко сну,
Он седьмые сутки не спит,
Пересчитывает в уме
Золотую казну обид.
Взор воспаленных очей
Света ищет в каменной тьме,
Самому себе говорит:

«От бичей
Лихих палачей
Дух скорбит,
Плоть болит,
Кровь кипит.
Хочешь есть —
Еды не дают,
Хочешь пить —

Воды не дают,
Хочешь спать —
Под топор кладут,
Топят воск
И на раны льют,
Жгут огнем,
Лежачего бьют,
Кровь из жил сосут...

Совершается черный суд:
Кривда правду казнить велит...

Тесное у тебя, джигит,
Темное у тебя жилье:
Холод этих гранитных плит
Проникает в сердце твое...

Слишком рано тебя, джигит,
Смертное долит забытье...

Здравствуй, матушка моя мечь!
Помоги мне цепи разбить,
Возврати мне волю и честь
Дай мне горе мое избыть!»

Стелется багряный туман.
Забывается Отбаскан.

Крепких засовов лязг!
Белого полдня блеск!
Огненных крыльев плеск!

От материнских ласк
Сердцу тепло,
Взору светло,

Нежное сысподу крыло
На глаза батыру легло.

Мечь говорит:

«Встань, встань, встань,
Ты должен встать,
Ты должен встать,
Я — твоя родимая мать,
Трубы трубят,
Войска идут,
Совершается правый суд.
Встань, встань, сынок,
Ты должен встать!
Я — твоя родимая мать.
Раненого сердца не рань,
Перестань его растревлять,
Не тужи, мой кормилец, встань!
Встань, встань, встань,
Ты должен встать!
Я — твоя родимая мать.

Разве жажда моя слабей
Преходящей жажды твоей?
Разве голод мой не сильнее
Голода твоего стократ?
Разве нет у тебя друзей
И не любит тебя народ?
Веют стяги,
Трубы трубят,
В руки свобода булат берет!
Не разрежет алмаза нож.
Не осилит истины ложь.

Если ты на моих руках,
Не дождавшись воли, умрешь,
Гулаим за телом твоим

На широкошумных крылах
Прилетит,
Расплавит гранит,
Возвратит
Пределам родным
Твой нетленный прах.

Встань, встань, встань,
Встань, батыр!
Ты должен встать!
Я — твоя родимая мать.
Грянь, грянь, грянь,
Грянь, железный гром!
Разразись, гроза, над врагом!
В бой, непобедимая рать!»

Так воскликнула мечь.
Грянул гром.
Отбаскан вскочил.
Стены заходили кругом.
Оглушил Отбаскана плеск
Яркоблещущих крыл,
Ослепил нестерпимый блеск
Тяжкоблещущих крыл...

О семи алмазных венцах
Солнце, солнце у самых глаз,
А в дверях —
С мечом в руках,
В радужной броне —
Сарбиназ!

Сарбиназ глядит —
Перед ней
Отбаскан стоит
Мертвеца бледней,

Ослабевший от ран,
В кандалах, босой...

Мученик-Отбаскан
Щурится, как слепой,
Говоря:

«Весенней порой
Над горой облака бегут,
Гуси-лебеди под горой
Крыльями на озере бьют.

Трубы серебряные трубят,
Воды трепещущие кипят,
Гуси-лебеди к нам летят,
Окликают в рассветный час
Бедных странников издали...
Здравствуй, лебедь Миуели,
Благородная Сарбиназ!»

И в ответ ему Сарбиназ:

«Лето вслед за весной идет,
Меркнет голубой небосвод,
Дышит зноем суховей,
Пьет горячую кровь песок.
Льва-батыра,
Шаха степей,
Ранит неразумный стрелок.

Трубы пламенные трубят,
Горы каменные гудят.
Смертным ужасом обуян,
Потрясенный стрелок из рук
Бесполезный роняет лук.

Здравствуй, доблестный Отбаскан,
Лев Саркопа, мой брат и друг!»

Сарбиназ подымает меч:

«Дай мне цепи твои разбить,
Грудь твою кольчугой облечь,
Мощный стан кушаком обвить.
Я воды принесла — испей.
Кровь с лица прекрасного смой!
Вот — свободен ты от цепей,
Сокол мой, повелитель мой!»

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Конные мчатся за рядом ряд.
Снежная вздымается пыль,
Сходится с метелью метель,
С крепкой сталью — крепкая сталь,
Конь — с конем,
Клинок с клинком,
Щит — со щитом,
С броней — броня.

Воет ветер судного дня.

Катится кожаный щит колесом.
Падает первый убитый с коня.
Смерть его голову ловит, как мяч.
Раненый молит: «Добейте меня!»
Круглые головы валятся с плеч.
Гнется копьё.
Завывает праща.
Кони встают на дыбы, вереща.
Меч Гулаим, будто солнечный луч,
Блещет,
И трубы рокочут,
И клич
Клич заглушает.

Горячая кровь
Путь пролагает —
Где прямо, где вкривь —
Под гору,
По снегу,
По колеям,
К тем седым астарханским струям,
К тем ли далеким рыбацким ладьям,
Чтобы клубиться в воде ледяной,
Чтобы смешаться с кипучей волной...

Бьются насмерть добро и зло,
Землю мерзлую бременя.
Тяжело земле, тяжело,
И содрогается земля.
Воет ветер судного дня,
Наземь сражающихся валя.
Кроет солнце черная тень,
И уходит ужасный день.
Этот огненнокрасный день,
День кровавый, и сыт и пьян, —
Продолжается грозный той,
Не кончается тяжкий бой.

Сердцем радуется Арыслан:
«О день славы!
Прекрасный день!»

Расщепляет стрелу стрела,
Прободает броню копьё;
Тяжела земле, тяжела
Ноша скрежещущая ее.
Плоть трепещущая ее
Зыблется, как седой Астархан...

Отбаскану брови свела
Ярость,

И батыр Отбаскан
Ханских конников из седла
Выбивает,
И их тела,
Как булыжники из пращи,
Разлетаются по сторонам,
И горят,
Словно две свечи,
Очи Отбаскана в ночи —
Два луча — бегут по снегам:

«Смерть вам, ханские палачи!
Псы кровавые, горе вам!»

Гул да звон,
Да протяжный стон...
Длится сеча,
Как страшный сон.

Сорок соколиц Гулаим,
Сорок смелых ее подруг
Бьют врага с сорока сторон;
Им сопутствуют сорок выюг
И прислуживает Азраил.

Совершается правый суд;
Воздух ночи на клочья рвут
Сорок пар серебряных крыл —
Рукава боевых кольчуг.

Встало солнце в тройном венце —
Красном, желтом и золотом,
И на огненном жеребце
Облетело степи кругом,
Потеряло тройной венец
В сизой мгле,
В дыму снеговом...

О веселье храбрых сердец,
Поле чести!
Ты, как магнит,
Их притягиваешь к себе.
Не страшит их твой грозный вид;
Веселясь, бросает храбрец
Горделивый вызов судьбе
И с улыбкою на устах
Погибает за край родной...

Тучей кружится снежный прах,
И поет, поет ледяной
Бесприютный ветер степной
У бойцов двух ратей в ушах.
По широкой степи кругом
Ходят вьюжные столбы,
Чередой влекутся часы,
День сменяется новым днем —
Не колеблются весы
Неуступчивой судьбы.
Для нее Саркоп и Мушкил
Равный груз на чашах весов;
Не хватает у хана сил,
Чтобы Гулаим одолеть,
И не может Гулаим
Пересилить ханских бойцов.

Перебили саркопцы
Треть
Юрких всадников Суртайши,
А еще две трети в живых,
И число их так велико,
Что не только развеять их,
А и сосчитать нелегко.

Между тем калмыцкий народ
Глухо волновался,

Ропща
На властителя своего,
Угнетателя, палача
И мучителя своего.
И когда миновал седьмой
День сраженья,
И день восьмой
Наступил,
И сам Азраил
Тяжкий меч на снег уронил.
И смежил крыла за спиной, —
Угнетенный народ восстал,
Оружейный склад разгромил,
Превратил золотой дворец
В груды пепла, в кучу камней,
Десять тысяч ханских коней
Оседлал,
Покинул Мушкил
И оружие обратил
Против ханских войск.
Вот когда
Дело мести пошло на лад!

Тут, прокляв свой черный удел,
Хан поверх кольчуги надел
Золотопарчовый халат,
Сел на своего скакуна,
Ноги сунул в стремяна,
Тронул повод,
Поскакал
И павлином золотым
Неожиданно предстал
Пред очами Гулаим,
Говоря:

«Батыром прямым
Ты себя считаешь зря.

Ты не лев.
Ты — муха.
Гляди,
Попадешься мне под ладонь,
То-то взмолишься:
«Пощади!»
То-то затоскуешь:
«Не тронь,
Я у матери, мол, одна,
Сердце, мол, у меня в груди
Меньше макового зерна...»
А и казнь тебе поделом:
Не равняйся, муха, со львом!
Вспомни, глупая, кто твой хан,
Глянь-ка на меня, Гулаим!
Я батыр, а не ты,
Я лев!
И мушиным жальцем своим
Ты, коварная, как шайтан,
Угрожаешь мне, ошалев,
Залетаешь в мой гюлистан,
Оскверняешь мои цветы,
Похищаешь мой сладкий мед.
Как ты смеешь — злодейка ты! —
Переманивать мой народ?
Лучше брось такие дела,
Убирайся отсюда прочь,
А не то — как выхвачу меч —
Мигом вылетит из седла!»

И в ответ ему — Гулаим:

«Ты не лев, Суртайша, не хан,
Ты — бахвал, бурдюк, барабан,
Тень шайтана,
Шайтан-левша,
Вот кто ты такой, Суртайша!

Тем, что под высокий мой стяг
Твой народ, восстав, перешел,
Самого себя укоряй.
Кто калмыкам был первый враг?
Чей мучительный произвол
В нищету поверг этот край?
Кто невинных казнил?
Кто всласть
Кровь народную пил?
Чья власть
Разъедала, точно парша,
Плоть народа твоего?
Ты всему виной, Суртайша,
И теперь твое хвастовство
Не спасет тебя от суда.
Ты по горло погряз во зле
И не спрячешься никуда,
Места нет тебе на земле!

Знаю, Суртайша, для чего
Ты в седло столь поспешно сел
И стремглав поскакал в мой стан.
Страшен вору его удел,
И тебе, самозванный хан,
Сеча эта не понутру:
Чуешь, видно, ее исход!
Кто с огнем затеет игру —
Пальцы на огне обожжет.

Но — пусть будет так.
Прекратим
Этот кровопролитный бой.
Разрешим батырам своим
На кругу бороться сам-друг.
Вызываю тебя на круг:
Я хочу схватиться с тобой,
Выбить меч у тебя из рук,

Вырвать напрочь твои клыки,
Раздробить тебе позвонки,
Растоптать твой ханский бунчук!»

Трубы медные трубят,
Стяги пестрые шумят,
Кони ржут
Медным трубам в лад,
Удила грызут,
Пятятся назад.
Кони пятятся назад,
Стремена звенят;
Звучно стремя звенят,
Расступаются войска,
Строится за рядом ряд.

Глянешь вверх —
Там белым-бело,
Вьются снежные облака,
Ворон — сломанное крыло
По небу летит тяжело...

Глянешь вдаль —
Там белым-бело,
Не видать под снегом песка;
Конь калмыцкий без седока,
Захромав, потеряв седло,
По снегу бежит тяжело...

Глянешь прямо перед собой —
Круг очерчен, утопан снег,
А в кругу стоит великан,
Полузверь-получеловек:
Стан — что карагач вековой,
Шерсть на груди,
Хвост позади,

Правая —
Львиная нога,
Левая —
Тигриная нога,
Правая рука —
Острога,
Левая рука —
Кочерга,
Клепаная голова,
Уши —
Мельничные жернова,
Ступы каменные
Вместо глазниц,
Стрелы пламенные —
Вместо ресниц,
Рот клыкастый —
Адская пещь,
Нос не нос,
А рыба-лещ,
Неумыт, волосат, космат,
Медными гвоздями оббит,
Крепкими цепями обвит,
В бубенцах с головы до пят.

Раздувает зоб великан,
До ушей разевает пасть:

«Выходи на круг, Арыслан,
Выходи, если ты не трус,
Мне свежинки хочется — страсть!
Дай мне крови напиться всласть,
Дай мяса твоего поесть,
Дай погрызть мозговую кость,
Поглядеть, каков ты на вкус,
Арыслан,
Батыр-дастархан,
Гусь мой, лебедь, залетный гость!»

Тут разгневался Арыслан
И в ответ на эти слова
Зарычал, с коня соскочил,
Оба рукава засучил,
И преобразился во льва,
И схватился, как лев со львом,
Со своим ужасным врагом;
А потом по-иному бой
С чудищем калмыцким повел:
Он боролся, как волк степной
С жеребцом,
Как барс лесной
С кабаном,
Как тарлан-орел
С круторогим горным козлом.

Что тут было, друзья мои!
Что за сила, друзья мои,
У батыров этих была!

Арыслан стоял, как скала,
И, налившись кровью со зла,
Как бойцовый петух, калмык
С клэгтом прыгал,
Зоб раздувал,
Арыслана в темя клевал,
Когти в мясо вонзал,
Кожу рвал,
Но не мог свалить его с ног,
Даже сдвинуть с места не мог.

Шум пошел по степи такой,
Что слышал бы и глухой;
От натуги бойцов кругом
Заходила степь колесом,
Снег растаял, встал туман,
Мелкий дождь заморосил,
И заголосил великан —

Арыслан со всех своих сил
Ребра великану сдавил,
Поднял выше облаков
И ударил об землю его,
И отхлынул от берегов
Громозвучный Астархан.

Снег выравнивают рабы.
Окликает судьбу судьба.
На пронзительный вой трубы
Отвечает воем труба.
Прекращается медный вой.
Начинается новый бой.

На кругу — батыр Отбаскан
И Кункар — калмык-палуан,
Победивший семьдесят семь
Палуанов соседних стран,
Изрубивший мечом тьмы тем
Рядовых врагов Суртайши,
Волк из волков,
Лев из львов,
Ястреб из ястребов Суртайши,
Сокрушитель турьих рогов,
Посетитель шумных пиров,
Похититель дев,
Утешитель вдов,
Соблазнитель жен
И мучитель малых детей.

Этот знаменитый борец,
Хвастая закалкой своей,
Выбежал, полуобнажен,
Стал в кругу,
На снегу,
Босой,
Краше, чем Сулейманов дворец.

Наслаждаясь его красой —
Бронзой кожи и сталью мышц,
Увлажнились теплой росой
Узкие глаза Суртайши.

Узкие глаза Суртайши
Кровью налились, потемнев:
Потянулся Кункар, как лев,
И на Отбаскана пошел,
И у всех захватило дух,
Кто смотрел на него.
Тяжел,
Как свинец тяжел,
И как пух
Легок был его шаг.
Пошел
На саркопча Кункар —
Как дым,
Как скала,
Когда бы скала
Двинуться могла...
Горделив,
Как султан,
Пошел палуан,
Страшные объятья раскрыв,
И бесшумно земля под ним
Всколыхнулась...
Точно порыв
Дикой бури ударил вдруг.
Сжал могучий Кункар кольцо
Рук могучих своих вокруг
Пояса врага,
И лицо
Стало у саркопча, как мел,
Проступила желчь и зола
На щеках,
И кровь потекла

Из ушей,
И взор помутнел.

И тогда Кункар,
Упершись
В жесткий снег стопами,
Швырнул
Отбаскана в белую высь,
И, как жаворонок, мелькнул
В снежной закрути Отбаскан,
Долетел до горних светил
И со стоном наземь упал.

И лежал он в снегу,
И был
Мертв,
И полупрозрачный пар
Облачком качался над ним...
Нож кривой обнажил Кункар
И отрезал ножом кривым
Голову мертвеца
И принес,
И поставил пред Гулаим.

Тут воскликнула Сарбиназ:

«Эй, Кункар, если ты не трус,
Если ты батыр, а не раб,
Выходи бороться со мной!

Если телом ты не ослаб
И еще твой пыл не погас, —
Выходи!
Наступил твой час!
Выходи бороться со мной!

Хан поверг батыра в зиндан,
В цепи заковал,

Кровь из жил
Выцедил,
Оставил без сил,
Ты его добил, палуан!
Выходи бороться со мной!»

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Ветер мечется снеговой, —
Начинается новый бой.

Гнев кипит в груди Сарбиназ,
Как смола в чугунном котле,
И рычит, разъярясь, Кункар.
А вокруг метель поднялась,
И лютует ночь на земле,
И уже не видать ни зги...
Все еще по степи враги
Ходят, обнявшись, как друзья,
Свившись, как со змеей змея,
Борются, тяжело дыша,
Вспахивая землю по грудь,
Враг врагу позвонки круша.

Тщетно в черно-белую муть
Вглядывается Суртайша,
Тщетно трубачи Гулаим
Трижды протрубили отбой.
Только степь гудит,
И метель
Павшим в битве стелет постель...

Трубам ли звенеть золотым
Там, где воет ветер степной?
Прободать ли беззвездный мрак
Напряженным взорам людским?

Разогнав орду облаков,
Плетью в кровь исхлестав живых,
Мертвых в белое завернув,
На рассвете буран затих.

С краю загорелся покров
Просветлевших небес,
И там,
Где огонь полыхал,
Где плыл
Сизый дым студеной зари,
Встал победы высокий храм
И сверкнуло множество крыл.
Это были лучи.
Это день
Сарбиназ на помощь спешил.

В ста шагах от круга борьбы
Все увидели Сарбиназ.
Лик ее, словно лик судьбы,
Грозен был.
Взор ее горел
И сверкал, как двойной алмаз,
И в руке у нее был меч,
И широкий солнечный луч
От меча исходил.
На снегу без сил
Побежденный лежал Кункар,
Ждал удара меча.

Пал удар.
Прославила Сарбиназ
Дорогое имя свое.

И глядел из-под мертвых век
Мертвый взор

Мертвых глаз,
И хан
Застонал и впал в забытье.

А когда он пришел в себя,
От воротника и до пят
На себе золотой халат
Разодрал Суртайша, скорбя,
С плеч его сорвал,
В белый снег втоптал,
Зарыдал у всех на виду,
И раскрыл свой багровый рот
Шире адских ворот.
И вот —
Яростью и скорбью томим,
Хан рычит, как шайтан в аду,
И на единоборство зовет
Благородную Гулаим.

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Начинается новый бой —
Рубится Гулаим с Суртайшой.

Искры вспыхивают, роясь, —
Рубится с ханом Гулаим
И прислушивается, рубясь,
К возгласам своего меча,
И зазубривается, звуча,
Меч ее, как серп,
И другой
Меч зазубривается, чертя
В воздухе дугу за дугой,
За удар ударом платя.

У батыров глаза, как жар,
Ярой ненавистью горят.

Звон,
Свист,
Лязг,
Удар — за удар!
И осколки стальных мечей
Сыплются, словно частый град;
Силы рубящихся — равны.
Трое суток рубка идет,
Верха ни один не берет.

Ветви огненной купины,
Выращенной лязгом клинков,
Доросли до горных высот.
И рычат батыры, гневясь,
И бросают мечи в ножны.

Нетерпением обуян,
Цепью в тысячу три звена
Крепко свой неохватный стан
Опоясывает хан.

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Начинается борьба,
И глядит на борцов судьба,
И железо сплетенных рук
Раскаляется докрасна,
И в один слепительный круг
Дни сливаются...
Тает снег,
И сменяет зиму весна;
Степь цветет,
И птицы поют,
И, в зеленой траве шурша,
Пестрые букашки снуют;
И осиливает Суртайша
Благородную Гулаим,

И, подняв ее к небесам,
К этим голубым, золотым,
Трепетным небесам,
К облакам,
На ветру играющим,
Там
Заставляет ее стонать.

Ветер у нее на челе
Осушил проступивший пот.
И швырнул ее Суртайша
Наземь,
И стоял небосвод
Под ногами у Гулаим,
И летела она к земле
Сквозь гудящую пустоту,
Как падучая звезда,
А когда
В трех аршинах земля была,
Вывернулась на лету,
Стала на ноги и пошла
На врага, словно лев, смела,
К солнцу Суртайшу подняла,
И метнула вниз,
И в песок
Вбила вниз головой по крестец.
Тут ему и пришел конец,
И навек забудем о нем!

Лучше, милые, поглядим,
Как над степью солнце встает:
Поглядим, как за пядью пядь
Молодая трава растет,
Поглядим, как старуха мать
Обнимает Гулаим,
Как спасенный ею народ
Плачет,

И смеется,
И льнет
К дочери любимой своей;
Взглянем на хорезмийского Льва,
Милого супруга ее,
И на сорок ее подруг;
И с любовью благословим
Благородную Гулаим.
Да ликует ее супруг,
И да будет она жива
В песнях и в потомстве своем!

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Струны звенят;
Струнам в лад
Мы славу поем.

Меч народа — непобедим!
Дух народа — несокрушим!

Слава,
Слава,
Слава тебе,
Слава тебе, Гулаим!

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Множество булатных колед
Приготовит сперва кузнец,
А потом кольчугу скует.

Все слова переворочит
Многотерпеливый певед,
А потом сказанье споет.

А когда счастливый певед
Подведет сказанье к концу —
Глянет на необъятный мир...

Переливчатый мир хорош,
Как тысячецветный дворец.
Ходишь-бродишь по дворцу,
Всех чертогов не обойдешь:
Подбираешь словцо к словцу —
Все последнего не найдешь!

С той поры, когда на Мушкил
Гулаим ходила войной,
Полдесятилетия прошло,
И опять на гребни могил
Пролилось тепло,
И опять
Солнце заиграло светло
И пылающим колесом
Покатилось по небесам,
И опять сменилась весной
Краткая зима,
И опять
Молодой травой и листвою
Приукрасился Туркестан.

Остров зеленокудрый свой —
Соловьиный Миуели —
Гулаим и Арыслан
Ранним утром обошли,
Розами свой белый шатер
Сверху донизу оплели...

Подняла на батыра взор,
Выронила розу из рук
И промолвила Гулаим:

«О мой верный друг,
Дорогой супруг!
Время словно река течет —
Не удержишь струистых вод!
Миновало ровно пять лет
С той поры, когда наш народ
Нам бразды правленья вручил,
И для наших сросшихся крыл
Во вселенной преграды нет.

Мой возлюбленный! Отчего
Потускнел блестящий хрусталь

Взора ясного твоего?
О мой сокол! Поведай мне,
Что темнеет на самом дне
Глаз твоих —
Ужели печаль?»

Но в ответ супруге своей
Не сказал батыр ничего,
И подумала Гулаим:

«Разве Арыслан — соловей,
Чтобы в тесной клетке сидеть,
Из оконца на мир глядеть?
Мой любимый скукой томим
По вешнезеленым горам,
По широковеиным ветрам!»

И сказала:

«О мой супруг!
Оседлай своего коня,
Застоялся твой конь гнедой!
Захвати с собой свой лук,
Распрямился твой лук тугой!
Попеченью моих подруг
На три дня предоставь меня,
Разлучись на три дня со мной,
Развлеки себя, успокой:
Горный ветер волен и свеж —
Разутешь себя, распотешь!»

Встрепенулся, просветлел,
Просиял лицом Арыслан,
Скакуна седлать приказал.
Сто каленых стрел
Положил в колчан,
Лук свой лучший в руки взял
И, поцеловав Гулаим,
На прощанье: «Люблю!» сказал.

Сердце разгоралось огнем,
Веселит его Арыслан, —
Издавая протяжный клич,
Сокола бросает на дичь:
Быстрые борзые — при нем,
Резвый аргамак под седлом!

Повстречал в степи Арыслан
Многочисленный караван,
И верблюдов, несущих кладь,
Поначалу начал считать.
Насчитал семьсот
И оставил счет,
Разве что сочтя головных,
И сказал погонщикам их:

«Я видел степной беспредельный простор
И голые ребра обветренных гор;
Я реки широкие переплывал
И пил из неведомых людям озер.

В изгнанье мои молодые года
Бесплодно прошли, пронеслись, как звезда...
Я низко вам кланяюсь, братья мои,
Откуда вы следуете и куда?»

Караван замедляет шаг,
Молвят караванщики так:

«Путь — наставник мудрый, путник — ученик;
Наконец-то можно развязать язык!
Нам пришлось покинуть золотой Хорезм.
Встречных не боимся — караван велик.

У тяжеловеса ноша тяжела,
Иноходец мчится быстро, как стрела.
Нам пришлось покинуть золотой Хорезм,
Там теперь творятся черные дела.

Счастье вероломно, и обманчив мир.
Хищный тать ликует, слезы льет батыр.
Мы приюта ищем, держим путь в Саркоп
Из родного края, где царит Надир».

Арыслан-батыр говорит:

«Караван! Ты мне горькую весть принес!
И тону я в пучине кровавых слез.
О Хорезм! О властительный мой магнит!
О моя колыбель под охраной роз!

Царство, где я родился и рос! Хорезм!
Сок сладчайший невянущих лоз! Хорезм!
Мед мой, кровь моя, желчь моя, отчий край!
Сон мой, рай мой, орлиный утес! Хорезм!

Мерзну я у чужих очагов зимой,
Не могу я дороги найти домой...
Дайте весть о сестре моей Алтынай!
Цел ли сорокабашенный город мой?»

Все смешалось.
К батыру вдруг
Протянулись тысячи рук,
Степь и голубой небосклон
Стон тысячеустый потряс:

«Ты ли это, наш Арыслан?
О, зачем ты покинул нас!
Город сорокабашенный твой
Превратил в золу Надир-шах.

Золотом украшенный твой
Глиняный дворец —
На конях
По горящей стране разнес,

Облетел ее, как чума,
И теперь гонимый народ
Море бед переходит вброд, —
За плечами
Который год —
Нищенская сума!

О батыр! Если б ведал ты,
Как страдает сестра твоя —
Жертва злобы и клеветы!
Алтынай — красота красот —
В рабском виде, слезы лия,
Стадо шахское пасет!

Ты покинул родимый край,
И возглавила твой народ
Благородная Алтынай.
Из неопытных рук ее
Выбил дикий вепрь Надир-шах
И булатный меч и копье
И означил свой каждый шаг
Слезным озером
И рекой
Неотмщенной крови людской».

От суровых этих речей
Сам не свой
Зарыдал батыр.
Повернул коня,
Охлестнул камчой
И на склоне того же дня
Прискакал на Миуели.

Звезды ночи к нему в шатер
Под руки луну привели —
Привели луну его,
Гулаим — жену его.

И не ведая ничего
И смежив ресницы, она
В молодых объятьях его
До зари лежала без сна.

А когда просветлел восток,
Руки Арыслан разомкнул
И задумался, и вздохнул,
И слезу со щеки смахнул.
И, заметив эту слезу, —
Поглядела мужу в глаза,
Потемнела, как степь в грозу,
И воскликнула Гулаим:

«Сердце жжет мне твоя слеза!
В этот мир мы розно пришли,
Но из мира вместе уйдем;
Два ручья — мы розно текли,
Но одним потекли ручьем;
Две державы одной земли,
Разделенные рубежом,
Вековечный рубеж поправ,
Стали мы державой держав!

Мы — душа и плоть,
Два крыла,
Мы одним огнем горим;
Двуединая стрела —
Мы одним путем летим;
Верная любовь — наш султан.
Что же от своей Гулаим
Отвращаешься, Арыслан?
Что ты делаешь, сокол мой,
Со своей любимой женой?
Слету выхватил из огня
И швырнул сразмаху на лед!..
О, не мучь, не терзай меня,

Двуединых нас — не двои,
Не таи сердечных забот,
Покажи мне глаза твои!»

Застонав, припал Арыслан
К двум богам — ногам Гулаим,
Зарыдав, припал Арыслан
К двум лучам — рукам Гулаим,
Утопил Гулаим в слезах,
И открыл ей душу свою,
И поник без сил, говоря:

«Я вино Туркестана пью,
Сплю на драгоценных коврах
И целую жену,
И зря
На слабеющих раменах
Белую кольчугу ношу,
Зря держу булат у бедра,
Между тем как моя сестра
Бремя рабства несет,
Скот пасет,
Слезы льет
И меня клянет.
А кровавый вебрь Надир-шах
Той справляет на пустырях,
А замученный мой народ
Избавленья в застенках ждет,
Слезы льет
И меня клянет!
Горе, горе мне!
Я томим
Ревностью по родной земле.
Отпусти меня, Гулаим!
Я и на одном крыле
До Хорезма долечу.

Шахской крови просит мой меч.
Горлинка моя!
Не перечь,
Жизнь моя, не перечь мечу!»

Цвета воронова крыла
Косы частым гребешком
Расчесала Гулаим;
Расчесала, заплела,
Уложила семерным,
Смоляным тугим венком,
Под шелом подобрала;
Стан, упругий, как стрела,
В белый панцырь облекла,
Заиграла боевым
Синепламенным клинком,
Голос высоко подняла,
Сорок девушек позвала,
Приказала седлать коней.

Кони ржут, грызут удила,
Гулаим садится в седло,
Стяг Саркопа реет над ней,
Белым полднем осиян.

Слева — Сарбиназ,
Праворуч —
Грозен и могуч —
Арыслан.

Сорок девушек позади —
Сорок средоточий лучей,
Сорок молний,
Сорок мечей.

Говорит Гулаим:

«Веди
На защиту земли родной
Верную дружину свою,
Арыслан, повелитель мой!
Да падет в кровавом бою
Надир-шах, оскорбитель твой,
И да возродится твой эль,
И да процветет Хорезм —
Доблести твоей колыбель!»

Высоко над головой
Свой тяжелый щит-калкан
Поднимает Арыслан,
По щиту булатом бьет,
И гремит, как барабан,
Круглый щит,
Земля дрожит,
Степь гудит,
И небосвод
Сотрясается, как щит.

Арыслан кричит:

«Вперед!» —
Отпускает повод,
Плотный воздух перед ним
Расступается, как вода,
Мнет кольчугу на груди.

Рядом скачет Гулаим,
Сорок девушек позади;
По равнинам и по горам
Напрямик пролагая путь,
Девять суток своим коням
Не дают они отдохнуть...
На десятые — чуть-чуть
Приоткрылась бледная даль,
И забрезжил город вдали...

Тут сошел Арыслан с коня
И приник, вопя и стена,
К жесткой коже родной земли...

А теперь, о друзья мои,
Мы перенесемся в Хорезм
И проникнем в шахский дворец.

Желто-синий, словно мертвец,
На престоле Надир сидит.
В золотом венце,
В багреце,
И без мысли, за часом час,
Желтым взором совиных глаз
На пустое место глядит...

Сонным слухом невзначай
Шум внезапный уловив,
Просыпается шах Надир,
И вбегает к нему везир,
Верный раб его Кулымсай —
Корчится, как рыба в сетях,
Диким ужасом обуян.

«У столицы, о падишах,
Неприятель раскинул стан!
Подымай скорее народ, —
Гулаим-батыр у ворот!»

И щитом заиграл Надир,
И джигитов своих позвал,
И сказал недлинную речь:

«У столицы девка-батыр!
Воины, беритесь за меч!»

И на кровлю дворца рабы
Отнесли его на руках;
И пока несли его,
Кулаками Надир-шах
Наколачивал им горбы,
Уши им, безответным, грыз,
Клял носильщиков своих...
Глянул с кровли вдаль да вниз,
Подтянул кушак и притих —
Надир-шах, паучья душа:
Под высоким небом степным,
Золотым и голубым,
Развернулся вражеский стяг —
Стяг батыра Гулаим.

И пока на стяг врага,
Присмирив, глядит Надир,
Полетим, друзья, посетим
Чужедальние берега
Двух соседствующих озер.
Поглядим — глубока ли Шагыр,
Поглядим — широк ли Бавыр,
А еще, друзья, поглядим,
Как по тем берегам,
По зеленым лугам
Рыщет сокол наш —
Арыслан-батыр,
Ищет бедную Алтынай;
Стонет сокол наш,
Слезы льет —
Нет в лугах сестры-близнеца!
И въезжает батыр в тогай —
Не видать тогаю конца,
И могучий конь устает
Грудью заросли разрывать,
Братя преграды влёт,

И кипучий пот
Из-под гривы его течет.

Нарушая сонный покой
Камыша, травы и кустов,
Брат сестру зовет.
Не слышать
Ни единой души людской,
Только птицы на тщетный зов
Из непрочных своих дворцов
Отвечают на сто ладов.

И рыдать в пустыне глухой
Арыслан-батыр устает,
И решает в обратный путь
Своего коня повернуть.

Чу! высокий голос поет:

«Мне, сизой голубке, сломали крыла,
Сожгли меня, алую розу, дотла,
Надир в полнолуние похитил мой свет,
Я в черной державе неволю нашла.

Коварны деяния шахов земных,
И нет ни луны у созвездий ночных,
Ни розы румяной на мертвой золе,
Ни сизой голубки в пределах родных,

Теперь я рабыня рабов, и мой шах —
Кровавый Надир! Я — песчинка в песках,
Былинка в степях, и теперь у меня
Репейник в косе и тряпье на плечах.

Далекие трубы трубят и трубят,
И стяги шумят, и шеломы блестят,
И мчатся батыры на резвых конях...
Не с ними ли ты, мой возлюбленный брат?»

И, услышав эти слова,
Вскрикнул потрясенный батыр,
Застонал, как раненый лев,
И пустил коня,
И трава,
И листва,
И ветви дерев
Ринулись в погоню за ним,
Заклубясь, как дым на ветру,
И пред Арысланом, как дым,
Расступился тогай,
И вот
Арыслан увидел сестру.

Алтынай дрожит —
«Арыслан!»
Задыхается —
«О мой брат!»
Алтынай бежит —
«Арыслан!»
Спотыкается —
«О мой брат!»
Падает,
Встает
И опять
Падает,
Бежит, как джейран,
Раненный в угон,
А догнать —
Кречет бы не догнал ее.
Арыслан — с коня,
И копьё —
В сторону, и в другую — щит...

И лица не прячет она,
И лица не прячет батыр,
И смеется-плачет она,

И смеется-плачет батыр,
Плачет и сестре говорит:

«Алтынай-голубка, сестрица моя.
Алтынай-голубка, сестрица моя,
Благословен язык твой, молвивший «брат»,
Алтынай-голубка, сестрица моя!»

Утоление жажды, криница моя,
Око мое, свет мой, зеница моя,
Трижды благословенно имя твое,
Алтынай-голубка, сестрица моя!»

«Брат мой! —
Алтынай говорит. —
Искушение обид, мой брат,
Крепость моя!
Верный гранит!
Сила моя!
Верный булат!» —
Не клянет его, не корит,
Слезы льет, говорит:
«Мой брат!»

Арыслан закутал сестру
В золотопарчовый халат
И примчал на коне к шатру,
Из которого Гулаим
Поспешила навстречу им.

Утром следующего дня
В руки смуглые лук тугой
Алтынай, как прежде, взяла,
И взлетела стрела, звеня,
И вослед за первой стрелой
Ринулась вторая стрела,
И стрела стрелу догнала
И, догнав, расщепила вдоль.

Алтынай, испытал себя,
Говорит:

«О брат Арыслан
И сестра Гулаим!
Доколь
Кровь глубоких сердечных ран
Будет литься из глаз моих?
Долго ли еще Надир-шах
Будет оставаться в живых?
Дайте мне коня,
И пускай
Меч блестит у меня в руках!
Я хочу за родимый край
И за годы скорби своей
Отомстить поскорей,
Хочу
Голову отсечь поскорей
Хорезмийскому палачу.
Я терзаюсь жгучей тоской,
В битве встретить хочу врага,
Я не в силах сладить с собой, —
Сяду я в седло, поскачу,
Подлечу
К стене городской,
Вызову Надира на бой!»

И на утро второго дня
Подарил сестре Арыслан
Огнедышащего коня,
И обула ее в сафьян
Несравненная Гулаим,
В шесть кольчуг одела ее,
Сто косичек ей заплела,
Поднесла булат и копьё.
И, гордясь тулпаром гнедым
И оружием боевым,

Алтынай вскочила в седло,
И заржал под седлом гнедой,
И певучий ветер степной
Взял ее под свое крыло.

Благородная Алтынай
Шаха вызывает на бой:

«Эй, взойди на кровлю дворца, Надир-шах!
Что сидишь взаперти в четырех стенах?
Дай взглянуть — попржнему ли у тебя
Нос крючком, щеки в угрях, шея в буграх!

Эй ты, вор, по-шахски одетый в парчу!
Выйди, я тебя воровать отучу!
Это я, рабыня твоя Алтынай,
Я мечом в городские врата стучу!

Выйди, шах, погребальный халат надев,
Слезы проливая и руки воздев!
Брат мой Арыслан ищет смерти твоей,
Ратным станом стоит в степи, копит гнев.

Брат мой Арыслан говорит: «Надир-шах,
Как щенок, заскулит у меня в руках».
Я скажу: «Выходи, Надир-шах, на бой,
Выходи, коль тебя не стреножил страх!

Поднят меч, и натянута тетива.
Скоро скатится с плеч твоя голова.
Лучше смерть в бою, чем позор. Выходи!
Что ты скажешь, трус, на эти слова?»

У Надира из ушей
Кровь пошла от этих слов.
И среди своих волков,
Беков,
Баев,

Богачей,
Силачей — сорви-голов
И жестоких палачей,
Под неистовый свист камчей,
Конский храп и топот копыт
В степь из городских ворот
Вылетает шах Надир,
И, пустив коня во всю прыть,
Впереди — везир Кулымсай
Мчится, пригибаясь к луке,
Хочет Алтынай захватить,
Крепко держит в правой руке
Свернутый кольцом аркан;
Кто кричит
«Держи!»
Кто:
«Хватай!»
И в погоню за Алтынай!
Ринулся верхом Арыслан
Выручать сестру,
А за ним
Быстролетная Гулаим,
А за ними — на гнедых
Сорок девушек вослед,
Сорок всадниц удалых,
Доблестных добытчиц побед.

И в седле могучий стан
Распрямял Арыслан-батыр.
Заварился кровавый пир,
И упал врагу на грудь
Окольчуженный ураган,
И, как непогожий туман,
Затянула пыль окоем.

В этот день Арыслан-батыр
Славно поработал мечом,

И задор у врага иссяк:
Задрожал-попятился враг.
Вот уже Кулымсай-везир
Пойман, словно фазан, живьем,
И уже ему Алтынай
Руки за спину завела
И связала на три узла,
И за ворот взяла его,
Наземь бросила вниз лицом,
Семихвостой камчой ожгла.

Духом пал пред лицом судьбы
И решил Надир-шах-злодей
Бросить без дальнейшей борьбы
На ее слепой произвол
И престол
И своих людей
И бежать в родные места —
Не в Туран бежать, так в Иран.

Видно, был ему плен страшней
Жгучего дыханья степей
И скитальческого поста,
Видно, был ему Арыслан
Посрамленья страшней...

И шах
Поворачивает коня,
Привстает на стремях
И, щитом прикрывая грудь,
Устремляется в дальний путь.

Девушка-батыр Сарбиназ —
Твердая душа, острый глаз, —
Как сухой валежник, зажглась;
Грозно потрясая копьём,
За Надиром погналась.

Кружится земля под конем,
Конь у Сарбиназ под седлом —
Краснокрылый вихрь, а не конь;
Всадницей гордясь,
Конь-огонь
Мчится, вытянувшись по струне,
Звучно докает, как зерно,
Лопающееся на огне,
И наматывается путь
На незримое веретено.

Некуда Надиру свернуть,
И в глазах у него темно.

Сарбиназ бросает копьё,
Надир-шах подставляет щит.
Больше нет копыя у нее:
Сломанное —
В щите торчит!
Вырывает меч из ножен,
Ударяет мечом плеча;
Снова щит подставляет он, —
Больше нет у нее меча,
Сломанный —
На песке лежит.

Шах глядит из-за щита:
В самый раз
Погубить сейчас
Беззащитную Сарбиназ, —
Но ему ослепляет взор
Яркая ее красота,
И Надир, опуская щит,
Самому себе говорит:

«Половина души моей
У меня судьбой отнята.
Посох черный свой нищета

Мне вручает на склоне дней.
Я имел наложниц и жен,
Горы золота, тьмы скота,
Взыскан счастьем, в чужом краю
Был я на престол вознесен;
Если я отверзал уста —
Умолкал Сулейман в раю.
А теперь мой стяг сокрушен!

Шах, благословлявший судьбу,
Славы и державы лишен,
А беглец, проклявший судьбу,
На пути находит рабу —
Деву рая, краше луны,
Не имеющую цены!

Хоть с такой добычей в руках,
Если мне поможет аллах,
Возвращусь я в Иран-Туран!»

В руку правую нищий шах
Взял при этих словах аркан,
И забила в тугой петле,
Очутилась вдруг на земле
И слезами залилась
Полоненная Сарбиназ,
И Надир ее подхватил,
Положил поперек седла
И помчал на коне лихом
По дороге на Кумалы,
И она лежала лицом
К небу, где кружились орлы,
Высвободить рук не могла,
Причитала, слезы лила,
Говоря:

«Зачем от меча иль певучей стрелы
Я с честью не пала, о братья орлы!

Глядите: меня полонил Надир-шах,
Везет меня, связанную, в Кумалы.
О, как я победы желала достичь!
Но в плач перешел мой воинственный клич,
Из рук моих выпал испытанный меч,
Я стала последней из шахских добыч.

Скажите подруге моей Гулаим,
Что шах из столицы бежал невредим,
Что кланяется до земли Сарбиназ
Отчизне, подругам, народу, родным!»

Сердце сердцу весть подает,
И тревожится Гулаим;
Бой одна с десятью ведет,
Кровь из-под ее меча
И красна и горяча
На степной песок течет;
И тревожится Гулаим,
Бой ведет, а между тем
Озирается вокруг
И не видит среди подруг
Смуглолицей Сарбиназ.

Грозной львицей Сарбиназ
Не бросается на врага,
Не распарывает кольчуг,
На булат, как тур на рога,
Шахских воинов не берет...

Гулаим напрягает взор,
Озирает по край земли
Многоверстный степной простор:
Тучка сизая вдали
По-над степью низко плывет.

Сердце сердцу весть подает.
Омрачается Гулаим
И коня пускает влет,
Арыслан за нею вслед,
Отпуская повода,
Устремляется туда,
Где плотнеет и растет
Пыли сизая гряда.

Сарбиназ орлам степным
Жалуется на судьбу
И в изнеможении к ним
Страстную возносит мольбу.

И орлы говорят в ответ:

«Не тужи, сестра, потерпи,
Арыслана и Гулаим
Аргамаки мчат по степи.
Гулаим уже в пятистах,
Арыслан в семистах шагах!»

Гулаим при этих словах
Вскинула над головой
И метнула копьё в угон,
И Надира шакалий вой,
Сарбиназ лебединый стон
Всколыхнули воздух степной:
В Сарбиназ попало копьё,
Надир-шаха слегка задев.

Арыслан, подоспев,
Пожелтел лицом,
Впал во гнев,
Зарычал, как лев,
Вырвался вперед
И копьём

Надир-шаха ударил в бок
И, ударив изо всех сил,
На копьё тяжело налег,
И, как пес, Надир-шах завыл...
Но копьё было так остро,
Что, пронзив Надира насквозь,
Сарбиназ, несчастной, в бедро
Семигранным жалом впилося.
И воскликнула Сарбиназ:
«Наступает мой смертный час!»
И закрыла очи она,
Ко врагу и его коню,
Заживо пригвождена.

Выпустив копьё из рук,
Арыслан обнажил клинок,
Очертил клинком полукруг,
И распался шахский шишак,
И без крика в тот же миг
На две доли, как стручок,
Разделился Надир-шах.
Спешилась Гулаим и с седла
Бережно подругу сняла
И омыла раны ее,
На руки подругу взяла,
Тихим шагом в стан повезла.
И повел Арыслан-батыр
Шахского коня в поводу.

И, завыв, как души в аду,
Собралось на кровавый пир
Дикое степное зверье,
И с лица земли без следа
Шах Надир исчез навсегда.

Первый месяц прошел,
И в седло садится опять
Смуглолицая Сарбиназ.

Первый месяц войны прошел,
А войне конца не видать,
Держит хорезмийская знать
Угнетенный народ в руках,
И непобедимую рать
На столицу батыр ведет,
Чтобы освободить народ
И владык его покарать.

И когда наступила ночь,
Городские ворота прочь
С петель сорвались, грохоча,
Вспыхнули костры, и в ночи
Грозно засверкали мечи,
И в зиндане выпал топор
Из кровавых рук палача.

Сердце у Гулаим горит,
И уже на рассвете дня
Мужу своему Гулаим,
Придержав коня, говорит:

«Выслушай, мой кречет, меня,
Слово молвить жене дозволю.
Арыслан, скажи мне,
Доколь
Будет непосильная боль
Изливаться стоном сплошным?
Чем утетишь душу свою,
Как загладишь свою вину,
Если в справедливом бою
Из невинных душ хоть одну
С телом в ярости разлучишь?
Прежде ты, карая врагов,
Правду подлинную вершил,
А теперь ты кривду вершишь.

Понапрасну ты к тем суров,
Кто силком Надиру служил,
Кто неволей покинул кров,
Мирный круг забот и родство, —
Между справедливых могил
Места не ищи для того!
Разве твой родимый народ
От тебя спасенья не ждет?
Разве он тебе не готов
Оказать любовь и почет?
Точно ли среди его сынов
Шаха проклинающих нет?
Радости желающих нет?
Арыслана чающих нет?

Сокол мой, снизойди ко мне,
Выполни мой скромный совет —
Подари вдове-стране
Добрый мир, закон и любовь,
Перестань безвинную кровь
Проливать по чужой вине!»

И от этих слов Гулаим
Розы выросли на золе,
И от этих слов Гулаим
Народился мир на земле.

Вот и побратались враги,
Вот и помирились друзья,
Только беков-богачей
Да мучителей-палачей
Арыслан по рукам связал
И казнить приказал.

А потом Саркоп и Хорезм
На Великий Диван призвал,

И собрал Великий Диван,
И сказал ему Арыслан:

«Был Надир свиреп и жесток
И на подданных много зол,
Много бед и обид навлек.
Сокрушен его произвол.
Но отыщется новый шах
И займет свободный престол.
Снова примется лютый страх
Истязать людские сердца,
И не будет горю конца.
Не довольно ли крови течь?
Мира жаждет булатный меч!
Так не возведем палача
На престол, о братья мои! —
Чтобы гнета его не клясть!
Горше смерти шахская власть.
Правьте родиной сообща.
Пусть от каракалпакской земли
Будет избран мудрец Али,
От туркменов — славный батыр,
Трижды справедливый Сакыр,
От узбеков — певец Алим,
Ибо он повсеместно чтим,
От казахов — добрый Коксе.
И да будут счастливы все
Под правлением их благим!»

И покинули Диван
Арыслан и Гулаим
И дружину в сорок мечей —
Из Хорезма вспять повели
На зеленый Миуели.

И на этом, друзья мои,
Обрывается дестан.

Слава, слава Гулаим!
Слава Гулаим!

Был из племени Муйтен
Вдохновенный певец Жиен,
И каракалпакский народ
Много песен его поет.
Славу и ему воздадим:
Первым он сложил дестан
О прекрасной Гулаим.

Слава, слава тебе, Жиен!
Слава тебе, Жиен!

СЛОВАРЬ

Ага — господин.

Азраил — ангел смерти у мусульман.

Али — почитаемый в исламе арабский халиф, правивший в 651—656 гг.

Арван — одна из пород верблюдов.

Аргамак — породистый конь.

Аят — стих корана, часть молитвы.

Бай — богач.

Батыр — богатырь.

Бек — феодал, правитель области.

Бишбармак — национальное каракалпакское блюдо.

Безир — ближайший советник государя, министр.

Гаухар — алмаз.

Гюлистан — счастливая страна, рай земной, буквально «розовый сад».

Дастархан — разостланная скатерть с угощением на ней.

Дестан — поэма.

Джинн — злой дух, бес.

Диван — государственный совет.

Дутар — струнный музыкальный инструмент.

Зиндан — темница.

Зякат — одна из полатей, взимавшаяся духовенством.

Каймак — топленые сливки.

Калкан — щит из кожи.

Калым — выкуп за невесту.

Камча — плеть.

Кап-гора — гора или горы, по средневековым представлениям опоясывающие край земли.

Карагач — лиственное дерево.

Кебаб — жаркое, шашлык.

Кобыз — струнный музыкальный инструмент.

Кош — кочевье.

Лал — красный драгоценный камень, рубин.

Лам — арабская буква Л.

Мазар — гробница.

Малле — одежда духовных лиц.

Мастан-кембир — колдунья, чародейка.

Намаз — молитва.

Палуан — силач, богатырь.

Пери — фея, ангел, красавица.

Резиф — резерв.

Садик, *сурьжай* — названия луков: верный, безжалостный.

Салык — подать.

Сулейман — библейский Соломон, почитаемый в исламе как пророк.

Сырнай, *кернай* — медные трубы, фанфары.

Табиб — лекарь.

Тарлан — разновидность орла.

Тебетей — головной убор.

Тоай — заросли.

Той — пир, празднество.

Тойхана — помещение, в котором происходит празднество, пир.

Фирман — указ.

Чекмень — шерстяной халат.

Шахид — мученик за веру, мусульманин.

Шейх — старейшина, духовное лицо.

Эль — народ, страна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Песня первая	23
Песня вторая	34
Песня третья	43
Песня четвертая	54
Песня пятая	71
Песня шестая	89
Песня седьмая	98
Песня восьмая	115
Песня девятая	125
Песня десятая	143
Песня одиннадцатая	156
Песня двенадцатая	173
Песня тринадцатая	188
Песня четырнадцатая	208
Песня пятнадцатая	226
Песня шестнадцатая	243
Песня семнадцатая	262
Песня восемнадцатая	274
Песня девятнадцатая	293
Песня двадцатая	304
Песня двадцать первая	318
Песня двадцать вторая	334
Песня двадцать третья	351
Песня двадцать четвертая	376
<i>Словарь</i>	405

СОРОК ДЕВУШЕК

*Каракалпакская
народная поэма*

Редактор А. Старостин

Художественный редактор

Г. Кудрявцев

Технический редактор

Л. Крючкина

Корректор А. Тилольт

Подписано к печати 19.V 1956 г.
А-06752. Формат 84×108¹/₁₆—25,5 печ. л.
41,82 усл. печ. л. 19 уч.-изд. л. +
+6 вкл. = 19,55 л. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 632. Цена 12 р.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Министерство культуры СССР.
Главное управление
полиграфической промышленности.
21 типография им. Ивана Федорова.
Ленинград, Звенигородская, 11.

